

Глава II

КУЛЬТУРА БОСПОРСКОЙ ЭЛИТЫ ПРИ СПАРТОКИДАХ

2.1. О династии Спартокидов

Ярчайший период в истории Боспора, связанный с правлением династии Спартокидов, постоянно находится в сфере научных интересов российских и зарубежных исследователей [см.: Гайдукевич, 1949, с. 54 сл.; Шелов-Коведяев, 1985а, с. 82 сл.; Завойкин, 2013, с. 286 сл.; Werner, 1955; Popova, 2007]. Несмотря на это, многие принципиально важные вопросы понимания его специфики остаются остро дискуссионными. О приходе к власти Спартока, как известно, имеется единственное свидетельство в «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского, которое сводится к тому, что это событие произошло после 42-х лет правления Археанактидов, т.е. в 438/37 г. до н.э. (*Diod.* XII. 31. 1). Для понимания происшедшей перемены, разумеется, очень большое значение имеет вопрос о том, каким образом осуществлялся переход власти – мирным или насильственным, но в тексте Диодора об этом ничего определённого не говорится. А.Н. Васильев, подводя итог научных дискуссий по вопросу об утверждении власти Спартока, пришёл к заключению, что материалы, находящиеся в распоряжении современных исследователей, не доказывают тезис о том, что в 438/37 г. до н.э. на Боспоре имел место насильственный переворот [Васильев, 1976, с. 159]. Это, конечно, так, но у нас не имеется и прямых доказательств обратного.

Принципиальное значение в связи с этим могло бы иметь окончательное решение вопроса о происхождении основателя династии, Спартока I, но пока что до этого далеко [см.: Popova, 2007]. Уже давно установлено, что его имя является фракийским [см.: Гайдукевич, 1949, с. 55; Тохтасьев, 1992, с. 181; Крыкин, 1993, с. 101–104; Молев, 1997, с. 48]. То же самое считалось в отношении другого популярного среди боспорских правителей имени – Перисад [см.: Гайдукевич, 1949, с. 55; Крыкин, 1993, с. 78-79], но оно, вероятно, является иранским (при этом не скифским) [см.: Тохтасьев, 1992, с. 178; Суриков, 2007б, с. 385; 2014б, с. 404-405]. Другие же имена владык Боспора, ставшие для Спартокидов династическими [Завойкин, 2006], являются чисто греческими (Сатир, Левкон, Евмел и др.). Такое положение по понятным причинам вызвало бесконечные споры, ведущиеся до сих пор без заметного успеха.

В общем, в современной научной литературе развиваются три давно и хорошо известные гипотезы по данной проблеме: фракийская [Виноградов Ю.Г., 1983, с. 418;

Шелов-Коведяев, 1985а, с. 83 сл.; ср.: Васильев, 1977], скифская [Десятчиков, 1985, с. 17; Яйленко, 1990б, с. 286; но ср.: Яйленко, 2014, с. 285, 287] и греческая [Блаватская, 1959, с. 40; Васильев, 1977, с. 204; Масленников, 1981, с. 62]. Гипотеза о синдо-меотском происхождении Спартокидов, в основе которой лежит представление о связи некоторых прикубанских племён, в частности синдов с фракийцами через киммерийцев, несмотря на авторитет выдвинувшего её М.И. Ростовцева [1918а, с. 29–32; 1989, с. 185; Rostovtzeff, 1922, p. 39] и все усилия его продолжателей [см.: Артамонов, 1949, с. 34, 36–37; Блаватский, 1954, с. 42; 1964а, с. 55–56], среди современных исследователей не находит приверженцев [см.: Васильев, 1974, с. 145 сл.].

Существует попытка объединить все три главные гипотезы на базе греческой: фракийское имя Спарток появилось среди греческого населения Боспора через скифов, поддерживавших тесные связи как с греками, так и с фракийцами [Tochtasjev, 1986, S. 120]. Надо признать, что заимствование чужеродных личных имён было явлением, широко распространённым у самых различных народов, в отношении этого историк готов Иордан даже сделал одно важное замечание: «Все знают и обращали внимание, насколько в обычае у племён перенимать по большей мере имена» (*Jord. Get.* 58; перев. Е.Ч. Скржинской). Правда, в таком ключе, на наш взгляд, логичней объяснять появление греческих имён среди представителей фракийского рода, утвердившего свою власть на Боспоре Киммерийском. Эллинизированные местные элементы, как представляется, легко могли менять свои имена на греческие [Ростовцев, 1989, с. 195].

Аргументы сторонников всех названных концепций звучат весьма логично и основательно, но они, скорей, отражают субъективную убеждённость исследователей в своей правоте, нежели совокупность бесспорных посылок, базирующихся на точных привязках к источникам. Источников по данному вопросу, как уже говорилось, у нас катастрофически мало, и, как представляется, без открытия каких-то новых документов надеяться на окончательное решение проблемы происхождения Спартокидов вряд ли возможно. Тем не менее, для любого исследователя, даже при недостатке материалов, общий взгляд на эту кардинальную проблему имеет большое значение, та или иная концепция может представляться более привлекательной. На наш взгляд, наиболее приемлемой является фракийская гипотеза [ср.: Vinogradov, 1980, S. 96–97, Anm. 185]. Она подкрепляется хотя бы фракийским именем основателя династии¹, а также особенностями развития боспорской элитной культуры, особенно в IV в. до н.э. Все остальные являются чисто логическими конструкциями.

Совсем не исключено, что окажется верной догадка Д.А. Мачинского, считавшего боспорского Спартока фракийским царевичем – братом Ситалка [Мачинский, 1993, с. 17], который, по сообщению Геродота, скрывался у скифов (*Herod.* IV. 80). Такое же мнение было высказано В.А. Анохиным, предположившим, что одрисский

¹ Следует оговориться, что в древности основателем боспорской династии считался не Спарток, а его внук Левкон I (*Ael. Var. hist.* VI. 13), «династия Спартокидов» – это результат творчества учёных нового времени [см.: Завойкин, 2013, с. 453].

стию Спартокидов с варварским миром, но уверенности в том, что «безымянный царь» является царём Боспора, у нас нет никакой [см.: Балахванцев, 2011; Завойкин, 2013, с. 442; Габелко, 2015].

И.Е. Суриков возражает против гипотезы о варварском происхождении Спартокидов: «Династия, которую воспринимали бы как варварскую и которая была бы верна варварским обычаям, просто не смогла бы на протяжении столь длительного хронологического отрезка осуществлять власть над греками» [Суриков, 2007б, с. 386, прим. 1]. Всё это так, но Спартокиды как раз всячески стремились продемонстрировать свою принадлежность к греческому миру, к греческой цивилизации, и их варварское происхождение вряд ли вызывало резко отрицательное отношение у влиятельных аристократических родов Боспора [Молев, 1997, с. 69, прим. 2]. Нет никакого сомнения в том, что Спарток и его преемники были поддержаны частью боспорской элиты, при этом частью весьма значительной и влиятельной [Ророва, 2007, р. 178]. Без этого их власть над Боспором, конечно, была бы абсолютно невозможна. Другое дело, что в элитной культуре, которую они олицетворяли, в частности, в IV в. до н.э., имеется ряд особенностей, позволяющих судить, что своё «варварство» Спартокиды не забывали, но об этом речь пойдёт ниже (см. главу 2.5). Сейчас же уместно привести очень верное, на наш взгляд, наблюдение Д.П. Каллистова: «Они (Спартокиды – Ю.В.) были связаны с туземной средой, пользовались каким-то авторитетом и находили в ней опору для своей власти. Трудно не связать этого с их негреческим происхождением» [Каллистов, 1949, с. 232].

Переход власти к Спартокидам означал принципиальный поворот в истории боспорских полисов. Нет никаких сомнений в том, что Спарток I утвердил свою власть именно в Пантикапее, ставшем впоследствии столицей Боспорского царства. Очень показательны, что с этого времени начинается монетная чеканка других, кроме Пантикапея, центров. Д.Б. Шелов показал, что к середине – третьей четверти и концу V в. до н.э. относится чеканка Феодосии, Нимфея, Фанагории и монет синддов [Шелов, 1956б, с. 30 сл.], Н.А. Фролова полностью подтверждает этот вывод [Фролова, 1988, с. 132; 2000, с. 340; ср.: Завойкин, 2013, с. 348]. Нет сомнения, что эти нововведения имели значение не только экономическое, но, может быть, даже в большей степени политическое, – действия Спартокидов, скорей всего, очень быстро стали опасными для традиционных полисных свобод, и перед этой угрозой города-государства Боспора Киммерийского стремились всячески продемонстрировать свою независимость. В развернувшейся борьбе Спартокиды оказались сильнее, и боспорские полисы один за другим стали попадать под их тираническую власть.

К концу V – началу IV вв. до н.э., т.е. к периоду правления Сатира I – Левкона I, наиболее оправданно относить сложение монархического Боспорского государства [Васильев, 1985, с. 15; 1992, с. 125; ср.: Завойкин, 2013, с. 392 сл.], в котором фигура правителя полностью заслонила государственный аппарат, обычный для любого греческого полиса, в том числе и в Северном Причерноморье [Васильев, 2001, с. 186]. В это время формируется своеобразная структура Боспора, включившая как бывшие

полисы (Пантикапей, Нимфей, Феодосия, Фанагория, Синдская Гавань и др.), так и отдельные варварские племена Прикубанья (синды, тореты, керкеты, фатеи и др.). Боспорское государство возникает и существует как греко-варварское, что очень важно для понимания всей его истории. При этом, несмотря на имевшие место катаклизмы и дестабилизации, весь ход развития государства продемонстрировал, что данное соединение разнородных элементов оказалось весьма органичным и жизнестойким. Греко-варварский характер Боспорского государства, который выразился в неоднородности этнического состава населения, дуализме культуры и т.д., нашёл отражение даже в официальной титулатуре его владык (архонты греческих городов и цари варварских племён). Ни в одном из других уголков античного мира ни один тиран не имел такой приставки к своему имени.

На Боспоре пышная титулатура сложилась при Левконе I. Во всяком случае, в боспорских надписях он первый именуется архонтом Боспора и Феодосии (КБН. 1111), а затем архонтом Боспора и Феодосии, царствующим над синдами, торетами, дандариями, пессами (КБН. 6; 1037; 1038) и, наконец, царствующим над синдами и, вероятно, над всеми меотами (КБН. 8). Этот титул имел и преемник Левкона Перисад I (КБН. 1039; 1040).

Очень важная надпись была открыта в 2000 г. во время раскопок в Нимфее, она позволяет внести некоторые коррективы в устоявшееся представление о порядке формирования титулатуры Спартокидов [Соколова, Павличенко, 2002; Тохтасьев, 2004, с. 157 сл.; Завойкин, 2013, с. 320-321]. В ней Левкон назван как «архонт Боспора и Феодосии, всей Синдики и торетов, дандариев, пессов». Сразу возникает вопрос, почему здесь был использован эпитет «вся» (πάσα) Синдики? Возможно, это было сделано для большей убедительности, чтобы подчеркнуть величие власти Левкона, простиравшейся на обширную процветающую страну (целую Синдику!) [Тохтасьев, 2004, с. 165, 173]. Можно предполагать, однако, что именно тогда все синдские племена были подчинены боспорскому тирану, что и нашло отражение в надписи. Второй вопрос, почему в этом документе Левкон назван архонтом, а не царём варварских племён? В отношении синдов это можно было считать и ранее (КБН. 6а). Сейчас же логично предполагать, что этот термин (архонт) поначалу был распространён и на другие варварские племена, подчинённые Боспору [Тохтасьев, 2004, с. 165]. Тем не менее, в более поздних надписях Левкон стал именоваться архонтом только в отношении своих греческих подданных, а для варваров стал царём (КБН. 6, 8, 1037, 1038), и эта формулировка утвердилась как стандартная для последующих правителей Боспора из рода Спартокидов. В принципе, с формальной стороны она сохраняла для греков автономию и гражданство (скорей, намёк на него!), варвары же были превращены в зависимое население.

С.Ю. Сапрыкин упорно отстаивает точку зрения, что власть Спартокидов является обычной полисной тиранией, а созданное ими Боспорское государство трансформировалось в эллинистическую монархию только с 80-60-х гг. до н.э., т.е. не ранее времени Митридата Евпатора [Сапыкин, 2003], но эта точка зрения вызывает очень

большие сомнения. Дело в том, что сами по себе полисы в титулатуре боспорских тиранов не нашли никакого отражения. Полис – это гражданская община, т.е., прежде всего, люди. Спартокиды же называли себя архонтами Боспора и Феодосии, а не «боспоритов и феодосийцев» [Суриков, 2015, с. 257], они явно подчёркивали свою власть над некой территорией и особо не стремились продемонстрировать связь с полисными традициями.

Нет сомнения, что Спарток получил власть в греческом колониальном полисе, и изначально это была полисная тирания [Завойкин, 2007, с. 220; 2013, с. 437 сл.], но если этого тирана считать выходцем из Фракии, то приходится признать, что он принёс с собой представление о власти, характерное отнюдь не только для греческого мира. На территории Фракии в это время уже существовало Одрисское царство [Златковская, 1971; Archibald, 1998], находившееся под сильным влиянием, с одной стороны, Эллады, а с другой – Персидской державы. Мы не будем углубляться в вопрос о возможности существования фракийской сатрапии в составе империи Ахеменидов [Hammond, 1980], но даже если эта гипотеза неверна [см.: Златковская, 1971, с. 23], силу воздействия Персии на политическое и культурное развитие фракийского мира вряд ли можно оспаривать [см.: Brosius, 2010, p. 31-32; Gergova, 2010; Rehm, 2010].

По вопросу своеобразия монархической власти боспорских правителей в науке как будто прочно возобладал вывод М.И. Ростовцева, который отмечал, что «мы имеем слишком мало данных, чтобы выделить в боспорском архонте элементы ионийской городской тирании, эллинистической царской власти и предполагаемые элементы иранской монархии божьей милостью» [Ростовцев, 1913, с. 18]. В другой своей работе он выразил эту мысль более пространно: «Боспорская тирания представляется очень своеобразным и единичным явлением в конституционной истории античного мира. Её нельзя назвать ни чистой военной тиранией типа сиракузской, гераклейской и многочисленных кратковременных городских тираний IV и следующих веков, представительниц так называемой младшей тирании, ни чистой βασιλεία, т.е. царской властью восточного или эллинистического типа» [Ростовцев, 1989, с. 193].

Существенные изменения в это понимание внесены В.П. Яйленко. Он считает, что известная система управления Боспорским государством в виде института соправления является результатом развития «улусного» принципа распределения владений между членами правящего рода у скифов [Яйленко, 1990б, с. 286, 291; 1995, с. 240; но ср.: Васильев, 1986]. Такая интерпретация, как и поддерживаемая этим исследователем гипотеза о скифском происхождении Спартокидов, однако, не представляется в полной мере убедительной.

В этом отношении ещё раз можно обратиться к титулатуре Спартокидов, поскольку, как уже частично было сказано, она демонстрирует уникальное явление во всей греческой истории. С.Р. Тохтасьев, на наш взгляд, абсолютно верно отмечал, что традиция пышных титулов, очевидно, восходит к политической практике Древнего

Востока, где в официальных документах издревле было принято отмечать ядро территориальных владений царя, а затем называть все народы и царства, которые ему удалось завоевать. В V в. до н.э. эту традицию сохраняла Персидская держава, и, очевидно, именно оттуда она проникла на Боспор [Тохтасьев, 2001а; 2004, прим. 132; но см.: Завойкин, 2007, с. 231; 2013, с. 426].

Ещё один любопытнейший момент, связанный с правлением Спартокидов, связан с обожествлением их власти. Страбон сообщает, что к сонму богов был причислен Перисад I, правивший в 347/46–310/9 гг. до н.э. (*Strab.* VII. 4.4). Обожествление, скорее всего, имело место после смерти царя, правление которого пришлось на период наивысшего расцвета Боспора, когда государство находилось, так сказать, под божественной дланью [Суриков, 2014б, с. 408-409]. Других надёжно зафиксированных примеров обожествления боспорских владык мы не знаем, однако В.П. Яйленко предполагает, что прижизненный культ монарха на Боспоре был введён ещё до Перисада – при Левконе I [Яйленко, 1995, с. 238]. Спартокиды ему представляются династией царских скифов, прижизненный культ которых осуществлялся под эгидой Афродиты Урании Апатуры – иранской Анахиты, подательницы царской власти [Яйленко, 1995, с. 253]. Гипотеза о раннем обожествлении боспорских монархов *a priori* представляется вполне правдоподобной и даже соблазнительной, если иметь в виду практику обожествления эллинистических правителей [см.: Нефёдов, 2014], но она основана на слишком зыбкой базе фактических данных и по этой причине вызывает серьёзную критику [Суриков, 2014б, с. 402 сл.].

Мы, к сожалению, очень мало знаем о функционировании «государственной машины» Спартокидов, о характере их взаимоотношений с элитой государства при принятии тех или иных решений, о наказании провинившихся приближённых или наградах особо отличившихся. В отношении первого можно в какой-то степени судить из эпизода об «измене» Сопея. В одной из судебных речей Исократ говорит о деле этого очень богатого и влиятельного на Боспоре человека, который был арестован Сатиром I по подозрению в заговоре, но потом реабилитирован (*Isocr.* XVII; см.: Гайдукевич, 1949, с. 64–66; Шелов-Коведяев, 1985а, с. 113, 160). Владыки Боспора, как видим, могли карать и миловать всех своих подданных, даже входивших в число «избранных». С.Р. Тохтасьев полагает, что «Спартокидам не позже, чем к концу правления Перисада I, удалось превратить немалую ... часть граждан боспорских полисов в подданных, в людей, отказавшихся от полисных идеалов даже на уровне самосознания» [Тохтасьев, 2006, с. 426]. Процесс этого «превращения», надо думать, начался гораздо раньше, по крайней мере со времени правления Сатира I и Левкона I.

«Избранные» из числа подданных получали в управление от боспорских тиранов немалые земельные владения. В частности, это известно относительно упомянутого Сопея, начальствовавшего над большой областью и имевшего попечение о всех владениях Сатира (*Isocr.* XVII. 3). Несколько позднее Евмел предоставил тысяче каллатийцев город для поселения и разделил на участки так называемую Псою (*Diod.* XX. 25). На наш взгляд, вполне очевидно, что Спартокиды владели

немалыми земельными угодьями и распоряжались ими по своему усмотрению [Ростовцев, 1989, с. 187; Завойкин, 2013, с. 224 сл.; 2015, с. 105].

О поощрении лиц, отличившихся перед Боспорским государством, имеется единственное свидетельство афинского оратора Эсхина, связанное с эпизодом «измены» Гилона, в результате которой Нимфей попал под власть Сатира I (*Aeschin.* III. 172; см.: Жебелёв, 1952, с. 180 сл.; Гайдукевич, 1949, с. 176-177; Шелов-Коведяев, 1985а, с. 90 сл.). Как известно, боспорский владыка дал ему «на кормление» город Кепы, и хотя Эсхин не говорит, что город был получен именно за «измену» [Braund, 2011, p. 8], но ясно, что такое пожалование должно быть мотивировано самым серьёзным образом. Надо признать, что речь Эсхина не может являться надёжным историческим источником: к свидетельству политического врага Демосфена о преступлениях против Афин его деда, имевших место на далёком Боспоре, никак нельзя относиться с полным доверием [Суриков, 2009б; Braund, 2003, p. 198–202; 2011]. В политической борьбе, как известно, все средства хороши, и афинские ораторы прибегали к ним без всякого стеснения. Понятно, что не может быть никакой уверенности в том, что Нимфей перешёл под власть Сатира именно благодаря «измене» Гилона. Другой вопрос – получал ли тот Кепы? И.Е. Суриков считает, что и на этот вопрос следует ответить отрицательно [Суриков, 2009б, с. 410], но, по его же мнению, если всё-таки этот факт имел место, то здесь припоминается «раздаривание персидским царём городов своей державы знатным беглецам-эллинам» [Суриков, 2009б, с. 395, прим. 10; ср.: Завойкин, 2013, с. 458]. Это замечание, на наш взгляд, заслуживает особого внимания.

Можно допустить, что в данном случае Эсхин уподобил Гилона более знаменитым афинянам, бежавшим к персидскому царю и получившим от него в управление те или иные греческие города Малой Азии. Среди таких беглецов, как известно, были Фемистокл (*Thuc.* I. 138; *Diod.* XI. 57; *Plut. Them.* 27-29) и Алкивиад (*Plut. Alcib.* 24-26; *Nepos.* Alcib. 9). С.А. Жебелёв относился к этому свидетельству Эсхина с большим сомнением, предполагая, что Гилон получил от Сатира не город Кепы, а земельный участок в неких Садах [Жебелёв, 1952, с. 192-193; ср.: Гайдукевич, 1949, с. 176; Ростовцев, 1989, с. 187]. Другие исследователи вполне доверяют этой информации [см.: Латышев, 1909, с. 74; Шелов-Коведяев, 1985а, с. 110-111, 165; Молев, 1997, с. 66; Завойкин, 2007, с. 229; 2013, с. 458]. Некоторые даже высказывали догадку, что Сатир I при этом действовал в соответствии с практикой персидских царей [Белова, 1954, с. 8; Сокольский, 1963, с. 102]. Этому любопытнейшему аспекту была посвящена специальная статья Г.А. Кошеленко и О.М. Усачевой, которые нашли в нём свидетельство того, что на Боспоре действительно существовала персидская система дарения городов людям, особо отличившимся перед царём [Кошеленко, Усачева, 1992]. Если это было действительно так, то власть Спартокидов предстаёт перед нами весьма своеобразно.

Необходимо обратить внимание, что богатые подарки монархов своим друзьям и отличившимся приближённым – вещь достаточно обычная. Хорошо известно, особой

щедростью отличался Александр Великий (*Plut. Alex.* 9; 25; 29; 39), но имеется всего одно свидетельство о его попытке подарить город. Своему другу, афинянину Фокиону, Александр предложил на выбор один из четырёх городов Азии, но тот не принял этот дар (*Plut. Phoc.* 18; *Ael. VH. I.* 25). Фокион, как представитель эллинской элиты того времени, поступить иначе просто не мог [см.: Nawotka, 2005]. Отметим, что этот эпизод имел место в конце жизни великого завоевателя, когда он всё более и более перенимал персидские обычаи. Преемники Александра, естественно, активно использовали практику дарения городов в Малой Азии [Климов, 2010], но даже в то время почти невозможно представить, чтобы кто-нибудь из приближённых царя получил от него в «кормление», к примеру, Милет или Эфес. На Боспоре, как можно считать, всё было несколько иначе ещё задолго до походов Александра Македонского: владыка Боспора мог пожаловать «в кормление» иностранцу некогда независимый боспорский полис².

Учитывая приведённые факты, не вызывает особого удивления, что В.Д. Блаватский предлагал понимать форму политического устройства, сложившуюся на Боспоре при Спартокидах, близкой той, которая возникла после восточного похода Александра Македонского, называя её протоэллинизмом [Блаватский, 1955, с. 109 сл.; 1959а, с. 14, 20; 1985, с. 109 сл., 123 сл.]. Такая трактовка вызвала бурную полемику. В.Ф. Гайдукевич, в частности, писал, что «задача состоит скорее не в том, чтобы подогнать Боспор под рубрику “эллинистических государств”, а в том, чтобы выявить в полной мере специфику Боспора как государства греко-туземного, сформировавшегося в результате особых условий, в каких оказались греческие колонии на Боспоре Киммерийском ещё в VI в. до н.э.» [Гайдукевич, 1955, с. 114, прим. 1]. Ф.В. Шелов-Коведяев, проанализировав аргументацию В.Д. Блаватского, пришёл к выводу, что предположение о протоэллинизме, как об особом этапе в развитии греческой периферии, и о Боспоре при ранних Спартокидах, как о вполне эллинистической монархии, слишком преувеличено [Шелов-Коведяев, 1985а, с. 182 сл., 186; 1985б, с. 320]. А.А. Завойкин предпочитает говорить о псевдоэллинизме на Боспоре [Завойкин, 2001; 2013, с. 438; 2014, с. 24 сл.]. А.В. Подосинов, напротив, в «теории протоэллинизма» видит рациональное зерно, помогающее лучше понять своеобразие Боспора среди других греческих государств Северного Причерноморья [Подосинов, 2014]. Во многом соглашаясь с ним, необходимо отметить, что в этом регионе только Боспорское царство (не Ольвия и не Херсонес Таврический!) в какой-то степени действительно приближалось к эллинистическим монархиям Востока [Ростовцев, 1989, с. 193; Андреев, 1996, с. 16; Андреев, Марченко, 2005, с. 414].

Складывается впечатление, что Спартокиды при создании своего государства кое-что заимствовали у владык Персидской державы. Политический опыт этой мировой

---

² Кепы были одной из самых ранних греческих апоекий, основанных на берегах Боспора Киммерийского, и в её полисном статусе невозможно сомневаться [Виноградов, 1993а, с. 86; 2005, с. 222; Цецхладзе, 1999, с. 195].

державы для них мог быть полезным, а культура персидской элиты представлялась очень притягательной. Возможно, по этой причине на Боспоре сосредоточено столь большое количество ахеменидских цилиндрических печатей [Трейстер, 2011, с. 119; 2013, с. 356; Treister, 2010, р. 251–256]. Персидское культурное влияние ощутимо и в составе инвентаря кургана у села Баксы, который, как представляется, принадлежит одному из создателей Боспорского государства – Сатиру I (см. главу 2.5). Все эти факты, однако, никак не могут свидетельствовать в пользу гипотезы о политическом подчинении Боспора Персии, которая в том или ином виде развивается некоторыми исследователями [Кошеленко, 1999; Яйленко, 2004а, Цецхладзе, 2014, с. 216–217; Fedoseev, 1997; Nieling, 2010]. На наш взгляд, уместней говорить, что Боспор при ранних Спартокидах находился в зоне влияния государства Ахеменидов, прежде всего культурного, но в определённой степени и политического [Виноградов, 2000, с. 118–119; ср.: Молев, 2001а; 2001б; 2006].

Персофильские взгляды, как известно, были не чужды части правящей элиты полисов Эллады. Подражание персидским обычаям и вообще симпатия по отношению к персам (мидянам) в Древней Греции тоже имело место, особенно в среде «золотой молодёжи». Это явление даже получило название *μηδισμός* – «мидизм» [Доватур, 1957, с. 81; Рунг, 2009, с. 37 сл.], но оно там решительно осуждалось, особенно когда Персия воспринималась как враг [Рунг, 2009, с. 39]. На Боспоре же всё могло быть совсем иначе – величие Персидской державы, её сказочные богатства, красота культуры и пр., как представляется, оказывали сильное воздействие как на политические пристрастия, так и на эстетические вкусы немалой части местной аристократии, в том числе и правящего рода Спартокидов.

В IV в. до н.э., несомненно, имел место и другой центр сильнейшего культурного влияния – Афины, с которыми Боспор поддерживал очень выгодные торговые связи. Не удивительно, что гробницы боспорской аристократии, в особенности некрополя Юз-Оба, наполнены самыми изысканными произведениями аттического прикладного искусства. Однако и здесь, на этом очевидном для всех эллинском фоне, всё-таки проявлялись культурные элементы, которые можно определить как «медисмос», к примеру, те самые ахеменидские цилиндрические печати, о находках которых на Боспоре неоднократно говорилось выше.

Эти печати, конечно, придают культуре элиты Боспора весьма своеобразный оттенок, но пройдёт не очень много времени, и в могилах боспорской аристократии на смену ахеменидским печатям появятся золотые монеты с изображением Александра Великого [Зограф, 1945] и Лисимаха, а в боспорской торевтике будут выступать черты македонской моды [Roberts, 2009; Бутягин, Виноградов, 2014, с. 83–84, 110, 113]. Все эти явления, конечно, никак не могут свидетельствовать о включении Боспора в Македонскую державу. Дело здесь в другом – боспорская элита тогда приобрела новый объект для культурного подражания. В таком «подражательстве», конечно, надо видеть стремление боспорской аристократии не просто продемонстрировать свою культурную близость к элите наиболее мощной в то время державы, но и в известной

скими родами, сложилась на Боспоре, как представляется, в весьма ранние времена. Нет сомнений, что она с успехом просуществовала вплоть до поздней античности.

Завершая этот раздел, следует привести очень точное и выверенное заключение Ю.В. Андреева, считавшего, что Боспорское государство времени правления династии Спартокидов можно выделить в совершенно особую модель греко-варварских контактов. Он писал: «Цари из этого рода сумели сбалансировать и до известной степени примирить интересы своих разноплеменных подданных в рамках созданного ими полиэтничного государства» [Андреев, 1996, с. 14]. Исключительное своеобразие боспорской культуры, в которой наиболее отчётливо проявились тенденции греко-варварского синтеза, Ю.В. Андреев объяснял тем, что здесь в сравнении с другими античными государствами Северного Причерноморья наиболее прочными оказались связи на элитарной ступени социальной иерархии. Только на Боспоре греко-варварский синтез вылился в более или менее устойчивые и жизнеспособные синкретические в своей основе формы государственного устройства, социальных отношений, религии и искусства, только Боспорское царство в какой-то степени приближалось к эллинистическим монархиям Востока с характерным для них греко-варварским дуализмом [Андреев, 1996, с. 16; Андреев, Марченко, 2005, с. 414].

Принципиальное значение для понимания этого явления имеют материалы боспорских курганов, исследованию которых отечественная наука, как уже говорилось, посвятила весь XIX в. Среди них имеются как очень показательные памятники, которые следует считать эллинскими, так и ярчайшие погребальные комплексы туземной знати [см.: Виноградов, 2001а; 2005а, с. 245 сл., 268 сл., 290 сл.]. В связи с боспорскими курганами М.И. Артамонов эмоционально, но очень верно заметил: «Где это видано, чтобы греки, жители городов, устраивали кладбища вдали от городов, в степи, да еще располагали курганы так, как они размещались обычно у кочевников, т.е. по сыртам, вдоль водораздельных холмов? Уже одно это расположение должно указать каждому внимательному наблюдателю на тесную связь погребённых со степью, а не с городом» [Артамонов, 1949, с. 31]. Более подробно о варварских элементах в боспорских курганах речь пойдет ниже, сейчас же следует обратить внимание на то, что с приходом к власти Спартокидов на Боспоре появился один в высшей степени важный культурный элемент – возникла традиция возведения монументальных склепов с уступчатым перекрытием, ставших почти непременным атрибутом боспорской аристократической культуры. Генезис этих склепов заслуживает специального рассмотрения, и правильнее это будет сделать, учитывая другие типы монументальных гробниц, в разное время существовавших на берегах Боспора Киммерийского.

2.2. Монументальные гробницы Боспора IV в. до н.э.

Боспорские склепы справедливо считаются жемчужиной в культурном наследии, оставленном нам классической древностью на северном берегу Чёрного моря. Несмотря на то, что подавляющее число этих памятников было открыто в XIX в. и документация

об их устройстве порой очень скудна или же почти отсутствует, общая картина типологического развития склепов достаточно очевидна. Может быть, по этой причине споры о хронологии и культурной принадлежности отдельных групп памятников на страницах научных изданий в последние десятилетия несколько поутихли.

Нельзя сказать, что боспорские монументальные склепы сейчас находятся на периферии научных интересов современных исследователей. Нет, они непременно упоминаются в любой обобщающей работе, посвящённой культуре Боспора времени классики и эллинизма. Может даже сложиться впечатление, что в этой области знания всё уже давно решено, никакой проблемы больше не существует, а для учёных наших дней остается одно – выражать восторги по поводу мастерства древних архитекторов и строителей. Однако это совсем не так. По понятным причинам, в ряду монументальных склепов особое внимание уделяется конструкциям с уступчатым перекрытием, т.е. с ложным сводом, в котором вышележащие ряды кладки несколько выступают над нижележащими. Среди них можно назвать Царский, Золотой, Мелек-Чесменский, некоторые склепы некрополя Юз-Оба и др. (см. главу 2.3). Такие сооружения очень характерны для боспорской погребальной архитектуры IV в. до н.э., но встречаются и позднее (см. главу 2.9), даже в первые века н.э. [см.: Молев, Шестаков, 1991, с. 76–78; Ермолин, 2007; Хршановский, 2011, с. 404 сл.; Федосеев, 2014].

Уступчатые склепы, однако, не являются единственным типом боспорских элитных склепов IV в. до н.э. В их составе имеются также каменные гробницы с перекрытием из каменных плит или деревянных плах; склепы с ложным сводом, выступы кладки в которых были гладко стёсаны (т.н. циркульные); имеется также единственный склеп с арочным перекрытием. Все они будут кратко охарактеризованы чуть ниже.

С.Д. Крыжицкий полагает, что формирование архитектуры погребальных сооружений началось в Северном Причерноморье, в том числе и на Боспоре, в середине – конце IV в. до н.э. [Крыжицкий, 1993, с. 166], однако это не совсем верно. Ранние боспорские каменные склепы появились задолго до обозначенного им срока.

Есть все основания считать, что это были *каменные гробницы, имеющие плоское перекрытие из каменных плит или деревянных плах*, которые продолжают традицию более раннего времени (см. главу 1.3, 1.6, 1.7). В отношении Азиатского Боспора уже давно установлено, что по причине бедности этой территории камнем, даже богатые гробницы обычно строились там из сырцового кирпича и перекрывались деревянными плахами [Ашик, 1848, с. 15; Гёрц, 18986, с. 74, 77].

Хрестоматийно известным примером каменной гробницы, относящейся к последней трети IV в. до н.э., является склеп Второго Павловского кургана [см.: Гайдукевич, 1949, с. 254–255; Гриневиц, 1952, с. 133–138; Уильямс, Огден, 1995, с. 166 сл.; Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 19–32; Gajdukevič, 1971, S. 274–275]. В этом склепе, перекрытом каменными плитами³, было очень богатое погребение, которое

---

³ Представление о том, что склеп Павловского кургана имел уступчатое перекрытие [см.: Ростовцев, 1913–14, с. 107; 1925, с. 194; Артамонов, 1966, с. 67], ошибочно.

можно трактовать как жреческое [Гайдукевич, 1949, с. 255; Шауб, 2007а, с. 342-343; Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 31; Gajdukevič, 1971, S. 275; см. также главу 5.5]. К тому же типу относятся некоторые погребальные комплексы некрополя Юз-Оба [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 132].

Следует отметить, что самый ранний из известных ныне боспорских расписных склепов – гробница 1908 г., построенная во второй половине IV в. до н.э., относится к сооружениям этого типа [Ростовцев, 1913-14, с. 70–82; Ернштедт, 1955, с. 250-251]. На Тамани тоже имеются очень показательные каменные гробницы с плоским перекрытием. Самая известная из них содержала знаменитый таманский саркофаг [Гладкий, 1916; Гриневич, 1928; Пятышева, 1949; см. также главу 2.10]; погребения в ней, как представляется, стали производиться с рубежа IV–III вв. до н.э. [Виноградов, 2010г, с. 118]. В подобной гробнице под Фанагорией в 1852 г. была обнаружена серия замечательных полихромных фигурных сосудов [см.: ДБК, с. 92 сл.; Виноградов, Шауб, 2007; Застрожнова, 2012]. Выше отмечалось, что для азиатской стороны были очень характерны погребальные сооружения, сложенные из сырца, и это действительно так. Отметим, что именно в сырцовой гробнице было совершено второе захоронение с хрестоматийно известными фигурными сосудами, открытое под Фанагорией в 1869 г. [см.: Фармаковский, 1921; Передольская, 1936; Паромов, 2004; Виноградов, Шауб, 2007].

Склепы с уступчатым перекрытием представляют особый научный интерес. По форме погребальной камеры их можно разделить на два типа: четырёхугольные и круглые (см. главу 2.3); почти все они имели дромосы, хотя известны и бездромосные конструкции⁴. Характер уступчатого перекрытия может быть различным, но самый простой его вариант устраивался с двух длинных сторон гробницы [Савостина, 1986, с. 92]. Ложный свод, как известно, позволял обходиться без замкового камня.

Уступчатые склепы, как заметила Н.П. Сорокина, демонстрируют «своеобразное направление в архитектуре Боспора» [Сорокина, 1973, с. 384-385]. С такой характеристикой вполне можно согласиться, хотя она, на наш взгляд, не отражает главного – только с появлением уступчатых склепов в культуре боспорской аристократии утвердился тип монументальной погребальной конструкции, который ранее не был известен ни в одном из греческих государств Северного Причерноморья. Близкие аналогии им хорошо известны на территории Фракии (см. главу 2.3). Логично предполагать, что это нововведение было связано с усилением фракийского влияния на Боспоре, связанного с утверждением здесь династии Спартокидов. В.Ф. Гайдукевич, считал, что гробницы этого типа появились на Боспоре в конце V в. до н.э. [Гайдукевич, 1949, с. 245; 1981, с. 51], а вот В.Д. Блаватский полагал, что это произошло позднее – не ранее второй четверти IV в., вероятно, ближе к середине столетия [Блаватский, 1964а,

⁴ Не все склепы, которые считаются бездромосными, таковыми были на самом деле. К примеру, Е.А. Савостина отнесла к типу бездромосных склеп № 50 Третьего кургана Юз-Обы [Савостина, 1986, с. 95, № 3]. В действительности же этот склеп имел короткий дромос [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 48].

с. 81]. В наши дни это нововведение относят приблизительно к рубежу V–IV вв. до н.э. [Савостина, 1986, с. 84; Tsetskhladze, 1998a, p. 49]. Самым ранним в ряду сохранившихся памятников такого рода, по всей видимости, является склеп Баксинского кургана, сооружённый в начале IV в. до н.э. (см. главу 2.5), который с полным основанием можно относить к категории царских, как и два других – Царский и Золотой курганы (см. главу 2.5).

Склепы с циркульным (или цилиндрическим) сводом появились позднее уступчатых (см. главу 2.4). Их можно разделить на два типа: конструкции с ложным сводом и арочным перекрытием. Первые по существу являются вариантом гробниц, описанных выше. Они тоже состоят из погребальной камеры с ведущим к ней дромосом, но выступы каменной кладки, составляющей перекрытие, в них гладко стёсаны, образуя подобие арки. Среди памятников такого рода можно выделить склеп кургана на землях Мирзы Кекуватского [Виноградов, 2012б; Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 97 сл.; см. главу 2.6]. Замкового камня такие своды, по понятным причинам, тоже не имели.

Склеп с арочным перекрытием, относящийся к IV в. до н.э., представлен на Боспоре единственным памятником – гробницей № 47 Шестого кургана Юз-Обы [Ростовцев, 1913-14, с. 103; Гайдукевич, 1949, с. 259-260; Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 62 сл.; Gajdukevič, 1971, S. 279]. По этой причине он заслуживает самого пристального научного внимания (см. главу 2.4). Необходимо отметить, что, вероятно, с начала III в. до н.э. арочное перекрытие стало применяться при сооружении так называемых склепов македонского типа (см. главу 2.8). Естественно, арка широко использовалась в погребальных памятниках первых веков н.э. [см.: Хршановский, 2011].

Особым типом монументального погребального сооружения следует считать *грандиозную катакомбу* Острога (Десятого) кургана Юз-Обы [Виноградов, 2014д; см. главу 2.5]. Есть все основания считать этот памятник царским. Возможно, здесь был погребён основатель Боспорского государства – Левкон I.

Дальнейшее развитие боспорской погребальной архитектуры доримского времени в значительной степени было определено распространением склепов македонского типа (см. главу 2.8), а также несколько видоизменённых под их влиянием склепов с уступчатым перекрытием (см. главу 2.9).

2.3. Склепы IV в. до н.э. с уступчатым перекрытием

Боспорские уступчатые склепы, как уже частично было сказано выше, являются своего рода «визитной карточкой» классической культуры на берегах Керченского пролива, придавая ей легко узнаваемый облик и отличая её от других греческих центров региона⁵. В XIX в. такие перекрытия, сделанные на две стороны, часто на-

⁵ По количеству и качеству подобных памятников Северо-Западный Крым и Ольвия не идут ни в какое сравнение с Боспором [см.: Диатроптов, 2001, с. 65-66].

зывали «призматическими», а перекрытие на четыре стороны определяли как «пирамидальные» египетской конструкции или просто «египетские». Вопрос об их появлении на Боспоре до сих пор остаётся не вполне ясным, вызывая большое количество споров среди специалистов, хотя к Египту они явно не имели никакого отношения. Болгарский исследователь Б. Филов почти 80 лет назад отмечал сходство гробниц Боспора и Фракии и признавал, что склепы Царского, Мелек-Чесменского и других боспорских курганов были созданы под влиянием фракийских образцов [Филов, 1937, с. 101-102], и эта точка зрения до сих пор представляется наиболее привлекательной.

Хорошо известно, что в отечественной науке вопрос о происхождении боспорских склепов остро дискутировался в 50-х годах XX в. Тон дискуссии был задан статьёй С.А. Кауфман, в которой предполагалось, что этот тип погребальных сооружений восходит к древней эгейской традиции, проникшей на Боспор через Фракию в связи с общим усилением фракийских влияний при ранних Спартокидах [Кауфман, 1947]. Иной точки зрения придерживался В.Д. Блаватский. Вполне обоснованно утверждая, что местное население Приднепровья, Подонья и Крыма располагало многообразием архитектурных типов и строительных приёмов, он заключил, что тип боспорских склепов восходит к погребальным сооружениям варварских племён Северного Причерноморья – деревянным срубам, шатровым конструкциям и пр. [Блаватский, 1955]. Против этого вывода резко возражал В.Ф. Гайдукевич, придерживавшийся идеи о родстве боспорских склепов с фракийскими [Гайдукевич, 1949, с. 265-266; Gajdukevič, 1971, S. 271, 282-283]. Он справедливо указывал, что с формально-типологической стороны между каменным уступчатым склепом и деревянным срубом нет ничего общего, поэтому усматривать здесь какую-то взаимосвязь невозможно [Гайдукевич, 1981, с. 50 сл.]. В общем, гипотеза В.Д. Блаватского не нашла последователей и сейчас имеет только историографический интерес.

Г.Р. Цецхладзе, рассматривающий боспорские склепы на широком фоне подобных сооружений Малой Азии, Фракии и Скифии, признаёт сходство боспорских и фракийских гробниц слишком большим, чтобы объяснять это простым совпадением [Tsenskhladze, 1998b, p. 55], он тоже допускает, что эта близость была связана с политическими реалиями – фракийским происхождением Спартокидов [Tsetskhladze, 1998b, p. 78]. К сожалению, датировка фракийских гробниц до сих пор остаётся весьма расплывчатой, их появление относят либо к концу V в. до н.э. [Гошев, 2005, с. 58], либо к середине этого столетия [Tsetskhladze, 1998a, p. 51]⁶. Надо особо отметить, что количество древних курганов на территории Фракии очень велико; говорят о 10–15 тыс. таких памятников, и, конечно, они давно нуждаются в надлежащей инвентаризации [Китов, 1993, с. 42]. Среди них имеется немало очень крупных, достигающих в высоту 8–15 м, а приблизительно 50 курганов надо признать огромными,

⁶ К. Рабаджиев считает, что царские гробницы во Фракии стали возводиться не ранее середины IV в. до н.э. [Рабаджиев, 2011а, с. 44].

они превышают 15 м [Китов, 1993, с. 50-51]. Погребальные сооружения, над которыми возводились курганные насыпи, во Фракии отличаются большим разнообразием [см.: Миков, 1955; Венедиков, Герасимов, 1972, с. 63-72; Базайтова, 2006; Вьлева, 2013; Bazaytova, 2005], и на это следует обратить особое внимание (рис. 16).

По мнению Г.Р. Цецхладзе, в истории склепов Фракии выделяются два основных этапа: на первом (середина V – середина IV вв. до н.э.) строились конструкции с камерой четырехугольной в плане формы, на втором (середина IV – III вв. до н.э.) – камеры круглой формы [Tsetskhladze, 1998a, p. 51]. На Боспоре Киммерийском круглые склепы не получили широкого распространения. Наиболее известным памятником такого рода является склеп, открытый в знаменитейшем в нашей историографии Золотом кургане [Гайдукевич, 1981, с. 6 сл.; Виноградов, 2010б; см. главу 2.5], насыпь и крепиду которого иногда связывали с остатками киммерийской культуры [см.: Блаватский, 1948, с. 14; 1964а, с. 13-14]. Г.Р. Цецхладзе, основываясь на своей хронологической схеме развития фракийских склепов, признаёт грандиозный склеп Золотого кургана относительно поздним, датируя его концом IV в. до н.э. [Tsetskhladze, 1998a, p. 49], что, скорее всего, соответствует действительности (см. главу 2.5). Более того, это погребальное сооружение вообще следует считать наиболее поздним в серии монументальных склепов Боспора периода первого расцвета его культуры [Виноградов, 2007а, с. 17; 2010б, с. 476]. «Золотой век» склепов с уступчатым перекрытием, как видим, приходится на IV столетие до н.э., хотя они, бесспорно, возводились и позднее.

Сравнительно недавно В.Д. Кузнецов высказал идею, что эти погребальные конструкции являются оригинальным изобретением архитекторов Боспора [Кузнецов, 2004, с. 122]. С нашей точки зрения, такое представление, отбрасывающее Боспорское царство чуть ли не в состояние культурной изоляции, никак нельзя признать продуктивным. Вряд ли могут возникнуть сомнения в том, что элита Боспора располагала необходимыми материальными ресурсами, чтобы пригласить к себе квалифицированных мастеров (в том числе и архитекторов), хорошо зарекомендовавших себя в Средиземноморье. В любом случае, боспорские архитекторы трудились не в вакууме, и, надо думать, им не надо было изобретать такое простое решение перекрытия погребальной камеры, каковым является ложный свод. Есть все основания считать, что они были прекрасно знакомы с ним на многочисленных примерах таких построек в других странах, и в их ряду в первую очередь следует назвать фракийские гробницы.

Ещё раз следует подчеркнуть, что Фракия знаменита не только огромным количеством древних курганов, но и большим разнообразием типов монументальных гробниц в них (рис. 16), на Боспоре же первоначально получил распространение лишь один из них – склеп с ложным, уступчатым сводом, но эта конструкция на тот момент как будто являлась самой престижной. Разумеется, тип фракийского склепа не был механически перенесён на боспорскую почву, а, как правильно отмечал В.Ф. Гайдукевич, был приспособлен, адаптирован к новым условиям [Гайдукевич, 1949, с. 265-266].

В данном контексте немалый научный интерес приобретает вопрос, каким образом склепы с ложным сводом появились во Фракии. Всё-таки трудно согласиться с В. Миковым, в своё время утверждавшим, что все фракийские гробницы непременно имели местные корни [Миков, 1955]. На этой территории имеются сооружения с уступчатым перекрытием или же с перекрытием, в котором выступы последовательных рядов каменной кладки были гладко стёсаны. Вполне очевидно, что эти погребальные сооружения в своей основе восходят к типу жилой постройки с двускатной кровлей. Убедительно объяснить воплощение этой идеи в погребальной архитектуре пока вряд ли можно, но, прекрасно понимая такое положение, рискнём высказать одну догадку.

Если считать, что погребальные сооружения элиты любого общества могут быть отражением или подражанием традициям иных народов, создавших крупные государства (можно сказать, мировые державы), то, исходя из этого, можно наметить некий маршрут распространения идей, связанных с пониманием статуса владыки (царя) и шире – статуса правящей аристократии. Культура элиты таких держав, на наш взгляд, вполне могла стать предметом особого почитания, и подражания ей могли распространяться на очень обширные территории.

Любопытно, что царские погребальные сооружения Фригии, первой крупной монархии Малой Азии, представляют собой деревянные срубы, имеющие перекрытия из брёвен [Young, 1981]. Лишь в гробнице, которую приписывают Мидасу, это перекрытие имеет какой-то намёк на двускатность [Young, 1981, p. 85 ff., 90-91, fig. 55–58, p. 271]. Относительно небольшие курганы, раскопанные под Гордионом, тоже не дают оснований полагать, что интересующая нас традиция имела происхождение в этом месте и в это время [Kohler, 1995]. Ясно, что не эти памятники стали предметом для подражания на западе Малой Азии и во Фракии. В курганном некрополе под Сардами, где были погребены лидийские цари, опять же вряд ли можно искать прототипы склепов, свод которых имитирует двускатную кровлю дома [см.: Ratté, 1994].

Среди гробниц с двускатной кровлей, прежде всего, следует отметить усыпальницу создателя Персидской державы Кира, погибшего в 529 (530?) г. до н.э. Эта постройка, бесспорно, была очень знаменитой уже в древности. Известно, что гробницу Кира посетил Александр Македонский и его соратники, оставившие по этому поводу свои описания [Arr. Anab. VI, 29, 4-11; Strab. XV, 3, 7]. Усыпальница Кира отличается значительным своеобразием: однокамерная гробница в виде дома с двускатной кровлей была поставлена на шестиступенчатое основание [см.: Матье и др., 1968, с. 92, илл. 280а; Афанасьева и др., 1976/1977, с. 177, 179, рис. 118; Herzfeld, 1941, p. 214-215, pl. XLI; Schmidt, 1953, p. 24, 12, fig. 6, A; Nylander, 1970, p. 91–102; Boardman, 2003, S. 67 ff.; Valeva, 2005, p. 14-15, 24, fig. 14]. Дж. Бордман считает, что персидский тип царской гробницы был изобретён в Лидии, исполнен в лидийско-ионийской технике с некоторыми особенностями греческой ионийской архитектуры [Boardman, 2000, p. 60], хотя ранее он придерживался точки зрения, что этот тип

сформировался в Персии [Kurtz, Boardman, 1971, p. 284]. Признавая сильнейшее ионийское влияние, проявляющееся в этом сооружении, всё-таки необходимо в полной мере осознать одно в высшей степени важное обстоятельство – гробница Кира при всех возможных культурных заимствованиях представляет собой воплощение персидской, ахеменидской концепции царской усыпальницы, повлиявшей на облик элитных усыпальниц других народов Малой Азии [Kurtz, Boardman, 1971, p. 284–288, 297, fig. 70; Valeva, 2005, p. 16], в частности, в Кариин [Nylander, 1970. p. 93; ср.: Луконин, 1987, с. 83-84].

Хронология этих памятников пока не вполне ясна. По этой причине принципиальное значение, на наш взгляд, имеет гробница кургана Дарданос в Троаде (конец VI в. до н.э.). Она имеет ложный двускатный свод, выступы рядов кладки в котором были стёсаны [Sevinç, Treister, 2003, p. 216-220, fig. II]. Авторы публикации вполне обоснованно утверждают, что эта гробница имеет безусловное сходство с некоторыми фракийскими склепами классического и эллинистического времени, имеющими такое же двускатное перекрытие [Sevinç, Treister, 2003, p. 220]. Хорошим примером последних может служить склеп в Татарево [см.: Миков, 1955, с. 38 сл., 42, обр. 41, 4; Базайтова, 2006, с. 353, обр. 2, 1]⁷. Можно предположить, что не столь очевидные для нас культурные импульсы, исходившие из сердца Персии, дошли не только до Фракии, но и разошлись на более отдалённые территории.

Если придерживаться весьма вероятной концепции, что боспорские склепы сформировались под фракийским влиянием, то приходится признать, что один из их типов, т.е. прямоугольные склепы с перекрытием с двух длинных сторон [Савостина, 1986, с. 92], отличался от упомянутых памятников, прежде всего, наличием выступов, которые во Фракии, как и в Малой Азии, обычно гладко стёсывались. В этом отношении определённый интерес для нас имеет не только усыпальница Кира, но и скальная гробница персидского царя Дария I в Накш-и-Рустем. Её свод был оформлен в виде двускатной кровли [Herzfeld, 1941, p. 218-219, fig. 326; Schmidt, 1970, p. 80 ff., 82, fig. 31]. Конечно, названные персидские гробницы весьма своеобразны, во всяком случае, они сильно отличаются от подкурганых склепов Фракии и Боспора. Тем не менее, можно предположить, что общая идея двускатного перекрытия элитных погребальных сооружений восходит именно к ним; во всяком случае, исключать такое влияние, пусть в опосредованном виде, полностью тоже вряд ли возможно⁸. По мнению болгарской исследовательницы Ю. Вьлевой, царские погре-

---

⁷ Во Фракии имеется пример погребальной конструкции в Оструша (район Казанлыка), в которой наряду с прочими сооружениями имеется постройка с двускатной кровлей, поставленная на ступенчатое основание [см.: Китов, 2011; Рабаджиев, 2011а, с. 48, обр. 6, с. 53, 56; Valeva, 2005, p. 11ff., 20-21, fig. 2-3]. По внешнему виду эта постройка очень напоминает гробницу Кира, более того, является ближайшей аналогией для неё [Valeva, 2005, p. 14-15].

⁸ В этом отношении следует обратить внимание и на то, что рельефное изображение фасада здания на скальных гробницах Малой Азии, вероятнее всего, появилось только с утверждением персидского владычества [Kurtz, Boardman, 1971, p. 288].

бальные памятники Малой Азии и Персии оказали явное влияние на погребальную архитектуру аристократии Фракии [Valeva, 2005, p. 16]. Соглашаясь с таким заключением, можно добавить, что персидская идея материального воплощения царственности в виде гробницы с двускатным сводом, получившая развитие во Фракии, через неё распространилась на Боспоре и, ещё раз подчеркнём, – ни в одном из других центров греческой колонизации Северного Причерноморья.

Немалый научный интерес, конечно, имеет вопрос о количестве склепов с уступчатым перекрытием на Боспоре. Е.А. Савостина, посвятившая их изучению специальное исследование, приводит данные о 39 таких памятниках [Савостина, 1986, с. 95–98], но не все они принадлежат IV в. до н.э., т.е. времени, которое нас в данный момент непосредственным образом интересует, а другие вообще не являются боспорскими. Из реестра, составленного этой исследовательницей, следует исключить целую группу гробниц:

1-2. Склеп кургана *Огуз* (№ 10 по Е.А. Савостиной) и другой, расположенный по соседству с ним (№ 12), поскольку они являются памятниками Великой Скифии, а не Боспора.

3-4. Из трёх уступчатых склепов *Большой Близницы* (№ 1-3 по устоявшейся терминологии) одну гробницу «жрицы Деметры» 1864 г. можно уверенно относить к IV в. до н.э. (№ 5 по Е.А. Савостиной). В отношении двух других возникают немалые сомнения. А. Шварцмайер, предпринявшая специальное исследование всех комплексов кургана, пришла к заключению, что самым ранним здесь было именно погребение «жрицы Деметры», совершённое около 330 г. до н.э., прочие, по её мнению, вообще относятся к началу III в. до н.э. [Schwarzmaier, 1996, S. 137; ср.: Pfrommer, 1990, S. 270–274]⁹.

5. Об упомянутом Е.А. Савостиной уступчатом склепе *Зеленского кургана* на Таманском полуострове (№ 11), к сожалению, мы почти ничего не знаем. Этот курган представлял собой весьма сложный комплекс. Во время грабительских раскопок 1866 г. здесь был открыт каменный склеп с галереей, ведущей к нему с запада [Гёрц, 1898а, с. 67-68]. Высказывалось предположение, что склеп имел уступчатое перекрытие [см.: Ростовцев, 1925, с. 290, Савостина, 1986, с. 96, № 11], но доказать это невозможно. При раскопках 1912 г. в кургане были открыты два погребения: гробница воина, сложенная из каменных плит в виде ящика, а также склеп, впущенный в грунт и перекрытый брёвнами [Шкорпил, 1916; Виноградов, 2012а, с. 300-301]. Они, скорее всего, принадлежат к началу III в. до н.э. (см. главу 2.11).

6-8. Гробницы трёх *Тарасовских курганов* (№ 23, 24, 27 по Е.А. Савостиной), вероятнее всего, относятся к первой половине III в. до н.э. (см. главу 2.9, № 3–5).

9. Склеп кургана *Султан-Гора* на Таманском полуострове (№ 26 по Е.А. Савостиной)

⁹ Немецкая исследовательница, как представляется, была не во всём права, и мы склонны датировать IV в. до н.э. не только склеп «жрицы Деметры», но и ещё две гробницы, одна из которых (№ 4 по устоявшейся нумерации) была перекрыта каменными плитами, а вторая (№ 5) – деревом (см. главу 2.6).

близок по устройству Тарасовским и, как представляется, относится к близкому с ними времени (см. главу 2.9, № 6).

10. *Склеп кургана в пос. Аршинцево* (№ 20 по Е.А. Савостиной) датируется III в. до н.э. (см. главу 2.9, № 11).

11. *Склеп, открытый около Царского кургана* (№ 31 по Е.А. Савостиной) [Цехмитстренко, Кунин, 1959], тоже, скорее всего, не является ранним (см. главу 2.9, № 10).

12. «*Склеп Пигмеев*» (№ 25 по Е.А. Савостиной), обнаруженный в Керчи, обычно датируется в пределах II–I вв. до н.э. (см. главу 2.9, № 8).

13. «*Склеп с крестами*» в некрополе Илурата (№ 16 по Е.А. Савостиной) вообще принадлежит к римскому времени [Кубланов, 1979, с. 95–97].

14–15. *Гробница кургана на землях Мирзы Кекуватского* (№ 32 по Е.А. Савостиной) и *гробница, открытая в 1889 г. в некрополе Юз-Оба* (№ 4 по Е.А. Савостиной), скорее всего, представляют собой один памятник, который к тому же имел не уступчатое, а циркульное перекрытие (см. гл. 2.4; 2.6).

16. *О склепе около Арестантской казармы* в Керчи (№ 34 по Е.А. Савостиной) на основании данных, которые приведены этой исследовательницей, предметно судить невозможно¹⁰.

17. *Нимфейские склепы*. По мнению Е.А. Савостиной, в окрестностях города было обнаружено пять каменных склепов этого типа (№ 35–39), но Л.Ф. Силантьева, на которую она ссылается, приводит данные только о четырёх таких конструкциях [Силантьева, 1959, с. 13, 104, № 109–112], так что один памятник из этого списка логично будет исключить.

Как видим, из списка боспорских склепов с уступчатым перекрытием, приведённого Е.А. Савостиной, 17 памятников либо не являются боспорскими, либо не относятся к IV в. до н.э., либо имеют иной тип перекрытия. Иными словами, из её списка, включающего 39 памятников, лишь 22 гробницы принадлежат к интересующему нас типу и времени. Всю эту совокупность уместно будет поделить на три подтипа: с четырёхугольной погребальной камерой (20 склепов из списка Е.А. Савостиной); с круглой камерой (большой склеп Золотого кургана); с четырёхугольной погребальной камерой и круглым сводом (склеп Царского кургана).

Большинство уступчатых склепов IV в. до н.э. имеют *четырёхугольную погребальную камеру*. Из сводки Е.А. Савостиной, как было сказано выше, к IV в. до н.э. можно отнести 20 памятников:

1. (№ 1 по Е.А. Савостиной). *Склеп № 2*, открытый Д.В. Карейшей в западной части *Золотого кургана* в 1832 г. [рис. 17; Гайдукевич, 1981, с. 8–9, рис. 2; Тункина, 2010б, с. 543–545; см. также главу 2.5]. Его размеры составляли 6,40 × 3,20 м, высо-

---

¹⁰ По приведённым в сводке Е.А. Савостиной публикациям [Савостина, 1986, с. 98, № 34] такой склеп найти невозможно [Ашик, 1848, с. 399; ОАК за 1860 г., с. VI–VII]. В книге А.Б. Ашика всего 98 страниц, а в ОАКе за 1861 г. нет упоминания о склепе у Арестантской казармы.

та – более 6,40 м. По мнению Д.В. Карейши, эта погребальная конструкция не имела дромоса. Склеп был полностью ограблен.

2. (№ 2). *Склеп № 3*, открытый А.Е. Люценко в *Золотом кургане* в 1853 г. [Гайдукевич, 1981, с. 16 сл.; см. также главу 2.5]. Этот склеп был тоже ограблен. Его размеры составляли 6,40 × 4,27 м, высота – около 5,35 м. Дромос вёл к погребальной камере с восточной стороны, но прохода в неё, по заключению автора раскопок, сделано не было [Гайдукевич, 1981, с. 18]. Данное обстоятельство позволяет предполагать, что подобный пристроенный к глухой стене дромос имелся и в выше охарактеризованном склепе № 2 Золотого кургана, но Д.В. Карейша, проникший в погребальную камеру через пролом в кровле, не имел возможности его заметить [Виноградов, 2007а, с. 17, прим. 5; 2009б, с. 476, прим. 2].

3. (№ 3). *Склеп № 50 Третьего кургана некрополя Юз-Оба* (рис. 18-19). Эта гробница имела размеры 3,20 × 2,10 м, высота до замыкающих плит перекрытия составляла 3,20 м. В склепе был обнаружен деревянный саркофаг, в котором находился остов женщины с богатым сопровождающим инвентарём. Погребение, вероятнее всего, относится ко второй четверти – середине IV в. до н.э. [см.: Виноградов, Зинько, Смекалова, 2010, с. 48 сл.].

4. (№ 5). *Склеп № 1 (1864 г.) Большой Близницы*, который обычно считают принадлежащим жрице Деметры (подробнее см. главу 2.6).

5. (№ 6). *Склеп, открытый на Юз-Обе в 1940 г.* Документация о его раскопках, к сожалению, утеряна, но известно, что погребальная камера имела перекрытие в виде четырёх уступов с двух сторон. Датировка склепа в пределах IV в. до н.э. не вызывает сомнений [см.: Виноградов, Зинько, Смекалова, 2010, с. 107].

6. (№ 9). *Гробница Мелек-Чесменского кургана*, в наши дни являющаяся одним из самых известных памятников архитектуры Боспора [Гайдукевич, 1949, с. 250–253; 1981, с. 48–50]. Склеп состоит из погребальной камеры и ведущего к ней дромоса. Камера имеет практически квадратную форму (3,70 × 3,64-3,69 м; площадь – около 13,5 кв. м). Склеп был ограблен, но его датировка в пределах IV в. до н.э. ни у кого не вызывает сомнений.

7. (№ 13). *Гробница кургана у села Баксы* под Керчью, очевидно, является самым ранним сооружением подобного рода, о котором сохранилась информация. Её можно датировать началом IV в. до н.э. Вполне возможно, что курган принадлежал боспорскому царю Сатиру I (подробнее см. главу 2.5).

8. (№ 14). Очень любопытный памятник был обнаружен А.Б. Ашиком в 1837 г. в *Городском саду Керчи* [рис. 20; Ашик, 1848, с. 43-44, § 36]. Если верить автору раскопок, это был очень большой курган, достигавший в высоту более 7 саж. (порядка 15 м). В своей публикации А.Б. Ашик привёл размеры погребальной камеры¹¹, имевшей перекрытие из четырёх рядов каменных плит, но не дал измерений

¹¹ Длина – 3,75 м, ширина – 1,40 м, высота – около 1,80 м. Эти цифры не соответствуют размерам гробницы, изображённой на плане (рис. 19).

всей гробницы. Если основываться на имеющемся в его книге плане, то надо признать, что дромос имел длину 12,8 м при ширине около 1,3 м, что вполне может соответствовать действительности. По описанию автора раскопок, в дромосе на расстоянии 4 саж. (8,5 м) от входа был сделан заклад в виде каменной стены, сложенной из огромных отёсанных камней, скреплённых свинцовыми скобами. За этим закладом находилось ещё 5 подобных стен. Погребальная камера состояла из двух частей: к дромосу примыкало небольшое по площади преддверие (2,10 × 1,50 м), а далее находилось основное помещение (5,25 × 3,75 м). Вполне очевидно, что все эти снятые с плана цифры очень неточны, но других у нас нет (кроме размеров главной погребальной камеры, приведённых А.Б. Ашиком, которые не совпадают с результатами наших измерений). Опирается на них и делать какие-либо подсчёты абсолютно немыслимо. Важнее отметить другое – по своей планировке гробница 1837 г. имеет явное сходство со склепами Тарасовских курганов, которые обычно датируют первой половиной III в. до н.э. (см. главу 2.9). Погребение, совершённое в кургане Городского сада, не было ограблено. В числе найденных здесь предметов А.Б. Ашик назвал золотой боспорский статер с изображением головы сатира в плющевом венке на одной стороне и грифона, идущего по колосу, на другой, а также великолепную вазу с прекрасным рисунком [Ашик, 1848, с. 44], надо полагать, краснофигурную. Золотые статеры этого типа не чеканились позднее конца IV в. до н.э. [см.: Фролова, 2002а; Терещенко, 2013], а значит, приходится признать, что курган в Городском саду был возведён раньше Тарасовских, возможно, в последней четверти IV в. до н.э.

9. (№ 15). *Склеп, открытый в 1951 г. в районе Тобечикского озера* [Гайдукевич, 1981, с. 45–47]. Он имел почти квадратную форму (2,73 × 2,48 м); высота – 2,90 м. Дромос находился с северо-западной стороны. Судя по сохранившимся обломкам керамики [Гайдукевич, 1981, с. 46], склеп следует датировать второй половиной IV в. до н.э.

10. (№ 17). *Склеп кургана Куль-Оба* (о нём см. главу 2.6).

11. (№ 19). *Гробница № 1 Первого Трёхбратнего кургана*, захоронение в которой было совершено в последней трети IV в. до н.э. [Кирилин, 1968; Трёхбратние курганы, 2008; Трейстер, 2008, с. 145; подробнее см. главу 2.6, № 6].

12. (№ 21). *Гробница кургана Патиниоти* (подробнее см. главу 2.6).

13. (№ 29). *Склеп в кургане по дороге на Аджимушкай*, открытый А.Б. Ашиком [Ашик, 1848, с. 45–46, § 38]. Размеров этой гробницы мы не знаем даже приблизительно; Е.А. Савостина относит её к типу «склепов с преддверием» [Савостина, 1986, с. 98, № 29]. Однако, следуя описанию А.Б. Ашика, логичней считать, что это был двухкамерный склеп. В первой камере находился деревянный гроб. В головах стояла краснофигурная ваза, а рядом с ней лежала обыкновенная каменная плита. Во второй камере тоже находился деревянный гроб, в котором на подстилке из лавровых листьев лежал остов женщины. На её голову был надет золотой венок с сердоликом в центральной части, руки были украшены драгоценными перстнями и т.д. Среди прочих погребальных принадлежностей в гробнице находились терракотовые стату-

этки, бронзовое зеркало и керамические сосуды. Одна из краснофигурных ваз изображала битву греков с амазонками, рядом с ней лежала каменная плита¹².

14. (№ 28). *Курган, находившийся по дороге к Аджимушкайским каменоломням*. В 1841 г. А.Б. Ашик открыл здесь два склепа, один из которых он определил как «пирамидальный с коридором» [рис. 21; Ашик, 1848, с. 47-48, § 39]. Погребение в нём (повторное) было совершено в очень позднее время, вероятно, в первой трети IV в. н.э. [Шаров, 2012], но склеп был построен раньше, по всей видимости, во второй половине IV в. до н.э. Во всяком случае, вторая и явно более поздняя гробница этого кургана принадлежит к типу «македонских» (см. главу 2.8, № 8).

Е.А. Савостина относит первую гробницу к типу «склепов с преддверием» [Савостина, 1986, с. 98, № 28], О.В. Шаров вслед за автором раскопок признаёт его «пирамидальным склепом с коридором» [Шаров, 2015, с. 202]¹³. На самом же деле имеющийся рисунок (рис. 21) не оставляет сомнения в том, что это был двухкамерный склеп без дромоса. В него вёл вход шириной около 1 м; обе камеры имели одинаковые размеры (2,50 × 1,35 м, высота – 2,10 м), перекрытие состояло из четырёх уступов на две стороны. Камеры были соединены проходом шириной около 1 м. Хорошей аналогией этой гробнице является один из склепов Юз-Обы, о котором речь пойдёт чуть ниже.

15. (№ 30). *Двойной склеп № 48 Пятого кургана Юз-Обы* [рис. 22- 23; Ростовцев, 1913-14, с. 104-105, табл. XXXIV; Блаватский, 1955, с. 42; Савостина, 1986, с. 98, № 30; Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 60 сл.]. Как явствует из названия, он состоял из двух погребальных камер (западной и восточной). Общие его размеры составляли порядка 17 м в длину, 2,85 м в ширину и около 4,25 м в высоту. Дромос, имевший уступчатое перекрытие, вёл с запада. Склеп оказался неразграбленным. Первая (западная) камера принадлежала мужчине, погребённому в кипарисовом саркофаге (рис. 23); вторая (восточная) содержала саркофаг с останками женщины. Две части были соединены коротким и узким проходом, имевшим плоское перекрытие. Многочисленные находки, происходящие из этого склепа, дают основание полагать, что он был сооружён во второй четверти IV в. до н.э. [см.: Виноградов, Зинько, Смекалова, 2010, с. 61].

16. (№ 33). *Склеп с «пирамидальным сводом»*, сделанным уступами на две стороны, был открыт Д.В. Карейшей в 1842-43 гг. между Керчью и Золотым курганом

¹² Каменные плитки, найденные в обеих камерах этого склепа, – характерная особенность некоторых элитных погребений Боспора IV в. до н.э. [Ашик, 1848, с. 44; ОАК за 1860 г., с. V; ОАК за 1882–1888 гг., с. XXXIX; Виноградов, 2012а, с. 26-27], на которую сейчас почти не обращают внимания. Любопытно, что они, как и в данном случае, происходят из женских комплексов [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 131-132]. Как представляется, эти плитки можно сближать с большими плоскими камнями из погребений некрополя Ольвии, которые обычно называют «точильными камнями» или «каменными блюдами» [Скуднева, 1988, с. 31-32]. На наш взгляд, весьма показательна их связь с жреческими погребальными комплексами [см.: Шауб, 2007а, с. 246–248].

¹³ Правда, в подписи к рисунку О.В. Шаров называет эту гробницу двухкамерной, что, конечно, следует признать верным.

[Карейша, 1844, с. 618]¹⁴. В нём находился деревянный гроб с остоном женщины. Обнаруженные здесь находки, прежде всего большая чернолаковая ваза, украшенная по шейке позолоченной гирляндой, как можно полагать, относятся ко времени раннего эллинизма.

17–20. *Нимфейский некрополь*. Как уже говорилось, Е.А. Савостина считает, что здесь было обнаружено пять склепов (№ 35–39 по Е.А. Савостиной), но Л.Ф. Силантьева приводит данные только о четырёх таких конструкциях [Силантьева, 1959, с. 13, 104, № 109–112]. Информация об этих открытиях к тому же очень краткая.

Перечисленные каменные склепы включают в себя как гробницы, которые следует относить к царскому уровню (курган у села Баксы – № 7; см. главу 2.5), так и значительно более скромные сооружения (к примеру, склепы курганов по дороге на Аджимушкой – № 13, 14 или кургана в Городском саду – № 8). Неоднородность этой выборки в плане размеров включённых в неё гробниц и богатства найденного в них инвентаря вполне очевидна, однако все они, по нашему убеждению, относятся к субкультуре боспорской элиты IV в. до н.э. В связи с этим необходимо обратить внимание на одно любопытное обстоятельство: из 20 приведённых нами памятников почти все находятся на европейской стороне Боспора, на азиатской – всего один (склеп № 1 Большой Близницы – № 4 по нашей нумерации). Несмотря на общеизвестный факт бедности Таманского полуострова камнем, что явно приводило к удорожанию каменных построек на этой территории, данное обстоятельство заслуживает специального внимания, во всяком случае, его никак нельзя игнорировать.

Вполне очевидно, что количество склепов с уступчатым перекрытием, относящихся к IV в. до н.э., на Боспоре было гораздо большим. К примеру, А.Б. Ашик сообщал, что под Керчью им были открыты ещё две гробницы с «египетским» сводом [Ашик, 1848, с. 57], но, кроме самого факта открытия, мы о них ничего не знаем. В.Г. Тизенгаузен под Анапой обнаружил прекрасно сложенный склеп с уступчатым перекрытием, но не уделил ему ни малейшего внимания [ОАК за 1881 г., с. VI]. Эти и другие краткие упоминания о разграбленных гробницах, разбросанные на страницах научных публикаций XIX в., к сожалению, не дают оснований для определения их типа и более-менее точной хронологической атрибуции. Естественно, не все такие упоминания были учтены Е.А. Савостиной, но обвинять её в невнимательности никак не стоит. Ни в коей мере не претендуя на создание полного реестра, приведём ещё несколько примеров.

21. *Уступчатый склеп (гробница № 2) Среднего Трёхбратнего кургана* [Бессонова, 1973, с. 243, прим. 1; Трёхбратние курганы, 2008, с. 40–41; Бидзиля, Полин, 2012, с. 525]. Гробница была ограблена, к тому же она сильно разрушена, но её тип и датировка в пределах IV в. до н.э. не вызывают сомнения (подробнее см. главу 2.6, № 7).

---

¹⁴ По непонятной для нас причине считается, что этот склеп был открыт в 1841 г. [Ростовцев, 1925, с. 190, прим. 1; Савостина, 1986, с. 98, № 33].

22. *Склеп с уступчатым перекрытием около Золотого кургана*. Он был исследован В.И. Цехмистренко в 1961 г. [Цехмистренко, 1968]. Дромос вёл к погребальной камере с западной стороны. Её размеры составляли 3,00-3,04 × 2,44-2,68 м, высота достигала 3,90 м. Перекрытие состояло из пяти уступов, расположенных с трёх сторон; грани трёх нижележащих уступов при этом были стёсаны, хотя и не полностью¹⁵. Датировка склепа в пределах второй половины IV в. до н.э. не вызывает сомнения [Цехмистренко, 1968, с. 194].

23. *Гробница № 21 Пятнадцатого кургана Юз-Обы* (рис. 24). Этот склеп был ограблен и по этой причине не доследован до конца, так что о его устройстве мы ничего определённого не знаем [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2010, с. 90–92], тем не менее, он безусловно был уступчатым. Датировка этого памятника не может выходить за пределы IV в. до н.э., поскольку самые поздние погребальные комплексы некрополя Юз-Оба относятся к началу III в. до н.э. [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2010, с. 134; Виноградов, 2013б, с. 48], но Пятнадцатый курган к поздним явно не принадлежит.

24. *Курган по дороге на Булганак*. Раскопки здесь были проведены А.Е. Люценко в 1858 г., ему удалось открыть полуразобранный каменный склеп с уступчатым перекрытием. В погребальную камеру вёл дромос, на стенах которого были замечены прочерченные кресты, как в дромосе Царского кургана [ОАК за 1859 г., с. 18–20; Виноградов, 2012а, с. 25–26]. Можно предположить, что эта гробница относится к IV в. до н.э.

25. Большой каменный склеп в кургане *Буерова могила*, открытый И.Е. Забелиным в 1871 г. [см.: ОАК за 1870–71 гг., с. XXXI–XXXIII; Виноградов, 2012а, с. 101]. Он находился в центре кургана и, по словам автора раскопок, имел «призматическое» перекрытие. Несмотря на неточность определения, всё-таки можно считать, что склеп был уступчатым [Власова, 2010, с. 253], но ничего более определённого по этому вопросу мы сказать не можем. К сожалению, погребение в этой гробнице было полностью ограблено, и на её каменном полу удалось обнаружить лишь обломки деревянного саркофага, бронзовые и железные гвозди, фрагменты алабастра и т.д. Упоминание этих находок почти ничего не даёт для хронологической атрибуции склепа, но его датировка в пределах IV в. до н.э. вполне допустима, поскольку позднюю, впускную гробницу Буеровой могилы обычно относят к III–II вв. до н.э. (см. главу 2.11).

26. *Большой склеп со сводом, устроенным уступами*, был раскопан Д.В. Карейшей около *Фанагории* в 1846 г. Этот склеп был ограблен, но в нём были обнаружены частицы листьев от золотого венка, 3 керамических сосуда и 3 алабастра [Карейша, 1846, с. 308; Ашик, 1848, с. 21; Гёрц, 1898б, с. 27]. Его датировка в пределах IV в. до н.э. вполне допустима.

¹⁵ Стёсывание граней нижних уступов перекрытия стало характерным для склепов этого типа, относящихся к III–II вв. до н.э. (см. главу 2.9).

Как можно видеть, под Фанагорией, помимо гробницы Большой Близницы (№ 4), имеется, по крайней мере, ещё два склепа с уступчатым перекрытием (№ 25 и 26), но отмеченная выше закономерность концентрации таких сооружений на европейской стороне от этого почти не изменилась. В Восточном Крыму находятся 23 из 26 учтённых нами памятников IV в. до н.э., т.е. их там было почти в 8 раз больше, чем на Таманском полуострове.

Склепы с круглой погребальной камерой и круглым уступчатым сводом. Прежде чем перейти к изложению материала, следует сделать одну оговорку. К сожалению, мы не всегда понимаем терминологию археологов XIX в. Прежде всего, не вполне ясно, какой смысл они вкладывали в определение «круглый» при описании открытых ими древних гробниц. Вполне возможно, что таким образом назывались склепы интересующего нас типа, но никак нельзя исключать и то, что имелись в виду совсем другие конструкции – склепы с циркульным или арочным сводом, имевшие полукруглые очертания. К примеру, Д.В. Карейша в кургане под Керчью обнаружил, по его словам, «большой склеп с круглым сводом» [Карейша, 1846, с. 296]. Имел ли он в виду склеп типа Золотого и Царского курганов или же таким неудачным образом обозначил циркульный свод? Однозначно на этот вопрос вряд ли можно ответить, поскольку относительно точности терминологии этого исследователя имеются немалые сомнения. Тем не менее, для последнего типа явно лучше подходит определение «полукруглый». Именно так Е. де Сансе определил каменный склеп, обнаруженный под Керчью в 1821 г. [Сансе, 1888, с. 85]. Погребение в этом склепе, судя по находкам гипсовых украшений, было совершено в первые века н.э.

Что касается склепов с круглым сводом, то Н.Н. Мурзакевич, знавший об археологических открытиях под Керчью не понаслышке, из всех боспорских склепов круглой называл только гробницу Золотого кургана [Мурзакевич, 1837, с. 685–696]. Тем не менее, несмотря на все возникающие сомнения, мы считаем, что в любом случае на информацию о «круглых склепах» или «круглых сводах», имеющуюся в археологических отчётах XIX в., следует обращать внимание. Такая аналитическая работа – задача на будущее, а в наши дни можно говорить всего о двух круглых склепах на Боспоре.

1. (№ 7 по Е.А. Савостиной). Хрестоматийно известный памятник такого рода – *большой склеп Золотого кургана* [рис. 25-27; см.: Гайдукевич, 1949, с. 246; 1981, с. 6 сл.; Савостина, 1986, с. 97, № 7; Виноградов, 2007а; 2010б]. Это самое грандиозное погребальное сооружение из всех, раскопанных на Боспоре. Вполне возможно, что гробница принадлежала боспорскому царю Евмелу (подробнее см. главу 2.5).

2. Значительно более скромный *фанагорийский склеп 2003 г.* [Кузнецов, 2004; 2007, с. 10; Фанагория, 2008, с. 52–56]. Его диаметр составлял 2,45 м, высота – 2,87 м. Дромос вёл к погребальной камере с северной стороны; он был вырыт в земле и перекрыт толстыми брёвнами. Внутри погребальная камера была полностью покрыта побелкой. Склеп был ограблен, но в нём была найдена бронзовая пантикапейская монета IV в. до н.э.

Склепы с четырёхугольной погребальной камерой и круглым сводом. Это подтип уступчатых склепов можно условно назвать переходным между двумя первыми [Виноградов, 2010б, с. 475]. Таких склепов на Боспоре очень немного, а обычно говорится всего об одном – склепе Царского кургана.

1. (№ 8 по Е.А. Савостиной). *Хрестоматийно известный склеп Царского кургана* для этого типа, конечно, является классическим [рис 28-29; Гайдукевич, 1949, с. 246 сл.; 1981, с. 25 сл.; Шалькевич, 1976]. Переход от четырёхугольной в плане погребальной камеры к круглому своду здесь, как известно, был осуществлён благодаря выступам-пандативам в углах гробницы, которые, постепенно увеличиваясь в размерах, на уровне десятого ряда кладки образуют правильный круг (рис. 28, 1). Вполне возможно, что эта гробница принадлежала боспорскому царю Перисаду I (подробнее см. главу 2.5).

2. *Небольшая фанагорийская гробница, открытая В.Г. Тизенгаузеном в 1869 г.* [рис. 30; Виноградов, 2009а, с. 284-285; 2012а, с. 103, 117, рис. 41]¹⁶, которая по каким-то причинам более 150 лет не привлекала внимание учёных. На имеющемся в Рукописном архиве ИИМК РАН рисунке (рис. 30) прекрасно видно, что эта гробница имела небольшие размеры, но погребальная камера была четырёхугольной в плане, а её перекрытие – круглым, в углах камеры хорошо обозначены пандативы [см.: Виноградов, 2009а, с. 284-285; 2012а, с. 103, 117, рис. 41; Тункина, 2010а, с. 58, рис. 38]. К огромному нашему сожалению, автор раскопок не оставил никакого описания этого замечательного памятника, и мы не можем судить ни о его размерах (явно довольно скромных), ни о сделанных здесь находках (скорее всего, гробница была ограблена). Тем не менее, датировка этого склепа в пределах второй половины IV в. до н.э. представляется вполне допустимой.

3. К этому же самому подтипу, как представляется, относился *склеп, обнаруженный К.Р. Бегичевым под Фанагорией в 1853 г.* Это была каменная гробница четырёхугольной формы «с круглым сводом». Склеп состоял из погребальной камеры и ведущего к ней дромоса. Камера (2,60 × 1,45 м) достигала в высоту 2,60 м. Она была оштукатурена вплоть до плеч свода и украшена двумя широкими горизонтальными полосами краски, сверху белой, а снизу красной. Свод состоял из 12 рядов хорошо отёсанных камней. Дромос (длина – 7,50 м, ширина – 1,05 м) был сделан из сырца и перекрыт деревянными брусьями. Толщина его стен составляла около 0,70 м, высота – 1,80 м [Гёрц, 1898б, с. 129]. Склеп был ограблен, в нём оказалось несколько фрагментов расписных ваз, а также два скелета небольших животных, возможно, барашков [Гёрц, 1898б, с. 129]. К сожалению, нам не известно, фрагменты каких именно расписных ваз были тогда найдены, но, вероятнее всего, это были краснофигурные сосуды. Иными словами, склеп вполне можно относить к IV в. до н.э., очевидно, ближе к концу столетия.

¹⁶ В обеих названных публикациях Ю.А. Виноградова имеется ошибочное утверждение, что рисунок фанагорийского склепа 1869 г., хранящийся в Научном архиве ИИМК РАН, принадлежит автору раскопок, т.е. В.Г. Тизенгаузену. На самом деле он был сделан бароном И.П. Клодтом.

4. *Гробница в Фанагорийском кургане № 11*, обнаруженная К.Р. Бегичевым в 1852 г., по словам К.К. Гёрца, имела круглый кирпичный свод [Гёрц, 1898б, с. 77]. К сожалению, мы не имеем возможности судить о форме погребальной камеры, но, скорее всего, она была обычной, т.е. четырёхугольной. Свод же, как можно полагать, был сложен из сырцового кирпича и имел круглую форму. О датировке этой гробницы можно только догадываться, но IV в. до н.э. здесь вряд ли следует отбрасывать.

По всей видимости, археологами XIX в. были открыты и другие подобные погребальные сооружения, но они не придали им никакого значения. Для примера приведу информацию ещё об одном склепе.

5. *Большая каменная гробница с «круглым сводом»*, обнаруженная Д.В. Карейшей в 1842-43 гг. в Керчи, к западу от Глиница [Карейша, 1844, с. 615]. В отношении этого памятника ещё раз отметим, насколько трудно судить, что этот исследователь понимал под термином «круглый». К тому же Д.В. Карейша не привёл никаких данных, которые могли бы позволить представить себе внутреннее устройство гробницы или датировать её хотя бы приблизительно.

Несмотря на все возникающие сомнения, можно предположить, что сейчас склепов двух последних подтипов можно насчитать всего 7, но, если оценить их территориальное распределение, то окажется, что 4 из них (т.е. большинство) находятся на Таманском полуострове. Правда, необходимо сделать одну существенную оговорку – в Восточном Крыму находятся самые грандиозные, по-настоящему царские погребальные памятники этих двух типов (Золотой и Царский курганы). Складывается впечатление, что в IV в. до н.э. под Фанагорией возводились лишь скромные копии склепов Европейского Боспора, при этом как будто их даже могли строить из сырцового кирпича. В высшей степени любопытно при этом, что на Керченском полуострове таких «копий» практически нет. Причины такого явления пока не понятны, но в любом случае можно полагать, что погребальные конструкции с круглыми сводами (или круглые в плане) наибольшей популярностью пользовались в среде аристократии азиатской части Боспора.

Исходя из приведённых фактов, представляется возможным высказать одну догадку, связанную с пониманием статуса фанагорийской элиты в государстве Спартокидов IV в. до н.э. Аристократии второй боспорской столицы как будто не позволялось иметь монументальных гробниц царского масштаба, хотя погребения с очень богатым инвентарём здесь имеются, прежде всего это комплексы Большой Близицы. В это время ей, правда, позволялось заводить гробницы, похожие на царские, но только похожие. Ещё раз подчеркнём, что относительную скромность гробниц азиатского Боспора IV в. до н.э. вряд ли можно объяснять только бедностью этого района камнем. Пройдёт не так уж много времени, и в III–II вв. до н.э. элитные погребальные памятники Таманского полуострова станут намного монументальней и богаче погребальных памятников Восточного Крыма (см. главы 2.8–2.10).

Вызывает некоторое удивление, что на Боспоре не получили широкого распространения склепы с ложным сводом, выступы каменной кладки которого были гладко

срезаны, образуя не подобие арки, а копируя двускатную кровлю. Во всяком случае, в современной научной литературе они даже не упоминаются. Во Фракии, однако, такие конструкции, как уже говорилось, представлены в немалом количестве (см. рис. 16, 2), более ранний памятник такого рода, как было сказано, открыт в Малой Азии [Sevinc, Treister, 2003]. Тем не менее, имеются основания считать, что *склеп, свод которого был оформлен в виде остроконечной кровли*, всё-таки был открыт под Фанагорией в 1852 г., в знаменитом кургане № 10. Если верить описанию, располагавшийся в нём каменный склеп имел перекрытие, сходявшееся под прямым углом «наподобие остроконечной кровли дома». Исследователи признали его первым примером такого рода на Боспоре [см.: Гёрц, 1898б, с. 77-78]. Первый пример, как представляется, оказался последним. В разграбленном склепе было найдено «несколько остриёв медных стрел», бронзовая пантикапейская монета и фрагменты греческой керамики [Гёрц, 1898б, с. 78]. Точно датировка этого комплекса весьма затруднена, но, учитывая тот факт, что бронзовые наконечники стрел в Прикубанье являются относительно ранним признаком, нельзя исключать, что он относится к IV в. до н.э.

Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть, что только с появлением на Боспоре монументальных склепов с уступчатым перекрытием, т.е. приблизительно с рубежа V–IV вв. до н.э., следует с уверенностью судить об очень важной перемене в культуре боспорской элиты. Тогда в обиход входит не просто сильно увеличенный в размерах вариант обычной грунтовой могилы (пусть обложенный каменными плитами и содержащий богатый набор сопровождающего инвентаря), а каменный склеп, предшественников которого на берегах пролива не было. Именно этот склеп становится здесь (и ни в одном другом древнегреческом государстве региона!) излюбленным типом элитного погребального сооружения, сохраняясь с некоторыми модификациями на протяжении веков. Это принципиально важное нововведение, как уже неоднократно говорилось выше, скорее всего, следует связывать с утверждением на Боспоре фракийской по своему происхождению династии Спартокидов.

2.4. Склепы IV в. до н.э. с циркульным сводом

Погребальные памятники такого типа объединены в группу, которую отличает свод, который либо копирует арку, либо представляет собой классическое арочное перекрытие. В нашей научной литературе по каким-то причинам эту группу понимают как единую, хотя две её составляющие, безусловно, имеют весьма существенное различие. По этой причине мы их будем рассматривать отдельно.

Склеп с ложным циркульным сводом

Вполне очевидно, что гробницы этого типа являются вариантом склепов с ложным, уступчатым перекрытием, описанных выше (см. главу 2.3). Они тоже состоят из погребальной камеры с ведущим к ней дромосом, но выступы каменной кладки, составляющей свод, в них гладко стёсаны, образуя подобие арки. Таких конструкций

на Боспоре, как представляется, было значительно меньше, чем склепов с уступчатым перекрытием, и, в общем, их выделение связано с немалыми трудностями, но один такой памятник можно назвать достаточно уверенно.

Склеп кургана на землях Мирзы Кекуватского [рис. 30; Виноградов, 2012б; Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 97 сл.]. Этот курган, как представляется, копался два раза – А.Б. Ашиком в 1838-39 гг., а затем А.А. Бобринским в 1888-89 гг., оба исследователя при этом добрались до склепа. Его погребальная камера, ориентированная по линии в–з, имела размеры 5 × 4 м. С востока к ней вёл дромос, перекрытый «египетским», т.е. обычным для Боспора этого времени уступчатым сводом. Склеп же, как демонстрирует рисунок Ф.И. Гросса (рис. 31), имел циркульный свод. В принципе, он очень напоминает арку, но верхние камни его перекрытия, на наш взгляд, слишком широки, чтобы быть замковыми. Этот ряд скорее соответствует верхним плитам, которыми обычно закрывались уступчатые склепы. Выступы кладки в склепе были стёсаны, но в дромосе оставлены, что тоже может свидетельствовать в пользу того, что и склеп имел ложный свод.

На западной стене погребальной камеры имелась непонятная конструкция, которую можно назвать нишей, по форме отдалённо напоминающей человеческую фигуру, или ложной дверью. В других боспорских склепах ничего подобного зафиксировано не было. По этой причине можно напомнить единственный на Боспоре двойной склеп (гробница № 48), открытый в Пятом кургане Юз-Обы [рис. 21; Ростовцев, 1913-14, с. 104-105, табл. XXXIV; Блаватский, 1955, с. 42; Савостина, 1986, с. 98, № 30; Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 60 сл.; см. также главу 2.3, № 15]. Две гробницы в нём были соединены коротким и узким проходом. Другой пример – большой (круглый) склеп Золотого кургана (см. главу 2.5). Документация, которой мы о нём располагаем, правда, не позволяет судить с уверенностью, имелся ли проход в западной стене склепа, прямо напротив дромоса (рис. 25), или же в южной стене была устроена ниша (рис. 26) [см.: Гайдукевич, 1981, с. 13].

В центре камеры, на специальном каменном помосте был установлен саркофаг с телом усопшего воина. В составе погребального инвентаря представлен золотой оливковый венок, массивный золотой перстень, богатый набор вооружения, краснофигурная пелика «мастера Марсия» и пр. Последнюю сейчас датируют не позднее 360 г. до н.э. [Уильямс, Огден, 1995, с. 164, рис. 50; Petrakova, 2012, p. 167], что даёт основание относить склеп приблизительно к середине IV в. до н.э. Многочисленные предметы вооружения позволяют рассматривать этот комплекс в ряду других, имеющих явные варварские черты (см. главу 2.6).

Конструкции с ложным, циркульным сводом, вероятно, имелись и в других курганах некрополя Юз-Оба [см.: Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 132], но выделить их из этой совокупности почти невозможно. Стоит отметить, однако, что склепы с перекрытием в виде ложной арки хорошо известны на территории Фракии [рис. 16, 3-5; Базайтова, 2006, с. 353, обр. 2; Bazaytova, 2005, p. 308, fig. 2], где они, как представляется, возводились с конца V по первую половину IV в. до н.э. [Гошев,

2005, с. 58]. Вполне можно предположить, что такие конструкции проникли на берега Керченского пролива под фракийским влиянием и произошло это около середины IV в. до н.э.

Отнесение других боспорских гробниц к памятникам такого типа, как уже неоднократно отмечалось, вызывает очень большие сомнения. Несмотря на это, следует ещё раз подчеркнуть, что поиск информации о подобных конструкциях в полузабытых, старинных публикациях может привести к позитивному результату (см. главу 2.9, № 15).

Склеп с арочным перекрытием

К IV в. до н.э. относится единственный памятник подобного рода на Боспоре – *гробница № 47 Шестого кургана некрополя Юз-Оба* [рис. 32; Ростовцев, 1913-14, с. 103; Гайдукевич, 1949, с. 259-260; Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 62 сл.; Gajdukevič, 1971, S. 279; Petrakova, 2012, p. 152]. Склеп с полусферическим перекрытием был ориентирован длинной стороной в меридиональном направлении. Дромос, имевший такое же перекрытие¹⁷, вёл к нему с востока.

Это любопытнейшее сооружение отличается от прочих боспорских склепов тем, что дромос примыкал к погребальной камере не с его узкой стороны, а с длинной. На рисунке этого склепа, сделанном К.Р. Бегичевым (рис. 32), как раз изображён его вид из дромоса. Он не оставляет сомнений в том, что здесь мы имеем дело с конструкцией особого рода – настоящим арочным перекрытием. Ряд узких замковых камней отчётливо выступает на вершине свода. Гробницы с ложным, циркульным сводом перекрывались весьма широкой плитой, что, как было сказано чуть выше, можно видеть на рисунке склепа кургана Мирзы Кекуватского (рис. 31).

Гробница № 47 была обнаружена неограбленной. Она была впущена в материк на 1,80 м, размеры погребальной камеры – 4,80 × 3,40 м, высота от пола до вершины свода – 3,60 м. Дромос вёл к погребальной камере с восточной стороны; его длина составляла около 2,85 м, ширина – 1,80 м, высота – около 3,15 м. Саркофаг с телом усопшего был установлен около северной стены на специальном каменном помосте. Рядом с костяком никаких вещей обнаружено не было. Золотая оливковая ветвь находилась в северо-восточном углу склепа, а золотой перстень с резным изображением Ники на колеснице – с южной стороны саркофага. На полу были найдены железный стригиль, разбитые алабастры, чернолаковые сосуды и краснофигурная лекана, украшенная многофигурной композицией. Из этого комплекса происходит также небольшая серебряная монета с изображением головы пана en face на лицевой стороне и головы быка с буквами ΠΑΝ на оборотной.

Краснофигурная лекана, как считает А.Е. Петракова, принадлежит «мастеру

¹⁷ Мнение, что дромос склепа № 47 имел уступчатое перекрытие, ошибочно [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2010, с. 65]. Оно основано на неправильном понимании слов А.Е. Люценко, называвшего перекрытие дромоса стрельчатым.

Марсия» [Petraikova, 2012, p. 152]. Основываясь на этом, погребение можно датировать в пределах второй половины IV в. до н.э. [Ростовцев, 1913-14, с. 103; Гриневиц, 1952, с. 143; Сокольский, 1969, с. 41; Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 66]. Однако серебряная монета, скорее всего, принадлежит относительно позднему времени. Д.Б. Шелов датировал подобные находки 315–300 гг. до н.э. [Шелов, 1956б, с. 216, табл. V, 58], А.Н. Зограф относил их к 325–300 гг. до н.э. [Зограф, 1951, с. 245, табл. XL, 31], а А.Н. Анохин – к 306–303 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с. 141, № 120]. А.Е. Терещенко обозначил эту серию монет как Пан-13 и определил её выпуск в пределах предпоследнего десятилетия IV в. до н.э. (может быть, 319–310 гг.) [Терещенко, 2013, с. 124-125]. Это определение представляется вполне логичным, а значит, гробницу № 47 предпочтительней относить не вообще ко второй половине IV в. до н.э., а к двум последним десятилетиям этого столетия.

Ещё раз можно напомнить, что этот неординарный памятник был открыт в 1860 г. во время раскопок А.Е. Люценко и важность сделанного открытия, естественно, тогда не была оценена по достоинству. Исследователи XX в., конечно, заметили здесь арку, но не придали этому особого значения. На самом же деле этот памятник заслуживает особого научного внимания, поскольку он самым непосредственным образом связан с проблемой происхождения арки в древнегреческой архитектуре. Представление о том, что подобные конструкции появились в ней только в римскую эпоху, давно и убедительно опровергнуты [Гервиц, 1947].

Сейчас уже хорошо известно, что арки достаточно широко бытовали в эллинистское время, особенно в фортификационных постройках [Winter, 1971, p. 92, 177, 255; Boyd, 1978], имеются они и на памятниках Северного Причерноморья¹⁸. Суть проблемы, однако, заключается в том, что в архитектуре Древней Греции в настоящее время нет примеров арочных перекрытий, которые можно было бы уверенно датировать ранее конца IV в. до н.э. [Boyd, 1978, p. 83]. Принято считать, что арки, существовавшие на Ближнем Востоке с IV тыс. до н.э., появились в Греции после

---

¹⁸ В научной литературе постепенно утверждается мнение, что самые ранние арочные перекрытия в античной архитектуре Северного Причерноморья появились в Северо-Западном Крыму. С.Б. Ланцов обнаружил дверь с арочным перекрытием на Кульчукском городище, датировав её концом II в. до н.э., т.е. митридатовским временем [Ланцов, 2010, с. 145–147, рис. 6]. Исследователь определил эту арку как самое раннее из подобных сооружений «в наземных постройках Северного Причерноморья» [Ланцов, 2010, с. 146]. Вполне понятно, что он имел в виду городскую или шире – поселенческую архитектуру, и с этим вполне можно согласиться. Несколько позднее на том же Кульчукском городище была открыта ещё одна арка, относящаяся ко второй половине III в. до н.э. [Ланцов, 2012, с. 291]. Сравнительно недавно на поселении Ортли, существовавшем в пределах 325–275 гг. до н.э., удалось обнаружить башню, в которой находился дверной проём с арочным перекрытием [Кутайсов, Смекалова, 2013а, с. 102; 2013б, с. 12 сл., 21, 55, рис. 38]. Авторы публикации склонны считать эту арку самой ранней в архитектуре Северного Причерноморья [Кутайсов, Смекалова, 2013а, с. 102; 2013б, с. 21]. Вполне можно допустить, что их вывод оправдан в отношении фортификационной архитектуры, но, принимая во внимание погребальные памятники, необходимо подчеркнуть, что там арочное перекрытие вошло в обиход ещё раньше, да и памятники такого рода были открыты уже очень давно [см. также главу 2.8].

походов Александра Македонского [Kurtz, Boardman, 1971, p. 276; Boyd, 1978, p. 89]. М. Андроникос, правда, полагал, что древние греки знали об арке всё ещё до походов Александра [Andronicos, 1987, p. 5], но надёжным археологическим подтверждением этому является лишь знаменитая гробница в Вергине, которую он связал с погребением Филиппа [Andronicos, 1984]. Этот македонский царь, как известно, был убит в 336 г. до н.э.¹⁹ Юз-обинский склеп, как было сказано, можно датировать в пределах двух последних десятилетий IV в. до н.э.; таким образом, он является одним из самых ранних из известных ныне сооружений подобного рода во всём античном мире. Датировку этой уникальной гробницы, разумеется, следует уточнить после детального изучения всех обнаруженных в ней предметов, которые находятся ныне в собрании Государственного Эрмитажа, но радикальных изменений в этом отношении вряд ли стоит ожидать.

Любопытно при этом, что на территории Македонии нет архитектурных прототипов склепов с арочным перекрытием, они здесь появились почти спонтанно. Некоторые болгарские исследователи считают, что такие прототипы в немалом количестве известны на территории Фракии. Естественно, они имеют в виду склепы с ложным перекрытием, на основе которых произошёл переход к своду с рядом замковых камней, т.е. настоящей арке [рис. 16, 6; Гошев, 2005; Базайтова, 2006, с. 353, обр. 2; Bazaytova, 2005, p. 311–313]. Если даже это предположение не во всём верно, у нас почти нет сомнений, что арочное перекрытие на Боспоре появилось под фракийским влиянием.

Продолжая начатое выше сопоставление двух частей Боспора, Европейской и Азиатской, по числу открытых погребальных памятников того или иного типа, стоит обратить внимание, что обе описанные здесь гробницы с циркульным сводом находятся в Восточном Крыму. На этом примере ещё раз можно убедиться, что лидерство в плане развития элитной культуры в IV в. до н.э. принадлежало Европейскому Боспору.

2.5. Цари Боспора и боспорские курганы IV в. до н.э.

Ключевым моментом в процессе изучения боспорских древностей, как уже было сказано, стало открытие богатого погребения в Куль-Обе в 1830 г. [см.: Дюбрюкс, 2010а, с. 167–206]. Никто из наблюдателей этого открытия, конечно, не сомневался, что в кургане было обнаружено захоронение настоящего «царя», хотя о немедленном адекватном осмыслении сделанного открытия говорить никак не приходится. П. Дюбрюкс предположил, что в Куль-Обе был погребён

---

¹⁹ По вопросу, связанному с этой гробницей, в научной литературе постепенно произошла путаница. К примеру, по поводу датировки типа её перекрытия В.И. Бидзиля и С.В. Полин заметили, что в Болгарии имеется более ранний памятник такого рода – курган Славчева Могила, в котором был открыт склеп с «классическим цилиндрическим сводом», относящийся к 360–350 гг. до н.э. [Бидзиля, Полин, 2012, с. 550, прим. 36]. С предложенной датировкой следует в полной мере согласиться, вот только эта гробница имеет ложный циркульный свод [Китов, 1996, с. 2, обр. 1, с. 6, обр. 11], и уподоблять её арочному своду склепа в Вергине никак не следует.

скифский царь [Дюбрюкс, 2010а, с. 189-190], но Д. де Монпере заключил, что царь был не скифским, а боспорским [Montpéroux, 1843, p. 219–222]. А.Б. Ашик в своей известной книге занял весьма противоречивую позицию: поначалу, вероятно, вторя П. Дюбрюксу, он признавал погребение скифским [Ашик, 1848, с. 32-33], но чуть ниже, возможно, под влиянием мнения Д. де Монпере, уже писал, что гробница принадлежала «какому-нибудь пантикапейскому Археанактиду» [Ашик, 1848, с. 38; ср.: 1850, с. 138]. Явную негреческую специфику памятника этот исследователь связывал с тем, что нравы, обычаи и язык местных греческих колоний вообще «сильно отзывались соседством скифов» [Ашик, 1848, с. 39]. Сходным образом выражался Г.И. Спасский, считавший более вероятным, что в Куль-Обе был погребён один из боспорских царей, который мог заимствовать от подчинённых скифов не только одежду, «но самые нравы и обычаи» [Спасский, 1846, с. 120]. Более определённой точки зрения придерживался Ф.А. Жиль, признававший Куль-Обу усыпальницей Левкона или его отца Сатира [ДБК, с. XLVI; но ср.: Жиль, 1861, с. 56]. Варварские черты погребального обряда и инвентаря, характерные для этого комплекса, исследователь объяснял тем, что первый Левконид по политическому расчёту был вынужден принять одежду и обычаи народов, над которыми он утвердил своё господство [ДБК, с. XLVIII]. Остаётся только удивляться, насколько ученые XIX в. были радикальны в плане оценки уровня развития греко-варварских связей на Боспоре, если даже правители государства, по их мнению, мало отличались от скифских вождей по одежде, нравам и обычаям. Такую смелость выводов позднее мог себе позволить лишь М.И. Ростовцев, да и то изредка [Rostowzew, 1913, p. 15]. В начале XXI в. на подобное отважился Н.Ф. Федосеев, посчитавший, что в Куль-Обе были погребены боспорский царь Перисад I и его супруга [Федосеев, 2011, с. 382]. Однако варварские особенности этого комплекса настолько очевидны и общеизвестны (см. главу 2.6), что приходится усомниться в допустимости такой гипотезы и трактовать Куль-Обу как погребение скифского царя или, по крайней мере, лица самого высокого социального ранга, происходившего из скифской среды, но отнюдь не владыки Боспора [см.: Алексеев, 1996, с. 101; 2003, с. 230, табл. 10; Виноградов, 2005а, с. 271; 2010а, с. 423–425; 2010в, с. 528-529; Власова, 2006; Alekseev, 2005, p. 47].

Отвлекаясь от споров о Куль-Обе, следует признать, что другим боспорским курганам в этом отношении повезло гораздо меньше. Н.П. Кондаков и А.А. Толстой в конце 80-х гг. XIX в. писали, что среди них ни один не отождествлён с погребением какого-нибудь выдающегося лица [Толстой, Кондаков, 1889, с. 22]. Это заключение вполне справедливо и в наши дни, хотя отдельные попытки связать некоторые из курганов с погребением кого-либо из наиболее известных владык Боспора, как частично было сказано выше, делались неоднократно. К примеру, в устной форме различные исследователи много раз высказывали мысль, что Царский курган принадлежит Перисаду I, но лишь В.Ф. Гайдукевич признал это на страницах своей классической работы [Gajdukevič, 1971, S. 272]. Однако приходится признать и то, что даже точка зрения В.Ф. Гайдукевича выглядит не более чем остроумной догад-

кой, лишённой увязки с другими погребальными памятниками Боспора. В общем, следует констатировать, что вопрос о выделении среди тысяч боспорских курганов таких, которые могли бы принадлежать владыкам Боспора, чрезвычайно сложен и практически не разработан в научной литературе [см.: Виноградов, 2014б]. Учёные продолжают считать его либо чисто схоластическим, либо излишне романтическим, однако это не совсем справедливо. Если обратиться к истории Боспорского царства IV в. до н.э., то мы точно знаем по именам всех его правителей: прежде всего, это Сатир I, Левкон I, Перисад I и Евмел. Прекрасно известно и время правления каждого из них, а значит, с чисто теоретических позиций, следуя классической формуле «единства места и времени», постановка такого вопроса вполне допустима.

В отличие от боспороведения, в скифологии дискуссия о принадлежности отдельных погребальных памятников конкретным историческим личностям стала набирать обороты с конца прошлого века [см.: Болтрик, Фіалко, 1995; Алексеев, 1996; 2003, с. 255 сл.; Кузнецова, 2001; Alekseev, 2005; см. также: Мурзин, 2015], и она, безусловно, принесит свои положительные плоды. На Боспоре, казалось бы, подобная дискуссия допустима хотя бы по причине относительной скромности размеров государства в сравнении с Великой Скифией, все курганы здесь, так сказать, находятся на виду, к тому же самые крупные из них были раскопаны ещё в XIX в., и надеяться на открытие новых царских погребений вряд ли приходится.

Давно и хорошо известно, что у боспорской элиты этого времени существовал обычай курганных погребений, и нет никаких поводов считать, что цари Боспора от этого обычая отказались. Надо думать, что владык государства хоронили именно таким образом, но их курганы, естественно, должны отличаться большей грандиозностью, сложностью устройства погребальных сооружений, особым богатством инвентаря и т.д. Для адекватного понимания этих памятников следует обратить внимание, что курганы правителей, наряду с прочим, демонстрируют некоторые политические реалии того времени, особенности территориальной структуры государства, а в некоторых случаях даже позволяют лучше осознать характер его политического устройства [Савостина, 1996, с. 48-49; 2014, с. 19; 2015, с. 285–287; ср.: Виноградов, 2001а, с. 77 сл.; 2005а, с. 247-248; ср.: Крыжицкий, 2002, с. 209-210; Kryzhitskiy, 2005, p. 124–126].

Логично считать, что погребения боспорских владык сооружались в окрестностях столицы Боспорского царства, при этом, вероятнее всего, они могли входить в состав элитных курганных некрополей, занимая в них господствующее место, либо располагаться уединённо, в наиболее важных и значимых точках территории государства. С другой стороны, курганные некрополи являются маркерами некоего сакрального пространства [Савостина, 1990, с. 240; Русяева, 2000]. Они наглядно демонстрируют связь между миром живых и миром мёртвых. Погребённые в курганах героизированные или даже обожествлённые владыки государства должны были выступать в роли защитников или заступников боспорян перед богами. Само по себе обилие курганов в окрестностях Пантикапея принципиально важно для приближе-

ния к пониманию мировоззрения боспорян, особенностей их религиозного мироощущения [Виноградов, 2000, с. 101-102, 120-122], но этот вопрос заслуживает специального рассмотрения [Шауб, 2014].

Было бы наивно надеяться, что когда-либо нам удастся открыть гробницы всех боспорских царей или, точнее сказать, их правильно идентифицировать. И дело здесь не только в сохранности этих памятников, их почти тотальной ограбленности. Грандиозность курганной насыпи или монументальность гробницы (пусть даже сильно разрушенной!) в любом случае могли бы помочь идентифицировать царственный статус погребённого здесь лица. Такая идентификация, однако, возможна не всегда. Для периодов экономического и культурного расцвета Боспорского царства она в полной мере имеет смысл, а вот для периодов системных кризисов, регулярно происходивших в многовековой истории государства, такие захоронения не могли возводиться особенно монументальными, а сопровождающий инвентарь не мог отличаться сверхординарной пышностью. В такой ситуации в ряду элитных памятников выделить царские совсем не просто и вероятность ошибки здесь весьма велика. Сугубо гипотетически можно полагать, что вряд ли удастся легко идентифицировать и погребение основателя династии, Спартока I, если только оно не было совершено в склепе с уступчатым перекрытием. Тогда, принимая концепцию о его фракийском происхождении, следовало бы ожидать, что этот склеп будет самым ранним на Боспоре. В любом случае, однако, не приходится ожидать, что гробница Спартока была особенно богатой. Богатство боспорской элиты становится действительно ощутимым только с созданием территориального государства при Сатире I и Левконе I, а происходит это, как уже говорилось приблизительно на рубеже V и IV вв. до н.э. Стоит обратить внимание и на то, что элитные погребения Боспора, относящиеся к первой половине IV в. до н.э., заметно уступают по своему богатству памятникам второй половины этого столетия.

Выделение погребальных памятников владык Боспора IV в. до н.э., как видим, связано с немалыми сложностями. Однако каким бы запутанным ни был этот вопрос, всё-таки можно полагать, что наиболее важными среди курганов этого времени были четыре памятника в окрестностях Пантикапея: курган у села Баксы, Острый курган на Юз-Обе, Царский и Золотой.

Баксинский курган (рис. 33), расположенный посреди широкой долины рядом с селом Баксы (совр. Глазовка), является самым ранним в обозначенной группе и по этой причине заслуживает особого внимания [Виноградов, 2014в; 2014г]. Место для возведения кургана было выбрано не случайно – его отлично видно с переправы через Керченский пролив, от античного Порфмия, а с вершины кургана открывается прекрасный вид на пролив и азиатскую часть Боспора. Раскопками здесь руководил Н.П. Кондаков в 1882 и 1883 гг. [ОАК за 1882–88 гг., с. IV–VIII, XXX–XXXI]. Результаты этих раскопок достаточно подробно описаны в специальной публикации [Виноградов, 2014в]. Можно лишь обратить внимание, что курган, насыпанный на вершине холма, имел крупные размеры, достигая 10,60 м в высоту. Избегая ненуж-

ных повторов, сосредоточимся на главном. Погребение было совершено в каменном склепе, имеющем уступчатое перекрытие (рис. 33). Склеп был заглублён в материк почти на 1 м; размеры погребальной камеры составляли 4,16 × 3,55 м (14, 55 кв. м), высота достигала 5,35 м. С запада к камере вёл дромос, но его каменная кладка по каким-то причинам оказалась разобранной.

Тело усопшего было положено в деревянный саркофаг, украшенный резьбой, а также костяными и янтарными вставками. По словам Н.П. Кондакова, среди этих украшений имелось «символическое изображение египетского солнечного крылатого диска из раскрашенной фанерки». Это уникальное для боспорских саркофагов изображение, однако, логичней связывать не с египетским, а с ахеменидским влиянием, поскольку крылатый солнечный диск вошёл в символику верховного персидского божества Ахуры Мазды [Виноградов, 2014в, с. 513]²⁰. Внутри саркофага находились два деревянных посоха, стригиль, меч с рукоятью, покрытой золотом, несколько золотых бляшек и пр. Рядом с саркофагом были расположены погребения трёх коней, а также остродонная амфора и прекрасная краснофигурная пелика.

Основываясь на разностильности обнаруженных предметов, Н.П. Кондаков посчитал, что в склепе Баксинского кургана были совершены два одновременных захоронения. Краснофигурная пелика, по его мнению, принадлежала к первому, которое было потревожено или даже разрушено во время вторичного использования склепа [ОАК за 1882–1888, с. VII], эту вазу и, соответственно, первоначальное погребение исследователь относил к концу IV или началу III вв. до н.э. Второе погребение, по его мнению, было совершено на четыре или пять столетий позднее. Предположению об ограблении склепа как будто не противоречит один любопытнейший факт – в саркофаге не было обнаружено костных остатков погребённого; суставы пальцев и обломки черепа были найдены в дромосе. Не удивительно, что точка зрения Н.П. Кондакова о двух одновременных погребениях кургана Баксы была поддержана некоторыми исследователями [Ростовцев, 1925, с. 394-395; Rostowzew, 1931, S. 348-349; Gajdukevič, 1971, S. 277; Shefton, 1982, p. 153-154]. Ещё совсем недавно её придерживался и автор этих строк [Виноградов, 2005а, с. 249-250, 268; 2010в, с. 527-528], однако, скорее всего, это заключение было ошибочным. Баксинский курган содержал всего одно погребение, и датировать его следует не началом III в. до н.э., а гораздо более ранним временем, но в таком случае отсутствие костяка в саркофаге и наличие фрагментов костей в дромосе представляются в высшей степени странными, и этому факту необходимо найти какое-то объяснение. Однако сначала следует решить вопрос о датировке погребения.

²⁰ На Боспоре этот символ стал пользоваться определённой популярностью ещё до эпохи Спартокидов. В этом отношении весьма показателен скарабеоид, вделанный в золотую дужку, который был найден в гробнице 19 кургана 24 некрополя Нимфея. На одной его стороне изображена корова с телёнком, а на другой – стилизованный крылатый солнечный диск [Силантьева, 1959, с. 56, рис. 24, 4]. Этот курган уверенно датируется серединой V в. до н.э. [там же, с. 71].

Н.П. Кондаков в насыпи кургана обнаружил обломки большого краснофигурного кратера, который можно датировать концом V в. до н.э. или, может быть, чуть позднее [Shefton, 1982, p. 149; 1992, p. 248; см. также: Braund, 2009]. Помимо того в насыпи были найдены фасосские амфорные клейма. И. Гарлан, специально изучивший эти находки, пришёл к заключению, что их следует датировать 380 г. до н.э. с отклонением в пять лет в одну или другую сторону [Garlan, 1992, p. 250-251]. По классификации В.И. Каца, они относятся к группам В и С, т.е. датируются от середины 90-х до середины 70-х гг. IV в. до н.э. [Кац, 2007, с. 414]. Как видим, все охарактеризованные материалы позволяют считать, что тризны на кургане были произведены на протяжении первой четверти IV в. до н.э.

Среди находок, происходящих из склепа, хорошо датирована лишь краснофигурная пелика, которую относят к концу V в. до н.э. [ARV², p. 1346, no 1; Горбунова, Передольская, 1961, с. 107, рис. 52; Передольская, 1971, с. 54]. Не исключено, что погребение в склепе было совершено в начале IV в. до н.э., вероятнее всего, не позднее двух первых десятилетий столетия. Фасосские амфорные клейма группы С (по В.И. Кацу), обнаруженные в насыпи кургана, несколько выходят за эту датировку, но, как говорилось выше, их следует связывать с тризнами, а такие церемонии, как представляется, могли проводиться и через несколько лет после совершения захоронения.

Несмотря на отсутствие в склепе особо драгоценных предметов, имеются веские основания считать, что Баксинский курган принадлежал кому-нибудь из самых высокопоставленных лиц Боспорского государства [Ростовцев, 1925, с. 395; Shefton, 1982, p. 155], более того, его вполне можно отнести к категории царских. Английский исследователь Б. Шефтон предположил, что хронологическая атрибуция этого погребения лучше всего может соответствовать Сатиру I, много сделавшему для расширения своих владений и умершему в 389/88 гг. до н.э. [Shefton, 1992, p. 249]. С этой точкой зрения, на наш взгляд, вполне можно согласиться.

Погребение в кургане у села Баксы носит ярко выраженный греко-варварский характер (вспомним о захоронении в склепе трёх лошадей), и, если предложенная Б. Шефтоном интерпретация верна, то концепция о негреческом происхождении Спартокидов может получить дополнительную поддержку. В связи с этим следует обратить внимание на некоторые любопытнейшие предметы, обнаруженные в склепе, прежде всего, на украшение деревянного саркофага в виде дощечки с резным изображением солнечного диска. Ещё раз отметим, что вряд ли могут возникнуть сомнения в том, что это изображение связано с властной символикой персидских царей.

Почти через 70 лет после раскопок Н.П. Кондакова около Баксинского кургана были предприняты исследования под руководством В.Ф. Гайдукевича, тогда там были найдены золотые бляшки в виде львиных головок и розет, также изготовленные в персидской стилистике [Пругло, 1963, с. 77-78; Трейстер, 2013; Gajdukevič, 1971, S. 141, Abb. 25; Shefton, 1982, p. 154]. В.И. Пругло предположила, что эти бляшки были изготовлены в одной из мастерских Пантикапея, где, очевидно, работали гре-

ко-персидские мастера [Пругло, 1963, с. 77-78]. С этой точкой зрения полностью согласился В.Ф. Гайдукевич [Gajdukevič, 1971, S. 141, Abb. 25], но М.Ю. Трейстер трактует баксинские бляшки в виде львиных головок по-другому, считая, что они имели не пантикапейское, а ахеменидское происхождение. По этому поводу он заключает: «Речь идет не просто об ахеменидских изделиях, но о произведениях “дворцового стиля”, т.е., вероятнее всего, изделиях одной из центральных мастерских Ахеменидского государства. Это ещё и единственные в своём роде находки в курганах Северного Причерноморья» [Трейстер, 2013, с. 350].

Тот же М.Ю. Трейстер, специально изучивший другие ахеменидские «импорты» на Боспоре, в том числе цилиндрические печати, считает, что они «могут свидетельствовать как о торговых контактах, так и о связях дипломатического уровня, в том числе и о посещении Боспора официальными представителями Ахеменидского государства, а их концентрация подтверждает высокую интенсивность таких связей и даже глобальную (для своего времени) значимость в рамках контактов Персидского государства со своими северными соседями и кочевым миром Евразии» [Трейстер, 2011, с. 119; 2013, с. 356]. Все эти находки, как представляется, позволяют предполагать определённое персидское влияние на первых Спартокидов, и это влияние, конечно, могло проявляться не только в сфере культуры.

Наконец, следует ответить на вопрос, почему в большом саркофаге Баксинского кургана отсутствовали костные останки погребённого, а кой-какие обломки костей были найдены в дромосе. Конечно, можно предположить, что останки усопшего были вынесены из склепа по причине аварийного состояния этого сооружения, но склеп простоял совсем в неплохом состоянии до конца XIX в., исследователи не заметили в нём никаких признаков разрушения. Тогда закономерно возникает идея о том, что тело было вынесено в рамках некоего религиозного обряда. На первый взгляд такое объяснение может показаться почти фантастическим, однако манипуляции с костными останками покойных отнюдь не являются чем-то экстраординарным или исключительным в погребальных практиках некоторых народов мира. Человеческие кости при этом рассматриваются как знак нетленности, символ возрождения и вечной жизни, что хорошо продемонстрировал болгарский исследователь Иван Маразов [Маразов, 2009, с. 49].

Если курган у села Баксы рассматривать в рамках такой парадигмы, то следует указать, что очень схожие по сути своей и хронологически близкие элитные памятники известны на территории Фракии. Уже давно обращалось внимание, что часть из них, которые, на первый взгляд, казались ограбленными, таковыми вовсе не являются [Гергова, 1996, с. 23, 130]. В этих курганах при наличии некоторых предметов погребального инвентаря отсутствуют костные останки. В высшей степени интересна сравнительно недавно открытая в Болгарии гробница в кургане Голяма Косматка [Китов, 2005, с. 33 сл.]. Её связывают с погребением фракийского царя Севта III, и для этого имеются очень веские основания. Погребальный инвентарь в гробнице весьма богат, при этом имя Севта выбито на бронзовом шлеме и на серебряной чаше.

Но вот по имеющейся у нас устной информации, костяк Севта в гробнице отсутствовал, и теоретически её можно было бы считать кенотафом, но вряд ли это так.

Специальные наблюдения показывают, что двери во фракийские каменные гробницы неоднократно открывались [Гергова, 1996, с. 22], и с останками усопших проводились определённые манипуляции. Завершающим актом этих мероприятий было извлечение костей из склепа и помещение их в какое-то специальное место, порой на курганной насыпи, после чего она (эта насыпь) досыпалась. Болгарская исследовательница Диана Гергова проследила этот обряд на материалах раскопок курганов у села Свещари. Напомним, что здесь была открыта знаменитая царская гробница с десятью кариатидами [о ней см.: Чичикова, 1986; 2012]. Основную причину извлечения костей из фракийских склепов Д. Гергова определила как проявление «обряда обессмерчивания», чему посвятила целую монографию [Гергова, 1996]. По её мнению, этот обряд являлся органичным следствием распространившихся во фракийском мире орфических верований, связанных с обретением бессмертия. Вспомним, что Геродот выделял гетов из других известных ему народов тем, что те верили в бессмертие (*Herod. IV. 93-94*). По всей видимости, для обретения усопшим бессмертия с его останками необходимо было провести определённые обряды, которые следует относить к категории очистительных, в том числе и вынести кости из склепа [Гергова, 1996, с. 132, 136–139]. В вопросах интерпретации монументальных гробниц Древней Фракии существует немало спорных моментов, их понимают как мавзолеи, герооны или даже храмы [см.: Рабаджиев, 2011а; 2011б]; при этом термин «героон», по всей видимости, является наиболее адекватным к фракийской действительности [Рабаджиев, 2011б, с. 30]. Вся система подкурганных сооружений, порой весьма сложная, была теснейшим образом увязана с фундаментальной идеей вечно-го блаженного существования после смерти, а для земных владык, скорее всего, и с идеей обретения божественного статуса.

Возвращаясь к Баксинскому кургану, необходимо признать, что отмеченные выше его «странности» уже не представляются проявлением некой случайности. Вполне возможно, что саркофаг оказался пустым по той причине, что останки усопшего были вынесены из склепа в рамках совершения обряда «обессмерчивания». Вполне возможно, что тогда в дромосе были утеряны некоторые кости остова, а рядом с курганом – золотые бляшки. Если это действительно так, то именно на этих «странностях» и следует акцентировать наше внимание. Курган у села Баксы является единственным на Боспоре вполне сохранившимся погребальным памятником, который можно считать царским. По времени, как уже говорилось, его можно связывать с боспорским правителем Сатиром I, сыном Спартока I. Учитывая некоторые варварские черты, представленные в этом погребении (оружие, погребения коней и пр.), следует считать вполне вероятным, что династия Спартокидов имела негреческое происхождение. Выше было сказано, что ни одна из гипотез о происхождении Спартокидов (фракийская, скифская и греческая) не имеет надежных доказательств (см. главу 2.1), но в свете всего изложенного в спектре гипотез, связывающих ди-

настию Боспора Киммерийского с варварским миром, фракийская представляется наиболее вероятной. Таким образом, абсолютно неожиданно для себя мы находим, так сказать, археологическое подтверждение фракийского происхождения династии Спартокидов. Ранее такое казалось абсолютно невозможным, и учёный мир надеялся лишь на обнаружение какого-нибудь нового эпиграфического документа, проливающего свет на столь запутанную историческую проблему. Эпиграфических источников такого рода, как мы знаем, пока не обнаружено, но среди давно раскопанных боспорских курганов всё-таки имеется такой, который позволяет взглянуть на эту проблему под новым углом зрения [Виноградов, 2014г].

Острый курган (рис. 34) занимает центральное место в некрополе боспорской знати Юз-Оба, его ещё называют Десятым юз-обинским курганом. По существу, он является доминантой этого некрополя, что предполагает особое предназначение названного погребального памятника. На то же самое указывают и размеры кургана: высота – 17 м, диаметр по основанию – 80 м, длина окружности насыпи – 243 м. По этим параметрам Острый курган не уступает Царскому, и имеются все основания считать, что здесь был погребён один из владык Боспора. К сожалению, исследователи боспорской истории очень долгое время почти не обращали внимания на этот любопытнейший памятник, и лишь в последнее время он получил должную оценку [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 72 сл.; Виноградов, 2014д].

История изучения Острого кургана чрезвычайно интересна и поучительна. Археологи неоднократно обращались к раскопкам этого памятника начиная с 60-х годов XIX в. [ОАК за 1861, с. V–VI; 1862, с. VI–VII; 1882–88, с. LXXXIV]. Уже первый исследователь кургана А.Е. Люценко выделял его из всех курганов Юз-Обы, даже считал этот памятник загадочным, и надо признать, что для этого он имел все основания. Как выяснилось, Острый курган имел каменную крепиду в виде восьмиугольника; ни на одном другом боспорском кургане такого не зафиксировано. С его трёх сторон (западной, восточной и южной) в структуру крепиды были включены необычные постройки в виде больших каменных лестниц (рис. 35); совсем не исключено, что такая «лестница» была возведена и с четвёртой (северной) стороны, не затронутой исследованиями. Ещё раз приходится констатировать, что ни в одном из других известных нам курганов Боспора ничего подобного обнаружено не было. Весьма любопытно, что крепиды, оформленные в виде лестниц, выявлены в некоторых фракийских курганах [Theodossiev, 1995, p. 380]. Рядом с «лестницами» Острого кургана были найдены мраморные обломки, возможно, какого-то монументального памятника или сооружения. В насыпи к тому же были обнаружены фрагменты надписи (надписей?), вырубленной на мраморной плите, чего в других курганах тоже не отмечено. К сожалению, исследователи не придали этим в высшей степени любопытным и необычным для курганов находкам никакого значения.

Единственной гробницей, обнаруженной в Остром кургане за все годы раскопок, является вырубленная в скале большая катакомба, к которой сверху вёл монументальный колодец (шахта) со стенками, обложенными хорошо отёсанными рустован-

ными блоками (рис. 36). Вход в погребальную камеру был закрыт каменной кладкой (рис. 37). Катакомба имела четырёхугольную форму, площадь её составляла почти 29,50 кв. м (рис. 38). Сразу необходимо обратить внимание, что эта гробница является одной из самых крупных по площади среди всех погребальных памятников Боспора. Она несколько уступает круглому склепу Золотого кургана (площадь которого – 31,40 кв. м), но зато значительно превосходит склеп Царского (18,60 кв. м) [Виноградов, 2014д, с. 540]. Высота катакомбы, по понятным причинам, уступает названным склепам в 2-3 раза, но последнее обстоятельство не противоречит трактовке этой гробницы как царской. К сожалению, погребение было полностью разграблено, но его датировка в пределах IV в. до н.э., в общем, не вызывает сомнения.

Погребальное сооружение в виде катакомбы чрезвычайно любопытно, поскольку является нетипичным для Восточного Крыма IV в. до н.э. По этой причине вызывает некоторое недоумение, что катакомба Острого кургана вообще не привлекла внимание учёных. Лишь Г.А. Цветаева в своём исследовании курганного некрополя Пантикапея уделила ей несколько строк. Отметив своеобразие Острого кургана, она высказала предположение, что этот памятник с его катакомбой может быть прототипом более поздних боспорских катакомб [Цветаева, 1957, с. 242, прим. 80]. Искать в IV в. до н.э. прототип катакомб первых веков н.э., может быть, и возможно, но само по себе это предположение ещё не объясняет появления на Боспоре в IV в. до н.э. единственного пока кургана с подобной погребальной камерой.

Кажется вполне очевидным, что данное уникальное для Боспора открытие следует связывать со скифскими катакомбами IV в. до н.э. [см.: Ольховский, 1977, с. 108 сл.; 1991, с. 26 сл.; Абрамова, 1982, с. 9 сл.]. В высшей степени любопытно при этом, что катакомбы в курганах Крыма очень редки и, по мнению исследователей, характеризуют не столько погребальную обрядность населения Крымской Скифии, сколько традиции небольших групп скифов, проникавших сюда из Поднепровья и Приазовья [Колтухов, Кислый, Тоцев, 1994, с. 112]²¹. Все эти соображения могут ещё раз указывать на главное направление политических, экономических и культурных контактов Боспорского царства с миром местных варваров, которые в это время явно вели в Великую Скифию [Виноградов, 2005а, с. 273].

Приведенные факты позволяют высказать предположение, что Острый курган является погребальным памятником боспорского царя, вероятнее всего, Левкона I (389/88 – 349/48 гг. до н.э.). При нём Боспор сложился как единое греко-варварское государство, не случайно древние авторы именовали упрочившуюся здесь династию Левконидами [Ael. VH. VI, 13; см.: Блаватский, 1976, с. 57; Шелов-Коведяев, 1985а, с. 85; см. также главу 2.1]. Логично ожидать, что погребение Левкона было совершено очень пышно и в особо важном месте. Тело усопшего царя при этом было

---

²¹ Немногочисленные катакомбы Крымского Приазовья при этом отличаются любопытными особенностями [Бессонова, Скорый, 1986]. Исследователи сближают их с аналогичными погребальными памятниками Ольвийского региона [Колотухин, Колтухов, 2007, с. 218–219].

помещено не в монументальном каменном склепе с уступчатым перекрытием (что, как мы предполагаем, было сделано в отношении его отца Сатира I, погребённого в Баксинском кургане!), а в катакомбе скифского типа. Сделанный тогда выбор типа погребальной конструкции, как представляется, был отнюдь не случаен. В этом отношении следует напомнить о дружеских связях Левкона со скифами, оказавшими ему содействие в борьбе с политическими противниками, в частности, с гераклеотами (*Polyaen.* VI. 9, 4). Эти связи, вероятно, настолько окрепли, что после смерти Левкона его захоронение было решено совершить с использованием традиции погребальных сооружений Скифии. Можно даже предположить, что огромный Острый курган, возведённый на холмистой гряде к югу от Пантикапея, стал своего рода репером, по обе стороны от которого во второй половине IV в. до н.э. стали насыпаться другие курганы высшего слоя боспорской знати, и некрополь Юз-Оба таким образом сформировался как уникальный памятник элиты Боспорского государства времени его расцвета [Гайдукевич, 1949, с. 257; Гриневич, 1952, с. 130; Федосеев, 2005, с. 411; Виноградов, 2013б].

При всём сходстве со скифскими памятниками огромная катакомба Острого кургана имеет одну любопытную особенность – её свод копирует двускатную кровлю (рис. 38), тогда как скифские катакомбы чаще всего делались в виде пещер [Ольховский, 1977, с. 108]. Эту особенность никак нельзя считать случайной, и в связи с этим, конечно, в первую очередь следует вспомнить двускатные перекрытия значительной части знаменитых боспорских уступчатых склепов IV в. до н.э. (см. главу 2.3), в том числе и склепа в кургане у села Баксы, речь о котором шла выше. В качестве отдалённой аналогии ещё раз можно упомянуть двускатное перекрытие гробницы Кира Великого и свод скальной гробницы Дария I в Накш-и-Рустеме (см. главу 2.3). Все эти наблюдения позволяют высказать предположение или, скорей, догадку, что в катакомбе Острого кургана пересеклись различные культурные влияния: скифское (тип погребальной камеры), греческое (характер рустованной каменной кладки), персидское или, вероятно, фракийское, в своей основе тоже инициированное персидским импульсом (двускатный свод катакомбы) и собственно фракийское (лестницы, устроенные в крепиде).

Учитывая дружеские связи Левкона со скифами, сооружение для его погребения огромной катакомбы представляется вполне объяснимым. Использование гробницы скифского типа можно рассматривать как своего рода демонстрацию прочности сложившегося тогда политического союза между Боспором и Скифией [см.: Шелов-Коведяев, 1985а, с. 136; Яковенко, 1986, с. 47; Виноградов, 2005а, с. 275]. Но одной этой демонстрацией дело, как представляется, не ограничилось, и ещё раз следует отметить, что двускатный свод катакомбы, а также наличие здесь монументальной каменной крепиды с лестницами, скорее всего, знаменовало совсем другую культурную традицию, связанную с фракийским происхождением Спартокидов. Не исключено, что этот культурный импульс был в немалой степени сопряжен со стремлением боспорских монархов подражать владыкам Персии, может быть, в чём-то копировать

их практику возвеличивания власти царя посредством создания впечатляющих памятников погребальной архитектуры.

Царский курган (рис. 28-29) является наиболее ярким, хрестоматийно известным памятником боспорской культуры IV в. до н.э. [см.: Ашик, 1848, с. 27–29, § 24, рис. 1; Гайдукевич, 1949, с. 246–250; 1981, с. 25–44; Блаватский, 1964а, с. 50; Шалькевич, 1976; Савостина, 1986, с. 95, № 8; Gajdukevič, 1971, S. 271-272; см. также главу 2.3]. Склеп был открыт А.Б. Ашиком в 1837 г., он оказался полностью ограбленным. Не вызывает никаких сомнений, что археологи наших дней сумели бы обнаружить в слоях мусора, перекрывавших пол гробницы, немало интересных и очень важных для понимания памятника деталей, но в XIX в. на такие «мелочи», как правило, не обращали внимания.

Царский курган действительно грандиозен, высота насыпи достигает 17 м, что намного больше, чем у насыпи Баксинского кургана, но приблизительно соответствует Острому. Открытый здесь монументальный склеп с ведущим в него дромосом является самым знаменитым архитектурным сооружением, оставленным нам классической древностью на северном берегу Чёрного моря. Его ярчайшая отличительная особенность – четырехугольная погребальная камера, перекрытая круглым уступчатым сводом. Площадь этой камеры составляет 18,60 кв. м, высота – около 9 м [Гайдукевич, 1949, с. 248; 1981, с. 43]. Переход от четырехугольника склепа к кругу купола был осуществлён благодаря очень простому решению – выступам-пантатам в углах гробницы, которые, постепенно увеличиваясь в размерах, на уровне десятого ряда кладки образуют правильный круг.

Несмотря на ограбление склепа, этот боспорский курган заслуженно назвали Царским, под данную категорию он подходит по всем своим параметрам. Нет ни малейшего сомнения, что он мог быть возведён только во время экономического процветания и политического благополучия Боспорского государства, вероятнее всего, во второй половине IV в. до н.э. В это время здесь царствовал Перисад I (344/43 – 310/309 гг. до н.э.), который за свои огромные заслуги даже был признан богом (*Strab.* VII. 4, 4). В.Ф. Гайдукевич поначалу считал, что в Царском кургане был погребён либо Левкон I, либо Перисад I [Гайдукевич, 1949, с. 250], но в конце концов пришёл к выводу, что курган принадлежал именно Перисаду I [Gajdukevič, 1971, S. 272], и этот вывод представляется вполне закономерным.

Ещё раз следует обратить внимание, что гробница, аналогичная склепу Царского кургана, была открыта В.Г. Тизенгаузенем под Фанагорией в 1869 г. (см. главу 2.3; рис. 30). Очень жаль, что этот замечательный памятник боспорской культуры не привлекал внимания ученых более 140 лет! Как представляется, он даёт немалые основания для суждения, так сказать, о соотношении статусов элит двух боспорских столиц – Пантикапея и Фанагории. Как уже было сказано выше, вполне можно полагать, что фанагорийская аристократия в IV в. до н.э. имела право возводить погребальные памятники любого типа, но размеры их никак не могли приближаться к царским (см. главу 2.3).

Золотой курган назван нами последним в ряду выделенных погребальных памятников Боспора. Однако именно он являлся самым крупным в окрестностях Керчи, если не считать более поздней Кара-Обы [Стоянов, 2014; см. также главу 4.3]. Важно подчеркнуть, что Золотой курган превосходил по размерам охарактеризованные выше Царский и Острый курганы. Его насыпь, скорее всего, имела высоту свыше 21 м [Виноградов, 2007а, с. 6; 2010б, с. 471; ср.: Гайдукевич, 1949, с. 246; 1981, с. 6 сл.; Цветаева, 1957, с. 233; Gajdukevič, 1971, S. 269–271; см. также главу 2.3]. Более того, по этому параметру Золотой курган превосходил почти все самые крупные курганные насыпи в степях Северного Причерноморья времени расцвета Великой Скифии: Чертомлыцкий курган, Солоху, Огуз и др.; его высота приблизительно равнялась лишь Александропольскому [см.: Мозолевский, 1979, с. 152, табл. 4; Алексеев, 2003, с. 227–228].

Большой склеп Золотого кургана, открытый Д.В. Карейшей в 1832 г. (рис. 25–27), является замечательным памятником боспорской погребальной архитектуры. Гробница состояла из длинного (18 м) дромоса и круглой в плане погребальной камеры; её диаметр составлял 6,30 м. Этот склеп по своим размерам заметно превосходит все известные нам погребальные камеры Боспора. К примеру, площадь склепа Царского кургана составляет 18,60 кв. м, а склепа Золотого кургана – 31,40 кв. м; высота соответственно – 9 м против 11 м [ср.: Гайдукевич, 1949, с. 248; 1981, с. 43; Gajdukevič, 1971, S. 272]. К сожалению, это сооружение было полностью ограблено, но его принадлежность к разряду царских вполне очевидна для любого непредвзятого наблюдателя.

По свидетельству Д.В. Карейши, свод «купольной» гробницы имел обмазку тёмнофиолетового цвета, архитектор Шмаков также заметил на стенах остатки обмазки, которая показалась ему красной [ДБК, I, с. СХХIV]. Эти свидетельства дают полное основание считать, что склеп был оштукатурен, можно было бы даже предполагать, что покрытие стен имело красный цвет, а свода – фиолетовый или, скорей, синий, имитирующий цвет небесного свода. На плане Д.В. Карейши, однако, лишь «купол» гробницы окрашен в лиловый цвет, а стены обозначены серой краской, соответствующей натуральному цвету известняка [Гайдукевич, 1981, с. 10].

Конструкция круглого склепа Золотого кургана до сих пор остаётся не вполне ясной. На плане, составленном Д.В. Карейшей, обозначен проход в западной стене, прямо напротив дромоса (рис. 25), а на рисунке Д. де Монпере изображена ниша в южной стене (рис. 26). В.Ф. Гайдукевич полагал, что это была ниша, но расположенная в западной стене [Гайдукевич, 1981, с. 13], однако, что там было на самом деле, с уверенностью судить вряд ли возможно. Отметим лишь, что склепы со сложной планировкой, переходами из одной камеры в другую были характерны для Фракии; их даже называют анфиладными [Вълева, 2013, с. 63; см. также: Китов, 2006, с. 101; Димитрова, 2006, с. 120–121].

Всем хорошо известно, что в научной литературе долгое время дискутировался вопрос о датировке Золотого кургана, возможной связи конструкции его погребальной

камеры или, по крайней мере, крепиды с микенской или киммерийской традицией. В.Ф. Гайдукевич, внимательно изучивший имеющуюся архивную документацию, пришёл к однозначному заключению, что все эти догадки необходимо отклонить «как совершенно необоснованные» [Гайдукевич, 1981, с. 21]. Сооружение, безусловно, является результатом творчества боспорских архитекторов, при этом наличие штукатурки на стенах склепа позволяет считать его отнюдь не самым ранним. В.Ф. Гайдукевич предполагал, что первоначально боспорские склепы не имели особой орнаментальной отделки, к примеру, украшения живописью, профилированными карнизами и пр. По его мнению, они потеряли свою былую строгую монументальность лишь к концу IV в. до н.э. [Гайдукевич, 1949, с. 250], что полностью соответствует действительности.

Круглая форма склепа также, вероятнее всего, является относительно поздним признаком. Намёк на переход к такой схеме, как было сказано выше, можно видеть в круглом своде Царского кургана при четырехугольной форме погребальной камеры. При этом следует особо подчеркнуть, что «купольная» гробница Золотого кургана в наши дни уже не является уникальной для боспорской архитектуры. Выше отмечалось, что совсем недавно под Фанагорией был раскопан курган с подобным по конструкции склепом (см. главу 2.3). Его круглая форма с перекрытием из шести кольцевых уступов вполне аналогична Золотому, хотя размеры гораздо скромней. Склеп оказался ограбленным, но в нём всё-таки была обнаружена боспорская бронзовая монета второй половины IV в. до н.э. [Кузнецов, 2004, с. 106-107, 121-122; 2007, с. 10; Фанагория, 2008, с. 52–56]. Эта находка, во всяком случае, не противоречит относительно поздней хронологической атрибуции боспорских круглых в плане склепов.

Кроме грандиозного круглого склепа, в Золотом кургане, как уже говорилось выше, были обнаружены ещё две погребальные конструкции. В 1832 г. в западной части кургана Д.В. Карейша открыл каменный склеп четырехугольной формы, перекрытый уступчатым сводом (рис. 17; см. главу 2.3, № 1). Его площадь составляла 20,5 м (т.е. больше, чем склеп Царского кургана), высота – более 6,40 м. По заключению Д.В. Карейши, этот склеп не имел дромоса [Гайдукевич, 1981, с. 8-9]. В 1853–1854 гг. изучение кургана было продолжено А.Е. Люценко, который обнаружил ещё один ограбленный четырехугольный склеп с уступчатым перекрытием и ведущим к нему дромосом (см. главу 2.3, № 2). Его размеры составляли 27,30 кв. м (т.е. значительно больше, чем в Царском кургане!), высота – около 5 м [см.: Гайдукевич, 1981, с. 17]. Дромос, также имевший уступчатое перекрытие, был пристроен к восточной стене склепа, при этом проход из него в погребальную камеру не был сделан. Ещё раз повторим, что данное обстоятельство позволяет нам усомниться в правильности заключения Д.В. Карейши относительно того, что обнаруженный им четырёхугольный склеп не имел дромоса. Очень может быть, что дромос здесь был, но не был сделан проход из него в погребальную камеру. В таком случае археолог, проникший внутрь этой камеры, дромоса никак не мог обнаружить.

Всё сказанное о грандиозности Золотого кургана позволяет предполагать, что

он принадлежал не просто знатной боспорской семье, а правящему на Боспоре роду [Диатроптов, 2001, с. 66; Gajdukevič, 1971, S. 271]. Можно также считать, что Золотой курган является самым поздним в ряду подобных памятников времени расцвета Боспорского царства в IV в. до н.э., во всяком случае, планировка его склепа, покрытие стен штукатуркой и пр. не противоречат этому. В.Д. Блаватский не случайно считал, что этот склеп был сооружён в последних десятилетиях IV в. до н.э. или немного позднее [Блаватский, 1964а, с. 80–81], и он был по-своему прав.

Период расцвета Боспорского государства, как известно, завершился серьёзным кризисом, связанным с крушением Великой Скифии (конец IV – начало III вв. до н.э.) и кардинальными изменениями военно-политической и этнической ситуации в степях Северного Причерноморья [см.: Виноградов, 2005а, с. 276 сл.; 2009б, с. 76–78]. В это время у владык Боспора вряд ли имелись средства, позволявшие реализовать столь дорогостоящие строительные проекты. Показательно в этом отношении, что поздние курганы некрополя Юз-Оба, относящиеся к концу IV – началу III вв. до н.э., по своим размерам сильно уступают более ранним, да и обряд погребения в них намного скромней [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 134; Виноградов, 2013б, с. 48–49]. Возведение Золотого кургана по этой причине никак нельзя относить ко времени более позднему, нежели обозначенный рубеж.

Как известно, после смерти царя Перисада в 310/9 г. до н.э. его сыновья (Сатир, Притан и Евмел) начали жестокую борьбу за престол [см.: Гайдукевич, 1949, с. 73–75; Виноградов, 2003, с. 77 сл.]. Из рассказа Диодора об этой борьбе известно (*Diod. XX. 22–24*), что первым в ней погиб Сатир, которого похоронили в царской гробнице. Второй жертвой междоусобицы стал Притан, о месте погребения которого нам ничего не известно, однако можно предположить, что это было сделано в подобающем его социальному рангу месте, рядом со старшим братом. Победа досталась Евмелу, под властью которого могущество Боспора ещё более окрепло, но правил он всего шесть лет и погиб от нелепой случайности в 304/3 г. до н.э. Диодор рассказал о чудовищной жестокости Евмела по отношению к родственникам, но всё-таки можно допустить, что он решил возвести свою гробницу рядом с могилами братьев. Есть все основания считать, что все эти погребения были совершены в Золотом кургане.

В.Ф. Гайдукевич убедительно показал, что сначала были построены четырехугольные склепы, перекрытые невысокими курганными насыпями, и только потом была возведена круглая гробница. При этом оба этих склепа имеют очень крупные размеры; по этому параметру, как было сказано, они превосходят гробницу Царского кургана. Только после того, как был возведён третий (круглый) склеп, весь комплекс гробниц был перекрыт единой, грандиозной по размерам курганной насыпью [Гайдукевич, 1981, с. 21]. В таком случае, если считать, что «купольная» камера Золотого кургана принадлежала Евмелу, то в двух сравнительно небольших четырёхугольных склепах, вероятно сооруженных в спешке (один из них, возможно, не имел дромоса, а во втором не было входного проёма из дромоса в погребальную камеру), могли быть погребены Сатир и Притан [Виноградов, 2007а, с. 17; 2010б, с. 476].

Подводя итог сказанному по поводу погребений боспорских царей IV в. до н.э. (от Сатира I до Евмела), необходимо обозначить возможную последовательность возведения их курганов. Сатиру I, по всей видимости, принадлежал Баксинский курган, Левкону I – Острый, Перисаду I – Царский, а трём его сыновьям (Сатиру II, Притану и Евмелу) – грандиозный Золотой курган. Необходимо также подчеркнуть, что реконструированную последовательность сооружения этих погребальных комплексов и их соотношение с конкретными личностями из правящего на Боспоре дома при современной изученности имеющихся материалов следует считать не более чем рабочей гипотезой.

2.6. Курганы варварской аристократии IV в. до н.э. на Боспоре

Эти ярчайшие памятники культуры Боспора Киммерийского, в которых проявляются культурные влияния, исходящие из среды местных племён, не раз становились объектом внимания учёных (см. главу 1.7). Некоторые из них давно стали хрестоматийно известными. Несмотря на это, потребность переосмысления материалов, происходящих из таких курганных комплексов, ощущается очень остро. Попытка такого переосмысления была сделана более 10 лет назад [Виноградов, 2001а; 2005а, с. 268 сл.], но сейчас не всё в ней можно признать вполне удовлетворительным. К примеру, к категории курганов варварской аристократии тогда были отнесены такие памятники, как курган у села Баксы и Острый (Десятый) курган Юз-Обы. Для такой интерпретации были довольно веские основания, поскольку в первом из них находились погребения коней, а в саркофаге лежало оружие, во втором же была открыта катакомба, имеющая явное сходство с типичными для IV в. до н.э. скифскими погребальными сооружениями. Сейчас от такого понимания двух названных памятников можно в известном смысле отказаться и считать, что они принадлежали не каким-то вождям местных племён, а, как было сказано выше (см. главу 2.5), владыкам Боспорского царства из династии Спартокидов – соответственно Сатиру I и Левкону I. Другое дело, что сами эти владыки, скорее всего, имели не эллинское происхождение.

Если исключить два названных кургана, то к категории погребений варварской аристократии или погребений, в которых представлены черты негреческого обряда, захоронения коней, предметы вооружения и пр., то на европейской стороне Боспора к рассматриваемому времени обычно относят следующие памятники: Куль-Оба, «курган Ашика», курганы Патиниоти и на землях Мирзы Кекуватского, Змеиный, Трёхбратний и погребение № 83 на Темир-Горе. Включение в эту группу других комплексов вряд ли оправдано [Яковенко, 1974, с. 70 сл., 146, табл. X]. Показательно, что для большинства курганов туземной знати рассматриваемого периода на Керченском полуострове характерны погребения мужчин с большим количеством предметов вооружения.

Курган Куль-Оба, конечно, стоит на первом месте среди перечисленных памят-

ников [см.: ДБК, с. XXXII сл.; Ростовцев, 1925, с. 376 сл.; Гайдукевич, 1949, с. 267 сл.; Артамонов, 1966, с. 62 сл.; Уильямс, Огден, 1995, с. 136 сл.; Тункина, 2002, с. 162 сл.; Власова, 2006; Виноградов, 2010а; Minns, 1913, p. 195–206; Rostowzew, 1931, S. 334–341; Gajdukevič, 1971, S. 283–289; Pfrommer, 1990, S. 283–284; Fless, Lorenz, 2005a, S. 23–25; 2005b, S. 62–68]. Как известно, во время раскопок в кургане был открыт неразграбленный каменный склеп с уступчатым перекрытием (см. главу 2.3); под плитами его пола грабителями было обнаружено ещё одно, более раннее погребение.

1. *Ранний комплекс Куль-Обы* [см.: Дюбрюкс, 2010а, с. 186–190]. Из него происходят любопытнейшие предметы греко-скифской торевтики, в первую очередь, знаменитая золотая бляха в форме лежащего оленя с изображением на его тулове грифона, зайца, льва и собаки [рис. 39; см.: Артамонов, 1966, с. 62; 1968, с. 9 сл.]. М.И. Артамонов возражал против разделения инвентаря Куль-Обы на две разные хронологические группы [Артамонов, 1966, с. 66], однако такое разделение возможно. А.Ю. Алексеев считает раннее погребение Куль-Обы синхронным Солохе, то есть относит его к концу V в. до н.э., или 400–370 гг. до н.э. [Алексеев, 1992, с. 148, 156, прим. 1; 2003, с. 262; ср.: Бидзиля, Полин, 2012, с. 518]. Золотая бляха в виде оленя датируется сейчас ещё более ранним временем – первой половиной V в. до н.э. [Королькова (Чежина), Алексеев, 1994, с. 106–108]. Исходя из этого, следует полагать, что каменный склеп был возведён на месте более раннего захоронения, которое, вероятнее всего, принадлежало какому-то знатному скифу, возможно, связанному родственными узами с погребённым в склепе.

2. *Основной комплекс Куль-Обы* (рис. 40–41) представлял собой каменный склеп (4,62 × 4,27, высота – 5,33 м; площадь склепа достигает 19,70 м, что несколько превосходит гробницу Царского кургана); свод, сложенный на четыре стороны, состоял из восьми уступов. Короткий дромос вёл в погребальную камеру с севера, он тоже имел уступчатое перекрытие. Дромос примыкал к склепу не в его центральной части, а был сильно смещён к западу. В склепе, как известно, находились три погребения («царь», «царица» и «конюх»). Исследователи редко обращают внимание, что царские захоронения были сделаны внутри устроенной в склепе деревянной конструкции [см.: Виноградов, 2010, с. 421].

Богатейший погребальный инвентарь, обнаруженный в склепе, к сожалению, не даёт надёжных оснований для точной датировки этого комплекса. Для драгоценных вещей (рис. 42), которые на основании имеющихся описаний связываются с каждым из погребений, почти невозможно предложить более-менее «узкую» дату. Из склепа происходит единственный надёжно датированный предмет – фасосская амфора с клеймом мастера Аретона. Впервые она была специально изучена И.Б. Брашинским, который датировал её последней четвертью IV в. до н.э. [Брашинский, 1965, с. 104; 1975, с. 36 сл.]. Фасосские клейма, подобные оттиснутому на ручке этой амфоры, пусть не очень широко, но известны по другим находкам [см.: Виноградов Ю.Г., 1972, с. 52; Von, Von, 1957, p. 115, no. 247]. М. Дебидур датирует их в пределах

345–335 гг. до н.э. [Debidur, 1986, p. 330], В.И. Кац относит деятельность мастера Аретона приблизительно к 333 г. до н.э. [Кац, 2007, с. 415-416]. С.Ю. Монахов относит амфору из Куль-Обы к 30-м гг. IV в. до н.э. [Монахов, 2003, с. 70], что представляется вполне реалистичным. Однако датировать этим временем весь комплекс, что делают некоторые исследователи, вряд ли допустимо. Дело в том, что, как уже говорилось, в склепе были сделаны три погребения. Крайне сомнительно при этом, что все они были совершены одновременно [Власова, 2005, с. 63-64; 2006, с. 51], а фасосскую амфору, в принципе, могли поместить в склепе во время совершения любой из трёх погребальных церемоний. В таком случае уступчатый склеп Куль-Обы будет правильнее датировать в пределах второй половины IV в. до н.э. [Алексеев, 2003, с. 229; Alekseev, 2005, p. 46-47; ср.: Бидзиля, Полин, 2012, с. 535].

Никто из исследователей не сомневался и не сомневается в том, что главное погребение в Куль-Обе относится к самому высокому социальному разряду, который вполне можно считать царским. Некоторые учёные не ограничились общими рассуждениями о знатности погребённого в Куль-Обе скифа, но попытались конкретизировать свою точку зрения. М.И. Ростовцев в связи с этим отмечал, что курган принадлежал крымскому скифскому вождю, являвшемуся вассалом царя Великой Скифии. Этот вождь, подобно Скилу из рассказа Геродота (*Herod. IV. 78-79*), любил проводить свои дни в богатом и гостеприимном греческом городе. Он имел регулярные деловые связи с тиранами Пантикапея, проникся обаянием греческой культуры и после смерти был похоронен в своем любимом месте [Rostowzeff, 1922, p. 110].

В.Ф. Гайдукевич несколько уточнил эту гипотезу, предположив, что Куль-Оба была усыпальницей некоего скифского номарха [Гайдукевич, 1949, с. 275-276]. Из рассказа Геродота известно, что земли, подвластные кочевым скифам, делились на ряд округов, во главе каждого из них стоял номарх (*Herod. IV. 62, 66*). По мысли исследователя, знатный скиф, погребённый в кургане, был номархом крымских степей, прилегавших к границам Боспорского царства.

В.Д. Блаватский нарисовал более драматичную картину. По его мнению, в Куль-Обе нашёл упокоение царь одной из скифских племенных групп, лишённый власти, Атеем, и вынужденный эмигрировать на Боспор [Блаватский, 1950, с. 40]. А.Ю. Алексеев, напротив, считает, что этого царя никто власти не лишал. Он предположил, что Куль-Оба могла принадлежать одному из анонимных скифских царей, о военном конфликте которого с боспорским царём Перисадам I, происшедшем незадолго до 328 г. до н.э., рассказал в своей речи против Формиона афинский оратор Демосфен (*Dem. 34. 8*), это так называемый «Аноним 1» [Алексеев, 1996, с. 101; 2003, с. 230, табл. 10; Alekseev, 2005, p. 47]. В концепции А.Ю. Алексеева смущает лишь то, что скифский царь был похоронен на Боспоре. Несколько утрируя ситуацию, можно было бы предположить, что в конфликте с Перисадамом наряду с другими своими интересами он отстаивал право на погребение в боспорских владениях.

Рассуждения такого рода, разумеется, вполне допустимы даже в самых строгих научных построениях, однако степень их исторической достоверности низка.

Ясно лишь одно – в Куль-Обе было совершено погребение очень знатного скифа, явно принадлежавшего к царскому роду. Обнаруженные здесь драгоценные вещи для любого непредвзятого человека демонстрируют удивительную близость Боспора и Скифии (рис. 41), переплетение их исторических судеб во второй половине IV в. до н.э.

3. Так называемый «курган Ашика» был раскопан А.Б. Ашиком под Керчью в 1838 г. [Виноградов, 2004а]. Здесь был открыт каменный склеп, о типе и размерах которого автор этого открытия ничего нам не поведал. Известно, однако, что в нём находилось погребение воина. У его ног были обнаружены бронзовые поножи (рис. 43, 2), бронзовый шлем и остродонная амфора. Около груди располагался пластинчатый панцирь (рис. 43, 3), меч и множество бронзовых наконечников стрел (рис. 43, 1). У головы стояла ещё одна остродонная амфора с бронзовым черпаком. Обе амфоры оказались фасосскими, обе имеют клейма [Лабро(с)/Дамас(тес) и Лабро(с)/Бион(тос)]. И. Гарлан отнёс эти клейма к группе В, датировав её в очень узких пределах 390–380 гг. до н.э. [Garlan, 1999, p. 112, 123, 141, 142, pl. I, 141, 4, pl. II, 142, 14]. Датировка В.И. Каца почти не отличается от предложенной И. Гарланом, он атрибутировал их в диапазоне 90-х – середины 80-х гг. IV в. до н.э. [Кац, 2007, с. 414, группа А]. Находки данных амфор позволяют считать, что погребение, открытое А.Б. Ашиком, было совершено в конце первой четверти IV в. до н.э. [Виноградов, 2004а, с. 51].

Погребальный инвентарь, происходящий из «кургана Ашика», чрезвычайно любопытен. Обнаруженный здесь шлем [см.: Виноградов, 2004а, с. 52, рис. 1, 1; Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 84, рис. 41, 1], по выражению Б.З. Рабиновича, «поражает крайней простотой формы» [Рабинович, 1941, с. 166; ср.: Мелюкова, 1964, с. 17; Черненко, 1968, с. 95], и это действительно так. М.В. Горелик предположил, что он был сделан в скифской среде из греческого металлолома [Горелик, 1993, с. 340-341, табл. LXII, 39]. Бронзовые поножи интересны в другом отношении – их отличает пышная орнаментация в виде головы горгоны Медузы, бородатых змей и пр. [рис. 43, 2; см.: Мелюкова, 1964, табл. 16, 9²²; 1989, с. 95; Галанина, 1965, с. 17-18; Черненко, 1968, с. 116]. В отечественной научной литературе эти поножи обычно датируют IV в. до н.э., но на самом деле они принадлежат к гораздо более раннему времени. Подобные пышно орнаментированные кнemiды Э. Кунце отнёс к позднеархаической группе, датировав её в пределах конца второй четверти VI – рубежа VI–V вв. до н.э. [Kunze, 1991, S. 68]. Э. Ярва датирует эти кнemiды приблизительно 540-ми гг. до н.э. [Jarva, 1995, p. 94]. Вполне возможно, что датировка Э. Ярва окажется несколько заниженной, но керченские кнemiды из «кургана Ашика» являются безусловно архаическими. Более того, они являются самой ранней деталью греческого защитного вооружения из обнаруженных не только в этом комплексе, но и на

²² А.И. Мелюкова ошибочно отнесла эти поножи к находкам из кургана на землях Мирзы Кекуватского.

Боспоре, и вообще во всём Северном Причерноморье. Находка столь ранней вещи в сравнительно позднем контексте вряд ли должна смущать, поскольку ценные металлические изделия, к каковым, безусловно, относятся предметы вооружения (шлемы, поножи и т.д.), могли храниться очень долго, передаваясь от одного владельца к другому. Нетрудно представить, что некий варварский, скорее всего, скифский вождь получил эти великолепные поножи за свои заслуги перед жителями Пантикапея.

4. *Курган Патиниоти* топографически очень близок к Куль-Обе. Он был грабительски раскопан в 1821 г., и инвентарь его оказался расхищенным [см.: Vlamberg, 1822; Сансе, 1889, с. 78 сл.; Ростовцев, 1925, с. 386 сл.; Яковенко, 1974, с. 65; Тункина, 2001; 2002, с. 547 сл.]. Курган был насыпан над каменной гробницей сравнительно небольшой площади – 5 кв. аршин (порядка 2,5 кв. м); в ней находился деревянный саркофаг с телом усопшего. М.И. Ростовцев определил этот курган как «более бедный двойник Куль-Обы» [Ростовцев, 1926, с. 387], и на то у него были все основания. Сохранившиеся рисунки находок (рис. 44) позволяют считать, что, несмотря на сравнительную скромность обнаруженных здесь вещей, они имеют явные переклички с куль-обскими: золотая гривна, украшенная на концах львиными головками, круглодонный серебряный сосудик с изображением водоплавающих птиц (рис. 44, б), большой бронзовый котёл. Гераклеяская амфора с клеймом (ΕΥΑΡΧΟ/ΑΡΙΣΤΟΝ), происходящая из погребения [см.: Яковенко, 1974, с. 66, рис. 26; Дюбрюкс, 2010б, с. 82-83, рис. 190, 191, 193], позволила И.Б. Брашинскому датировать этот комплекс временем около середины IV в. до н.э. [Брашинский, 1965, с. 105]. Современные исследования гераклеяских амфорных клейм позволяют уточнить эту датировку [см.: Павличенко, 1992; Кац, 2007, с. 236–241; Pavličenko, 1999, p. 15]. С.Ю. Монахов относит амфоры магистрата Аристана к 375 г. до н.э. [Монахов, 1999, с. 631], курган Патиниоти, соответственно, сейчас датируют приблизительно 370 г. до н.э. [Алексеев, 2003, с. 262; Бидзиля, Полин, 2012, с. 518]. Высказанная точка зрения, что это погребение было совершено в III в. до н.э. [Масленников, 1981, с. 82; Pfrommer, 1990, S. 283], явно ошибочна. Она основывается на том, что в описаниях находок из кургана названы достаточно поздние монеты, в том числе относящиеся ко времени боспорского царя Левкона II. Надо признать, что монетные находки выглядят здесь как своего рода искусственная добавка, поэтому М.И. Ростовцев заключил, что «монеты присоединены были к вещам погребения произвольно и в погребении найдены не были» [Ростовцев, 1925, с. 387]. Это заключение представляется абсолютно справедливым [см.: Тункина, 2001, с. 282]. Отмеченное сходство кургана Патиниоти и Куль-Обы позволяет сделать заключение, что и этот погребальный комплекс можно рассматривать как скифский.

Среди комплексов *некрополя Юз-Оба* особый интерес представляют два: курган на землях Мирзы Кекуватского и Змеиный.

5. *Курган на землях Мирзы Кекуватского* располагался в западной части некрополя. Он был раскопан А.Б. Ашиком в 1838-39 гг. [см.: ДБК, I, с. IV, XIX; Ростовцев, 1925, с. 192 сл.; Артамонов, 1966, с. 66; Уильямс, Огден, 1995, с. 164 сл.], а в 1888-

1889 г. на этом же памятнике, как представляется, были предприняты исследования А.А. Бобринского [ОАК за 1882-1888, с. ССIV; 1889, с. 11 сл.; Виноградов, 2012б; Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 97 сл.; см. также главу 2.4]. Под курганной насыпью был открыт каменный склеп с ложным циркульным сводом (рис. 31), в котором на помосте стоял саркофаг. В саркофаге был погребён воин с золотым венком на голове, в обеих его руках находилось по пучку стрел; в ногах были положены халкидский бронзовый шлем [Алексинский, 2013, с. 57-58], поножи и меч с обложенной золотом рукоятью. По находкам остродонной амфоры и расписной пелики «мастера Марсия», которую К. Шефольд датировал приблизительно 370 г. до н.э. [Schefold, 1934. S. 71], а сейчас определяют как несколько более позднюю, относящуюся ко времени не ранее 360 г. [Уильямс, Огден, 1995, с. 164; Petrakova, 2012, p. 167], комплекс можно датировать серединой IV в. до н.э. [Яковенко, 1974, с. 65; Виноградов, 2012б, с. 47]. Этот памятник, конечно, нельзя признать варварским. Он выглядит как вполне типичный погребальный памятник высшего слоя боспорской аристократии IV в. до н.э., но обилие оружия позволяет считать, что варварское влияние здесь всё-таки имело место.

6. *Змеиный курган* расположен в западной части Юз-Обы, раскопки на нём были предприняты А.Б. Ашиком [Ашик, 1848, с. 42, § 32; Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 93]. Этому археологу удалось открыть каменный склеп, в котором находился деревянный саркофаг с останками усопшего. В его ногах стояла прекрасная краснофигурная ваза. Никаких варварских особенностей обряда здесь как будто зафиксировано не было.

В 1883 и 1885 г. на Змеином кургане провёл исследования Н.П. Кондаков [ОАК за 1882–1888, с. XXXI-XXXII, LXXXIII-LXXXIV; Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 94–97]. Под насыпью кургана между двумя выступами природной скалы этот исследователь обнаружил два человеческих костяка, лежащих один на другом. При них была найдена чашечка из грубой глины и обломок железного ножа. Н.П. Кондаков посчитал это погребение рабским. Под насыпью был исследован также «жжёный точёк», т.е. место тризны, на котором было найдено большое количество костей животных, разбитых остродонных амфор и небольших чернолаковых сосудов. В специально вырытых ямках были размещены краснофигурные вазы [Petrakova, 2012, p. 157], а между камнями, поставленными вертикально, – небольшой лекиф афинского мастера Ксенофанта, украшенный рельефными изображениями [Передольская, 1945, с. 56 сл., табл. V-VI; Виноградов, 2007б, с. 8, фото; Petrakova, 2012, p. 158, fig. 9a], а также небольшая ойнохоя с таким же орнаментом [Petrakova, 2012, p. 158, fig. 9b].

Со Змеиным курганом на страницах научной литературы связано немало путаницы. Первым высказал мысль М.И. Ростовцев, что А.А. Бобринский в 1889 г. провёл раскопки именно на нём, а не на расположенном несколько западнее кургане Мирзы Кекуватского [Ростовцев, 1913-14, с. 106]. Такая точка зрения не подтверждена какими-либо архивными документами, но её поддержал К.Э. Гриневиц. Этот

исследователь, в свою очередь, обратил внимание на некоторые несовпадения в описаниях кургана (весьма несущественные, на наш взгляд), составленных А.Б. Ашиком и Н.П. Кондаковым, и на этом основании пришёл к заключению, что они раскапывали разные курганы, которые он обозначил как Первый Змеиный и Второй Змеиный [Гриневич, 1952, с. 144-145]. Первый, по его мнению, раскапывал А.Б. Ашик, а второй – Н.П. Кондаков и А.А. Бобринский. Данное умозаключение было воспринято очень некритично, и в научной литературе утвердилось мнение о двух Змеиных курганах [Цветева, 1957, с. 240; Яковенко, 1974, с. 66; Масленников, 1981, с. 54-55; Виноградов, 2005а, с. 271; 2010в, с. 529], хотя на самом деле оно абсолютно безосновательно и только запутывает и без того запутанную картину, связанную с изучением некрополя Юз-Оба [Федосеев, 2005, с. 411; Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 97].

Почти нет сомнения, что археологи под Керчью раскапывали один Змеиный курган. Погребение в склепе, как уже было сказано, носит вполне греческий облик, в нём нет ни оружия, ни погребений коней. Два костяка, открытые под насыпью кургана, однако можно связывать с человеческими жертвоприношениями, совершёнными перед сооружением кургана, а это придает всему памятнику очень необычный, уникальный для Боспора колорит, который вряд ли можно считать эллинским.

Для датировки Змеиного кургана важное значение имеет краснофигурная пелика, происходящая из склепа [ARV², р. 1482; ДБК, рис. LXIII, 1, 2, 3], которая была произведена несколько ранее середины IV в. до н.э. [Schefold, 1934, S. 70, № 366; Сокольский, 1969, с. 35]. Что касается находок амфорных клейм из тризны кургана, то Ю.Г. Виноградов датировал их в пределах 400–370 гг. до н.э. [Виноградов, 1972, с. 45].

Расписной лекиф Ксенофанта, найденный в той же тризне, заслуживает особого внимания. А.А. Передольская относила этот сосуд к началу IV в. до н.э. [Передольская, 1945, с. 54]. На основании этой находки Змеиный курган обычно датировали IV в. до н.э. [Цветева, 1957, с. 240; Яковенко, 1974, с. 66]. Любопытно, что среди находок художественной керамики на Боспоре нет других греческих ваз, которым бы на страницах научных изданий уделялось такое большое внимание, как вазам Ксенофанта, в особенности знаменитому большому лекифу [см.: Передольская, 1945, с. 47 сл.; Виноградов, 2006б; 2007б]. К. Шефольд датировал его около 380 г. до н.э. [Schefold, 1934, S. 70], М. Тивериос – 390-380 гг. до н.э. [Tiverios, 1997, S. 279], М.В. Скржинская признаёт, что сосуды Ксенофанта ввозились на Боспор в первой четверти IV в. до н.э. [Скржинская, 1999, с. 130]. Суммируя всё сказанное, можно признать, что погребение в Змеином кургане было совершено во второй четверти IV в. до н.э., вероятно, ближе к её началу [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 96].

7. *Старший (№ 1) Трёхбратний курган* [Кирилин, 1968, с. 178; Трёхбратние курганы, 2008, с. 15 сл.]. Курганная группа Три Брата расположена в глубине Керченского полуострова, территориально она ближе к Нимфею, чем к Пантикапею, однако эта близость весьма относительна. Сходство погребального обряда с обрядом более ранних нимфейских курганов, о чем пишут некоторые исследователи [Кирилин,

1968, с. 178; Яковенко, 1974, с. 70], также весьма сомнительно. Тем более нет особых оснований вслед за А.А. Масленниковым предполагать, что здесь были погребены потомки вождей, чьи курганы насыпались под Нимфеем в V в. до н.э. [Масленников, 1981, с. 56]. Трёхбратние курганы, хотя и сравнительно богатые, но в целом типичные памятники скифской культуры на Керченском полуострове.

Старший (№ 1) курган являлся самым крупным в группе: высота – 8,6 м, диаметр – 45,6 м. В нём был обнаружен наиболее значительный погребальный комплекс – *гробница эллинизированной скифянки* [Кирилин, 1968, с. 178 сл.; Бессонова, Кирилин, 1977, с. 128 сл.; ср.: Бессонова, 1973, с. 243 сл.]. Каменный склеп состоял из погребальной камеры (2,55 × 1,70 м, высота – 2,70 м) и ведущего к ней короткого дромоса. Перекрытие камеры состояло из четырёх уступов, сложенных на две стороны. Около её северной стены, на специально сделанном каменном помосте, находились два женских костяка: взрослой женщины и девочки. Первая из них имела богатый погребальный убор: золотой калаф, серьги в виде сфинксов, спиралевидные браслеты и т.д. Особенности этих находок позволяют считать, что она исполняла обязанности жрицы (см. также главу 5.5). Погребение, как представляется, относится к последней трети IV в. до н.э. [Трейстер, 2008, с. 145; но ср.: Бидзиля, Полин, 2012, с. 548; Pfrommer, 1990, S. 288-289, FK 126].

В насыпи этого кургана была сделана специальная площадка, на которой установлен большой известковый рельеф с изображением женской фигуры и квадриги с возницей [см.: Бессонова, Кирилин, 1977; Савостина, 1995; Трёхбратние курганы, 2008, с. 131 сл.; Вертиенко, 2013].

Погребение знатной женщины, как представляется, было совершено на землях, которые принадлежали ей или, скорей, её фамилии. В принципе, этот комплекс имеет большое значение для понимания особенностей территориальной организации Боспорского царства, роли выходцев из местной аристократической среды в системе крупного землевладения IV в. до н.э.

8. *Средний Трёхбратний курган* [Кирилин, 1968, с. 178; Бессонова, 1973, с. 243, прим. 1; Трёхбратние курганы, 2008, с. 40-41; Бидзиля, Полин, 2012, с. 525]. Высота этого кургана – 6,7 м, диаметр – 42,5 м. В насыпи было зафиксировано конское захоронение. Основное погребение было совершено в каменном уступчатом склепе, оказавшемся ограбленным и сильно разрушенным. Его внутренние размеры – 2,24 × 1,23 м. По сохранившимся остаткам погребального инвентаря склеп можно датировать второй четвертью IV в. до н.э. [Бидзиля, Полин, 2012, с. 525].

В кургане были сделаны два впускных погребения, одно из которых (гробница № 3) сохранилось полностью [Бессонова, 1973; Трёхбратние курганы, 2008, с. 41 сл., 61 сл.]. Это был каменный ящик, внутри которого находился деревянный саркофаг с двумя костяками. Среди находок, сделанных в гробнице, выделим хорошо сохранившийся деревянный лук [Бессонова, 1973, с. 250, рис. 6; Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 19–21, рис. 5]. Комплекс датируется второй половиной IV в. до н.э.

К рассматриваемой группе археологических памятников обычно относят ещё

один – погребение № 83 на Темир-Горе. Эта кремация с довольно богатым набором инвентаря была исследована в 1869 г. [рис. 45; ОАК за 1869 г., с. XII-XIII; Виноградов, 2012а, с. 121]. Из неё происходят очень ценные ювелирные изделия, в том числе бронзовый, обложенный золотом браслет, украшенный львиными головками на концах (рис. 45, 3), часть золотого ожерелья с подвесками в виде желудей, другие мелкие золотые предметы, два перстня с резными украшениями (рис. 45, 1-2) и т.д. [см.: Кузнецова, 2002, с. 80, 82, 86–88; Виноградов, 2012а, с. 121, 129, рис. 50]. Э.В. Яковенко интерпретировала этот комплекс как погребение скифской царицы и датировала его концом V в. до н.э. на основании происходящего из него фрагмента аттического краснофигурного кратера «мастера Пенелопы» [Яковенко, 1977, с. 143]. Этот памятник, однако, более оправданно относить к концу V – началу IV вв. до н.э. [Виноградов, 2001а, с. 80; 2005а, с. 249; Кузнецова, 2002, с. 88]. Интерпретация его как погребения скифской царицы тоже вызывает большие сомнения. Собственно говоря, из всего набора находок к скифской культуре можно относить лишь золотой браслет с львиными головками на концах, который по классификации В.Г. Петренко относится к отделу VI [см.: Петренко, 1978, с. 46, 123, табл. 35, 2, 2а]. Этот предмет, однако, был изготовлен в греческой мастерской и вполне мог находиться в собственности у какой-нибудь знатной гречанки. По набору вещей погребение на Темир-Горе мало чем отличается от каменной гробницы, открытой в некрополе Пантикапее в 1854 г. [Уильямс, Огден, 1995, с. 152–158], в которой была найдена пара серебряных браслетов, украшенных золотыми львиными головками на концах [Там же, с. 156-157, кат. 96]. На наш взгляд, погребение № 83 лучше исключить из числа погребальных памятников Боспора с варварскими чертами. Таким образом, в Восточном Крыму в обозначенную группу IV в. до н.э. входят Куль-Оба (два комплекса), курганы Патиниоти, «Ашика», на землях Мирзы Кекуватского, Змеиный и два Трёхбратних – всего восемь памятников.

В высшей степени показательно также, что курганы с варварскими чертами обряда IV в. до н.э., расположенные на европейской стороне Боспора, в своём большинстве сосредоточены в окрестностях Пантикапея. При этом здесь даже можно выделить две небольшие группы. Первая – к западу от Пантикапея (Куль-Оба, Патиниоти), к ней тяготеет и курган у с. Баксы, хотя он отделён от двух названных территориально и принадлежит к иной социальной группе. Эти курганы по существу располагаются на старом скифском пути к переправам через пролив [см.: Вахтина, Виноградов, Рогов, 1980; Виноградов, 2005а, с. 214 сл.; 2009б, с. 68 сл.], на месте, овеянном традициями былых легендарных времён, воспоминания о которых, надо думать, ещё сохранились. Особенно близко к месту переправ расположен курган у села Баксы (см. главу 2.5). С вершины высокого холма, на котором он был насыпан, открывается прекрасный вид почти на всю акваторию Керченского пролива и на азиатскую сторону Боспора. Конечно, возведение курганов на этом месте имело большое символическое и, как можно полагать, сакральное значение. Не удивительно, что в двух из этих курганов (Куль-Оба и Патиниоти) скифские черты выступают очень отчётливо.

Вторая группа – это курганы, входящие в некрополь боспорской знати Юз-Оба (Змеиный, курган Мирзы Кекуватского, стоит отметить и Острый). Два из названных памятников (Змеиный и Мирзы Кекуватского) в сравнении с первой группой более скромны по инвентарю и обряду, в них более рельефно выступают черты эллинизации. Последние приглушили местные особенности обряда до такой степени, что об этносе погребённых здесь судить очень трудно, хотя все же можно считать, что названные комплексы имеют скифские черты: оружие кургана Мирзы Кекуватского, человеческое жертвоприношение Змеинового. Грандиозная катакомба Острого кургана здесь, конечно, тоже очень показательна, но она была полностью ограблена, и о характере находившегося в ней инвентаря мы не имеем возможности судить. К тому же этот памятник, на наш взгляд, следует рассматривать как погребение боспорского царя Левкона I (см. главу 2.5).

Ещё раз подчеркнём, что все перечисленные памятники давно и, в общем, хорошо известны. Разумеется, число курганов с варварскими чертами обряда было гораздо большим, многие из них просто не сохранились. По подсчетам Г.А. Цветаевой те или иные черты местного обряда прослеживаются в 1/4 всех курганных комплексов некрополя Пантикапея рассматриваемого времени [Цветаева, 1957, с. 243], но отдельные черты, разумеется, не могут говорить о варварской принадлежности погребённого.

На азиатской стороне Боспора курганы с местными чертами обряда, относящиеся к IV в. до н.э., не столь монументальны, как на европейской, но достаточно многочисленны и чрезвычайно показательны. В общем, можно насчитать семь таких памятников.

9. По всей видимости, к этому времени относится *сырцовая гробница в кургане № 1, исследованном под Фанагорией в 1852 г.* В ней были открыты два довольно богатых погребения (мужское и женское), а также гробница с захоронениями четырёх коней [Гёрц, 1898б, с. 81 сл.; Ростовцев, 1925, с. 349 сл.]. Мужчина был облачён в железный панцирь «с медными связями в виде листков». При нём находилось «множество стрел, медных более ста и железных до сорока»; слева лежали обломки меча и копьё [Гёрц, 1898б, с. 81]. Обряд погребения и устройство гробницы напоминает комплексы Семибратних курганов [см. главу 3.2]. Вполне возможно, что этот погребальный комплекс синхронен с наиболее поздними из них, т.е. датируется в пределах первой четверти IV в. до н.э. [Горнчаровский, 2013, с. 168–171; 2014, с. 573].

10. *Гробница, открытая около хутора Пивнева в 1870 г.* [ОАК за 1870-71, с. XV; Виноградов, 2012а, с. 103]. Она принадлежала воину. Из описания известно, что это была каменная гробница, «покрытая лубком и толстым слоем морской травы». Усопший был положен в деревянный гроб, который был раскрашен и местами сохранил позолоту. В его изголовье стояла расписная ваза с изображением сцены похищения Европы. С левой стороны находились поножи, копьё, меч, колчан со стрелами, имевшими бронзовые наконечники, и точильный брусок. Справа лежали копьё, стригиль и алабастр. На голову был надет «бронзовый позолоченный венчик»,

во рту находилась окислившаяся серебряная монета, а левую руку украшал золотой перстень с изображением грифона «с петушьим хвостом и на петушьих ногах». Это в высшей степени любопытное открытие было сделано В.Г. Тизенгаузенем. Выявленное здесь смешение греческих и варварских черт в погребальном обряде и инвентаре настолько необычно, что невольно возникает сомнение в том, насколько правильно исследователь провёл фиксацию открытого им объекта [Виноградов, 2012а, с. 103]²³. Есть все основания считать, что археология для В.Г. Тизенгаузена не была настоящей наукой, она сводилась лишь к раскопкам и доставлению находок в археологическую комиссию [Тихонов, 2007, с. 240], однако в данном случае ошибки, скорее всего, не было, поскольку имеется ещё один подобный комплекс, пусть не столь богатый.

11. *Земляная гробница, открытая в 1855 г. под Фанагорией* [Гёрц, 1898б, с. 145-146]. В ней было сделано захоронение воина, в ногах которого была поставлена остродонная амфора, а рядом с ней находилась тонкая чернолаковая чаша с двумя ручками. С левого бока воина был положен колчан, наполненный стрелами с бронзовыми и железными наконечниками; от правого бедра к левой руке лежал широкий меч. С левой стороны были уложены три копья. В правой руке находились стригиль и «медная ложка» (очевидно, киаф). В могиле было обнаружено также более 30 штук игральные кости. Точная хронологическая атрибуция этой земляной гробницы, как и погребения, открытого В.Г. Тизенгаузенем, сейчас невозможна, но датировка их в пределах IV в. до н.э. вряд ли может вызывать сомнения.

Другие памятники подобного рода на азиатской стороне более грандиозны и, естественно, известны гораздо лучше, но и они изучены ещё далеко не в достаточной степени – это Малая и Большая Близницы. Курганы расположены в глубине Таманского полуострова вдали от греческих городов, что представляет немалый интерес для их должной интерпретации.

12. *Малая Близница*. Курган не был таким уж маленьким, его первоначальная высота составляла около 13 м, что всего на 2 м уступает Близнице Большой [Виноградов, 2004б, с. 89-90; Власова, 2010, с. 229-232]. До недавнего времени было принято считать, что этот памятник является достаточно поздним. Н.П. Кондаков полагал, что он относится к III в. до н.э. [ОАК за 1882-1888, с. 74], а М.И. Ростовцев заключил, что в Малой Близнице не найдено ни единой находки, которая могла бы быть отнесена ко времени ранее конца III в. до н.э. [Ростовцев, 1925, с. 375]. Эту датировку никто не оспаривал, её принимал и автор этих строк [Виноградов, 2005а, с. 292]. Специальное изучение архивных материалов о раскопках этого кургана, однако, убеждает в том, что памятник относится к IV в. до н.э. и, вероятно, является более ранним, чем Большая Близница [Виноградов, 2004б].

Центральное захоронение здесь было открыто в 1882 г. под руководством

---

²³ Есть основания считать, что В.Г. Тизенгаузен к руководству археологическими раскопками в ряде случаев относился весьма небрежно, по существу отсутствовал на курганах во время проведения работ [Фармаковский, 1921, с. 10; Виноградов, 2012а, с. 102].

С.И. Веребрюсова [рис. 46; ОАК за 1882–1888, с. XVI сл.]. Оно было совершено в грунтовой яме (3,25 × 2,20 м, глубина – до 1,10 м). В верхней части могильного заполнения были зафиксированы остатки обгоревших дубовых обломков, а под ними – пласт древесного угля, золы, костей, черепков и т.д. Под этим слоем были обнаружены куски войлока и обломки перегоревших дубовых брусьев. Автор раскопок предполагал, что войлоком был перекрыт костёр, а поверх него был положен преданный сожжению труп [см.: Виноградов, 2004б, с. 96]. Кремация, обнаруженная в Малой Близнице, надо признать, для боспорских памятников очень необычна. Не исключено, что она имеет аналогии среди савроматских трупосожжений, где встречаются частичные кремации – тело покойного клалось на подстилку из раскалённых углей сброшенного в могилу погребального костра. Вообще засыпка могилы углями характерна для савроматов, в погребальном обряде которых огонь играл роль очистительной силы [Смирнов, 1964, с. 96-97], но подробнее об этом будет сказано ниже, когда речь пойдёт о кургане на мысе Ак-Бурун, раскопанном в 1875 г. (см. главу 2.7).

При раскопках могильной ямы, которая оказалась заполненной водой, был найден в высшей степени любопытный погребальный инвентарь: фрагментированный золотой оливковый венок (рис. 47, 4-5), часть золотой гривны, украшенной головками львов на концах, каменный оселок в золотой оправе (рис. 47, 10), перстень с обгоревшим камнем, на котором вырезано изображение кузнечика (рис. 47, 2), несколько золотых бляшек (рис. 47, 1, 3, 6, 8, 12) и др. Здесь была найдена также золотая «двурожковая вилочка» (рис. 47, 9), служившая неким фетишем и игравшая важную роль в погребальном культе ираноязычных племён региона [см.: Фиалко, Болтрик, 2000, с. 294]. Но самой любопытной находкой всего комплекса, безусловно, является золотая маска Афины в шлеме, укреплённая на железной изогнутой, сильно перегоревшей основе (рис. 47, 7). Она напоминает изображение Афины на золотых подвесках из Куль-Обы (рис. 42, 5). Весь этот комплекс, как представляется, принадлежит к первой половине IV в. до н.э. [Виноградов, 2004б, с. 102, 104; ср.: Власова, 2010, с. 231-232; Pfrommer, 1990, S. 269-274, FK 127-133].

Большая Близница – хрестоматийно известный боспорский памятник (см. также гл. 2.3; 5.5). Его высота достигала 15 м, а длина окружности составляла около 340 м. Как известно, здесь были обнаружены три женских захоронения (склеп № 1, гробницы № 4 и 5), одно мужское (склеп № 3) и одна разграбленная расписная гробница (склеп № 2), в которой, скорее всего, была погребена женщина [см.: Ростовцев, 1913-14, с. 10 сл.; 1925, с. 371 сл.; Гайдукевич, 1949, с. 284 сл.; Артамонов, 1966, с. 68 сл.; Уильямс, Огден, 1995, с. 180 сл., 184 сл., 267 сл.; Власова, 2010, с. 217 сл.; Виноградов, 2012а, с. 82–84, 183]. Уникальность этого кургана для Боспора заключается в том, что в нём совершали захоронения представительниц знатного боспорского рода, которые занимали видное положение в государстве, а женщины, что в особенности важно, выполняли функции жриц [Передольская, 1962, с. 46; Gajdukevič, 1971, S. 297 ff.]. Единой трактовки этих важнейших комплексов

пока не существует, но местные особенности культа в деталях погребального инвентаря проявляются здесь очень отчётливо [см.: Шауб, 1987, с. 27 сл.; 1999, с. 211, 215-216; 2007, с. 370 сл.].

Относительная хронология погребений Большой Близницы пока с должной основательностью не разработана, но, по всей видимости, они были совершены в течение довольно узкого промежутка времени, охватывающего не более трёх десятилетий [Ростовцев, 1925, с. 373; Pfrommer, 1990, S. 269-274, FK 127-133]. Выше уже было сказано, что немецкая исследовательница А. Шварцмайер, проделавшая специальное исследование всех комплексов кургана, пришла к заключению, что самым ранним здесь было так называемое погребение жрицы Деметры (гробница № 1), совершённое около 330 г. до н.э., все остальные, по её мнению, относятся к более позднему времени, вероятно, к началу III в. до н.э. [Schwarzmaier, 1996, S. 137]. Киевские исследователи В.И. Бидзиля и С.В. Полин, напротив, уверенно считают, что все погребения Большой Близницы следует датировать второй–третьей четвертями IV в. до н.э. [Бидзиля, Полин, 2012, с. 561].

Для того чтобы понять, кто из этих исследователей ближе подошёл к истине, попытаемся обратиться к находкам краснофигурных ваз, сделанных при раскопках кургана. Одна из основ современного представления о датировке этой керамики сводится к тому, что находки краснофигурной посуды очень слабо представлены в Александрии Египетской, основанной в 331 г. до н.э. На этом основании Дж. Бордмэн считает, что её производство в Афинах тогда прекратилось [Boardman, 2001, p. 105]. Именно это обстоятельство заставило киевских исследователей опустить датировку Большой Близницы столь низко. На самом деле такие вазы, скорее всего, некоторое время ещё изготавливались пусть не в таких масштабах, как прежде. Сохранились и кой-какие рынки их сбыта, в том числе и в Северном Причерноморье [Boardman, 2001, p. 106]. В общем, есть основания согласиться с М.И. Ростовцевым, считавшим, что краснофигурная керамика вышла из употребления только к концу IV в. до н.э. [Ростовцев, 1912, с. 149].

Исходя из этого, надо признать, что в рассуждениях всех названных исследователей есть свой смысл, но датировки А. Шварцмайер представляются более приемлемыми. В погребении, открытом в 1864 г. (склеп № 1), краснофигурная керамика была обнаружена, а значит, его мы можем с уверенностью отнести к IV в. до н.э. (конечно, ближе к его концу). В гробницах № 4 (1868 г.) и 5 (1883 г.) такая посуда тоже присутствует, и, скорее всего, эти захоронения были совершены ещё в IV в. до н.э. Склеп № 2, к сожалению, был ограблен, и о сделанных в нём находках мы ничего не знаем. В склепе № 3 краснофигурная керамика не зафиксирована, что, на наш взгляд, позволяет датировать его III в. до н.э. (см. главу 2.11, № 1), как, впрочем, и склеп № 2 (см. главу 2.9, № 1).

13. *Склеп № 1 Большой Близницы.* Эта каменная гробница с уступчатым перекрытием и коротким дромосом, открытая в 1864 г., находилась в западной части кургана [рис. 48; ОАК за 1864 г., с. V–VIII; Ростовцев, 1913-14, с. 10 сл.; Артамонов,

1966, с. 68–71; Савостина, 1986, с. 95, № 5; Уильямс, Огден, 1995, с. 184; Власова, 2010, с. 217 сл.]. Площадь её составляла всего 5 кв. аршин (около 2,5 кв. м), высота – 5 аршин (3,5 м). Дромос не имел перекрытия; его длина – 2,85 м, ширина – 2,50 м.

Гробница оказалась почти nepотревоженной: богатейшее женское захоронение содержало два набора украшений. К одному из них принадлежал золотой калаф, покрытый изображениями молодых варваров, сражающихся с грифонами (рис. 49, 1). К головному убору крепились две височные подвески в виде дисков с изображениями nereид, везущих Ахиллу доспехи (рис. 49, 4). Второй набор включал золотую стлениду, имитирующую пряди волнистых волос (рис. 49, 2); к ней крепились височные подвески меньшего размера (рис. 49, 3). На руки жрицы были надеты браслеты с фигурками прыгающих гривастых львиц (рис. 49, 5), при этом мастер, изготовивший их, явно подчеркивал двуполость этих существ – наличие грив и сосцов [Мачинский, 1978, с. 138; Калашник, 2014, с. 172-173]. Одежду украшало большое количество нашитых золотых бляшек.

Любопытно, что среди прочего инвентаря в гробнице были обнаружены четыре уздечных набора, в которые входили не только обычные бронзовые псалии, наносники (рис. 50, 1), лунницы (рис. 50, 2), колокольчики и пр., но и фалары с изображением сцен борьбы Посейдона с гигантами и греков с амазонками [рис. 50, 3-6; см.: ОАК за 1865 г., с. 164 сл.; Артамонов, 1966, с. 70, табл. 298; Трейстер, 2001; Власова, 2010, с. 227, рис. 62; Piotrovskiy, Galanina, Grach, 1986, pl. 200-201]. Следует непременно отметить, что на одном из фаларов в сцене амазономахии представлен воин с македонским щитом (рис. 50, 6; Трейстер, 2001, с. 248-249, 255-256, кат. 3). Такие щиты отличаются от аргосских круглых щитов отсутствием отогнутого края [Конноли, 2000, с. 70, 79; Трейстер, 2001, с. 248-249; Алексинский, 2013, с. 34-35]. Щит, представленный на фаларе из гробницы жрицы, украшен шестнадцатилучевой звездой. Мотив лучевой звезды был излюбленным у македонян и при этом часто использовался в царской среде [Трейстер, 2001, с. 249]. В более позднее время он получит достаточно широкое применение в произведениях боспорской торевтики (см. главу 2.7).

Выше было сказано, что А. Шварцмайер датирует эту гробницу приблизительно 330 г. до н.э. [Schwarzmaier, 1996, S. 137]. М. Пфроммер, однако, относит её к первой половине III в. до н.э. [Pfrommer, 1990, S. 270-271, FK 127], но эта датировка вряд ли реалистична.

Сразу следует обратить внимание, что украшение конской сбруи большими орнаментированными бляхами круглой формы является деталью нетипичной для классической скифской культуры, её распространение в Северном Причерноморье обычно связывается с влиянием мира восточных по отношению к Скифии кочевников, более определёнno – сарматов [Ростовцев, 1993, с. 44 сл.; Виноградов, 2006в; Pfrommer, 1993, p. 5; Mordvinceva, 2001].

14. *Каменная гробница № 4*, перекрытая каменными плитами, была открыта в Большой Близнице в 1868 г. [ОАК за 1868 г., с. V-VII; Ростовцев, 1913-14, с. 14;

Гайдукевич, 1949, с. 289-290; Артамонов, 1966, с. 71-72; Власова, 2010, с. 226-227]. Она была устроена в курганной насыпи, на высоте около 1,5 м от поверхности материка. Размеры гробницы по площади несколько превосходили склеп № 1 (3,1 × 1,6 м), высота её составляла 2,1 м.

Погребённая здесь женщина имела золотую стлениду и золотой калаф, хрестоматийно известную золотую пектораль с изображением различных животных, а также большое число других украшений. Из этого погребения происходит также любопытнейший набор терракотовых статуэток [Передольская, 1962]. М. Пфроммер датировал гробницу № 4 началом III в. до н.э. [Pfrommer, 1990, S. 273-274, FK 132], однако В.И. Пругло, рассмотревшая происходящие из неё керамические находки, достаточно убедительно показала, что она относится к концу IV или к концу IV – началу III вв. до н.э. [Пругло, 1974, с. 77].

15. *Каменная гробница № 5*, перекрытая деревянными брусьями, была обнаружена в этом кургане в 1883 г. [ОАК за 1882–1888 гг., с. XXVIII-XXIX; Ростовцев, 1913-14, с. 14; Гайдукевич, 1949, с. 291-292; Артамонов, 1966, с. 72-73; Уильямс, Огден, 1995, с. 180-183; Власова, 2010, с. 227-229]. В ней находился деревянный саркофаг, содержащий женское погребение (третье по счёту в Большой Близнице). Голову этой дамы украшал золотой венец и пара золотых серёг, на шею было надето золотое ожерелье, на руки – пара золотых браслетов. Среди прочих погребальных принадлежностей находилось 7 терракотовых статуэток и керамические сосуды: краснофигурная ваза и несколько лекифов, два из которых украшены изображениями женских (?) головок. М. Пфроммер датировал гробницу № 5 приблизительно 300 г., или же самым началом III в. до н.э. [Pfrommer, 1990, S. 274, FK 133], однако отмеченные выше находки краснофигурной керамики заставляют относить её к концу IV в. до н.э.

Подводя итог сказанному, необходимо обратить внимание, что в IV в. до н.э. распространение курганных комплексов с местными чертами обряда на Боспоре демонстрирует определённую закономерность. Почти все они сосредоточены в окрестностях двух столиц Боспора – Пантикапея и Фанагории. Правда, Большая и Малая Близницы находятся на довольно большом расстоянии от Фанагории, но всё-таки не очень далеко, к тому же они были возведены на холмистой гряде, ведущей к этому городу. На Керченском полуострове от столицы Боспора отдалены Трёхбратние курганы, но о возможных причинах такого положения было кратко сказано выше.

Десяток лет назад нами было высказано предположение, что большинство таких курганов находится на Европейском Боспоре, на Азиатском же они относительно немногочисленны [Виноградов, 2005а, с. 268–274]. Однако более полный учёт имеющихся данных, а также отнесение двух памятников керченской группы (курганы у с. Баксы и Острый) к категории погребений боспорских царей (см. главу 2.5) заставляют внести в эту гипотезу некоторые коррективы. Приходится признать, что на обеих сторонах пролива количество аристократических погребений с местными чертами приблизительно одинаково – восемь на европейской и семь на азиатской. Другое дело, что памятники с наиболее ярко выраженными варварскими особенно-

стями, при этом особенностями скифскими, находятся около Пантикапея: два комплекса Куль-Обы, курганы «Ашика» и Патиниоти. Основываясь на этом, можно с большой степенью вероятности констатировать, что для IV в. до н.э., если судить по курганным памятникам, ведущая роль во взаимоотношениях со Скифией принадлежала Европейскому Боспору. Все главные нити связей, ведущие в степи Северного Причерноморья, сходились в Пантикапее, и представители аристократии местных племён, связавшие свою жизнь с Боспором и принятые в состав боспорской элиты, предпочитали или, правильнее сказать, были вынуждены самой организацией государства селиться именно здесь. Логично считать, что «варварская подпитка» столичной элиты Боспора шла в это время из Скифии, о союзнических отношениях с которой было сказано выше.

На азиатской стороне показательных археологических памятников, свидетельствующих о связях со скифской степью, нет. В IV в. до н.э. здесь продолжало ощущаться влияние мира племён Прикубанья. Грандиозные комплексы Большой и Малой Близиц, как представляется, тяготеют именно к этому культурному кругу. Значительно более скромный курган № 1, раскопанный под Фанагорией в 1852 г., никак не противоречит такому пониманию. Другие названные выше погребения (гробница у хут. Пивнева и земляная гробница 1855 г.) демонстрируют столь необычное смешение греческих и варварских черт в обряде и наборе инвентаря, что об источнике этих варварских влияний вряд ли можно с уверенностью судить.

Некоторые элементы, характерные для культуры прикубанских племён, естественно, проникали и на европейский Боспор, к концу IV в. до н.э. они, как будто, даже стали усиливаться. В этом отношении следует указать на один из комплексов некрополя Юз-Оба – *Второй Малый курган*, в котором был обнаружен меч так называемого синдо-меотского типа [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 100, 134, рис. 79, б]. Эта находка, однако, является всего лишь одной деталью, хотя, на наш взгляд, весьма показательной.

Всё выше сказанное заставляет нас прийти к заключению, что ни в одном из названных здесь памятников мы не имеем полного набора признаков, совокупность которых позволила бы выделить «стопроцентные» погребения выходцев из варварской аристократической среды. Во всех случаях присутствуют детали, характерные для боспорской погребальной традиции. Даже в Куль-Обе, «скифство» которой признаётся почти всеми, захоронение было совершено в боспорском уступчатом склепе. Катакомба скифского типа, представленная в Остром кургане, в этом отношении, казалось бы, более показательна, но о «скифстве» этого кургана нельзя говорить даже в самом первом приближении. Лишь особенности устройства кургана, раскопанный под Фанагорией в 1852 г., позволяют считать, что сделанное в нём погребение в достаточной мере соответствует синдской традиции. В остальных случаях мы имеем лишь отдельные детали варварских культурных влияний, проявляющиеся в наличии оружия, погребений коней или конского снаряжения, некоторых типов украшений одежды и т.д. О.В. Шаров очень верно заметил, что «античная цивилизация всегда довлела

над любыми варварами» [Шаров, 2010, с. 282], и все названные выше боспорские памятники в той или иной степени подтверждают это заключение.

Расцвет культуры Боспора и, в частности, культуры боспорской аристократии в IV в. до н.э. был обязан двум важнейшим факторам. Первый из них – хлебная торговля со Средиземноморьем, обеспечивавшая поступление на берега пролива крупных материальных средств. Второй был теснейшим образом связан с союзническими отношениями Боспора с Великой Скифией. В подвижном, нестабильном мире северопрichernоморских варваров этот союз гарантировал стабильность военно-политической ситуации и нормальное функционирование всего экономического организма Боспорского государства, как, впрочем, и других греческих государств северного берега Понта. Этот союз и эти гарантии стабильности, однако, могли успешно осуществляться только во вполне определённой исторической ситуации. Выплески новых кочевых народов из глубин евразийских степей на запад грозили этой системе неминуемой гибелью. Важнейшее событие в истории региона приходится приблизительно на рубеж IV и III вв. до н.э., и связано оно с крушением Великой Скифии, основную причину этого следует искать в её внутреннем ослаблении, а также в продвижении на запад сарматских племён [см.: Виноградов, Марченко, Рогов, 1997; Алексеев, 2003, с. 251, 277].

2.7. Курган Ак-Бурун (1875 г.) как важный памятник времени крушения Великой Скифии

Среди памятников Ак-Бурунского мыса (северная оконечность Керченской бухты), входящего в состав некрополя боспорской знати Юз-Оба, курган, раскопанный в 1875 г., занимает очень важное место (см. также главы 1.7 и 5.5)²⁴. Он заслужил широкую известность благодаря происходящему отсюда «золотому шлему» с богатой растительной орнаментацией (рис. 51). Погребение сравнительно надёжно датировано двумя находками – панафинейской амфорой и золотым статером Александра Македонского. Панафинейская амфора принадлежит к 320/19 г. до н.э. [Максимова, 1961, с. 18; Bentz, 1998, S. 179, 227, Кат. 4, 114; Бутягин, Виноградов, 2014, с. 97-98, кат. 62]. Что касается золотого статера, то А.Н. Зограф относил его к посмертной чеканке великого завоевателя и датировал концом IV в. до н.э. [Зограф, 1945, с. 92-93; Бутягин, Виноградов, 2014, с. 74, кат. 29]. В отношении хронологической атрибуции он оказался прав, сейчас данную находку связывают с александровскими статерами, отчеканенными в Вавилоне в 317–311 гг. до н.э. [Price, 1991, p. 453]. Естественно, было бы очень любопытно знать, каким образом вавилонская монета попала на Боспор, но для нас важнее другое – две обозначенные находки позволяют считать, что курган был насыпан на мысе Ак-Бурун в конце IV в. или в самом начале III в. до н.э.

---

²⁴ О раскопках на мысе Ак-Бурун в 1875 г. см.: Виноградов, 2001в; Бутягин, Виноградов, 2014, с. 53–58.

Памятник не обойдён вниманием учёных, которые высказывали три гипотезы в отношении его этнической принадлежности – греческая [ОАК за 1876 г., с. 7, 113; Грач, Скуднова, 1963, с. 24; Minns, 1913, p. 390-391], скифская [Ростовцев, 1925, с. 388; Артамонов, 1966, с. 66; Яковенко, 1972, с. 267; Ольховский, 1982, с. 73, прим. 5; 1991, с. 140, 143; Rostowzew, 1931, S. 232, 344], сарматская [Толстой, Кондаков, 1889, с. 47; Цветаева, 1957, с. 242; 1968, с. 52; Масленников, 1981, с. 56]. Скифская гипотеза, как представляется, сейчас является самой востребованной, но более перспективно, на наш взгляд, рассматривать этот памятник в рамках меото-сарматских древностей [Бутягин, Виноградов, 2014, с. 99 сл.; см. также: Виноградов, 1993; 2005а, с. 292-294; 2010в, с. 531; Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 96-99; Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 117-122].

В кургане были обнаружены две кремации, одну из которых вполне можно считать женской, а другую – мужской. Последняя, расположенная в центре кургана, является основной. Обряд этого погребения, каковым он предстаёт на основании имеющихся описаний, очень своеобразен. Во-первых, данное богатое захоронение совершено не в склепе с уступчатым или «циркульным» сводом и даже не в гробнице, перекрытой каменными плитами, что, как было сказано выше, обычно для погребальных памятников боспорской аристократии этого времени и, в частности, в некрополе Юз-Оба [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 132]. Захоронение было совершено в обыкновенной грунтовой яме с широтной ориентацией, перекрытие которой состояло из кровельных черепиц. Во-вторых, здесь мы имеем дело с обрядом кремации, что само по себе любопытно, поскольку на Боспоре в IV–III вв. до н.э. трупосожжения весьма редки. В Юз-Обе они представлены, но не в очень большом количестве [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 132], а в некрополе Пантикапея, по подсчетам Г.А. Цветаевой, кремации составляют лишь 3 % от всего числа погребений [Цветаева, 1951, с. 69]. В-третьих, это трупосожжение для района Боспора Киммерийского в высшей степени необычно.

Погребальный инвентарь в могиле лежал на толстом слое древесного угля, по определению автора раскопок Ф.И. Гросса, в «распределённом порядке». Эта «распределённость» проявлялась в том, что ожерелье находилось на месте шеи, поясной крючок – у пояса, перстни – на месте кистей рук и т.д. Обозначенная особенность кремации отличает её от греческих трупосожжений, для которых характерно беспорядочное смешение вещевого материала с золой и углями погребального костра, а также с обгоревшими костями покойного. Таким предстаёт женское погребение Ак-Бурунского кургана 1875 г. [см.: Бутягин, Виноградов, 2014, с. 68 сл.]. Обряд, засвидетельствованный в центральной могиле, на наш взгляд, имеет сходство с некоторыми савроматскими кремациями Приуралья. Среди последних встречаются частичные трупосожжения, когда тело покойного клалось на подстилку из раскалённых углей сброшенного в могилу погребального костра, что, как представляется, вполне соответствует общему облику ак-бурунского комплекса. Более того, трупосожжения у савроматов Приуралья почти всегда совершались путём засыпки тела

умершего горячими углями, а поэтому в грунтовых могилах неоднократно удавалось проследить полное или частичное сохранение анатомического порядка обожжённых костяков [Смирнов, 1964, с. 97]. Кремации на обозначенной территории почти полностью исчезают только к началу новой эры [Смирнов, 1950, с. 102]. К.Ф. Смирнов связывал все эти особенности погребальной практики савроматов Приуралья (кострища сожжённых надмогильных сооружений, засыпка могил остатками костра, иногда с частичным обожжением тел покойников) с распространением здесь культа огня [Смирнов, 1973, с. 156; 1989, с. 165].

Черепичное перекрытие могилы имеет вполне эллинский облик, при этом характерный скорее не для элитной культуры, а для рядового населения Боспора. Наличие многих греческих вещей, в число которых входит даже такой весьма специфический для чисто греческих погребений предмет, как золотой венок [рис. 52, 6; Бутягин, Виноградов, 2014, с. 76-77, кат. 32], свидетельствуют о явной эллинизации погребённого. Обнаруженные в кремации звенья золотого ожерелья [рис. 52, 3; Бутягин, Виноградов, 2014, с. 74-76, кат. 30] на первый взгляд выглядят несколько странно в контексте мужского погребения. Однако, учитывая варварскую специфику этого комплекса, вполне можно признать, что ожерелье служило аналогом гривны, пример чего имеется в одном из Нимфейских курганов [Силантьева, 1959, с. 74; Артамонов, 1966, табл. 90].

Некоторые предметы, обнаруженные в этом погребении, связывают Ак-Бурун с меото-сарматским миром Прикубанья: два золотых полусферических колпачка [рис. 52, 7; Бутягин, Виноградов, 2014, с. 79-80, кат. 35, 36], шаровидные подвески-амулеты [Бутягин, Виноградов, 2014, с. 85, кат. 39, 40], золотой перстень с железной вставкой [рис. 52, 4; Бутягин, Виноградов, 2014, с. 80-81, кат. 37]. Комплекс вооружения, состоявший из железного шлема, железного пластинчатого панциря, бронзовых поножей, большого меча, ещё одного короткого меча или кинжала, двух копий, пяти дротиков и наконечников стрел с железными наконечниками связывают Ак-Бурун опять же с культурой населения Прикубанья [см.: Бутягин, Виноградов, 2014, с. 85 сл., кат. 41-49]. Поясной крючок в виде птички [рис. 51, 5; Бутягин, Виноградов, 2014, с. 78-79, кат. 34] попал сюда из Среднего Подонья, вероятно, через савромато-сарматский мир; показательно, что подобная находка обнаружена в Зеленском кургане [см.: Шкорпил, 1916, с. 25; см. также главу 2.11]. Такое смешение разнокультурных элементов в одном комплексе представляется очень показательным, связь его с эпохой кардинальных политических и демографических перемен в регионе, на наш взгляд, почти бесспорна. В высшей степени показательно при этом, что в комплексе погребения отсутствуют вещи, которые можно было бы связать с культурой скифской элиты (золотые нашивные бляшки, украшения в зверином стиле и т.д.), ранее весьма популярные на Боспоре.

Хронологически погребение в кургане Ак-Бурун очень близко событиям междоусобной борьбы сыновей Перисада I (310/9 г. до н.э.), о которой нам поведал Диодор Сицилийский (*Diod. XX. 22-24*). Тогда в результате разгоревшейся борьбы за пре-

стол к власти на Боспоре пришёл Евмел, опиравшийся, скорее всего, на поддержку сарматского племени сираков [см.: Десятчиков, 1977; Виноградов, 2003]. В этом отношении весьма вероятным представляется предположение В.Ф. Гайдукевича о том, что в Ак-Буруне был погребён один из варварских сподвижников Евмела [Gajdukevič, 1971, S. 142]. По мнению Е.А. Молева, этот комплекс позволяет говорить о переходе меото-сарматской знати на службу боспорским царям [Молев, 1994, с. 48], и с этим заключением следует полностью согласиться.

В отношении понимания статуса варварского вождя, нашедшего упокоение в Ак-Буруне, особое значение имеет знаменитый золотой «шлем» (рис. 51). Прежде всего, несомненно его сходство с большими золотыми «колпаками» из Ставропольского (Казинского) клада [Придик, 1914, с. 109, табл. VIII, 1-3; Королькова, 1995, с. 81, рис. 3, 4, с. 86-87], а также с парадным головным убором «в форме тиары», как тот определён А.А. Моруженко, найденным в кургане Передериева Могила в Донецкой области [Моруженко, 1992, с. 70–73]. Последний украшен рельефными изображениями, отражающими, по всей видимости, скифские мифологические или исторические предания.

Если принимать золотой «шлем» из Ак-Буруна как настоящий головной убор, то в Древней Греции подобные ему именовали пилосами [Ростовцев, Степанов, 1918, с. 94, прим. 1]. Любопытно при этом, что, согласно Лукиану Самосатскому, у скифов *пилофорами* (πιλοφόροι), т.е. носителями пилосов, именовали людей очень знатных, но не принадлежащих к царскому роду (*Luc. Scyth. 1*). К примеру, пилофорами были скифские мифологические мудрецы Анахарсис (*Luc. Anach. 16*) и Токсарис (*Luc. Scyth. 1*). Поскольку пилос был принадлежностью костюма слугителей Великой Матери – Кибелы, культ которой получил широкое распространение в Северном Причерноморье, то *пилофоров* считали представителями жречества – геродотовскими *энареями* [ВДИ, 1948, № 1, с. 428, прим. 3]²⁵. Однако чаще их трактуют как слой светской аристократии [см.: Хазанов, 1975, с. 181].

Лукиан – автор сравнительно поздний (II в. н.э.), и в его информации вполне могли отразиться сведения, характерные не только для скифской, но и для более поздней эпохи. Тем не менее, крупные золотые «колпаки», о которых говорилось выше (Ставропольский или Казинский клад, Передериева Могила), вместе с ак-бурунским «шлемом» вполне могут рассматриваться в качестве принадлежности особого слоя аристократии (не обязательно скифской), за которыми благодаря Лукиану сохранилось название *пилофоры*. Орнаментация «тиары» из Передериевой Могилы заставляет считать её наделённой несомненной религиозной, культовой символикой (не обязательно имеющей отношение к Кибеле). Совокупность находок Казинского клада тоже позволяет усматривать их связь с этой сферой. Иными словами, лукиановских *пилофоров* вряд ли следует считать исключительно светскими аристократами (см. также главу 5.5).

²⁶ Об энареях см.: Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с. 305–306.

Что касается орнаментации ак-бурунского «шлема», то её особенности позволяют относить этот предмет к продукции македонских мастеров, которые, возможно, в это время трудились на Боспоре [Roberts, 2009, p. 98; Бутягин, Виноградов, 2014, с. 83-84, 110]. «Шлем» украшен троекратно воспроизведённым цветком каллы в окружении волют. О.В. Шаров в одном из своих докладов, прочитанных в ИИМК РАН, отмечал, что эти волюты можно считать круто закрученными бараными рогами. В таком случае в соответствии с иранской традицией они символизируют «фарн», т.е. дарованную царю божественную благодать [см.: Топоров, 1988]. О.В. Шаров отметил также, что рога вошли во властную символику Александра Великого (рога Зевса-Аммона) после посещения им Египта [Romano, 1990, p. 85; см. также Дмитриев, 2013]. Есть основания считать, что македонский царь относился к этому символу достаточно серьёзно (*Athen. Deipn.* XII. 53), хотя его прижизненные изображения с таким атрибутом не известны.

Понятно, что для персидской аристократии разгром державы Александром мог объясняться лишь тем, что именно он, а не Дарий III, стал обладателем этой божественной благодати [Бертельс, 1948, с. 12-13]. Для них импульс, исходивший из Египта, в этом отношении был по-своему очень близок. Бараны рога были символом богоизбранности (фарна), а значит, мощи, военной доблести и, разумеется, магической силы. На ак-бурунском «шлеме» рога-волюты изображены три раза, т.е., как представляется, должны были свидетельствовать об особой мощи и доблести его обладателя. Из этих рогов-волют вырастают цветы каллы (арацеи), что, можно считать, ещё раз должно наглядным образом продемонстрировать идею, что обладание царской властью, как и всеми земными благами, и, надо думать, посмертное блаженное существование связаны только с обладанием фарном. Вся эта символика заставляет полагать, что вождь, погребённый в кургане на мысе Ак-Бурун, был не только военным и политическим лидером, но и обладал сакральной (жреческой?) властью. Этот аспект ещё более усиливается благодаря наличию в комплексе других находок, явно связанных с культовой сферой: золотой перстень с железной вставкой (аэролитом?) и подвески-амулеты, обвитые золотой проволокой [Бутягин, Виноградов, 2014, с. 109–110].

В отношении македонских аналогий, помимо «шлема», очень любопытны найденные в кургане золотые бляшки в форме двенадцатилучевых звёздочек [рис. 52, 1-2; Бутягин, Виноградов, 2014, с. 77-78, кат. 33], которые, к сожалению, очень долго не привлекали внимание учёных²⁶. Они, на наш взгляд, имеют явное сходство со звездой, ставшей символом власти царей Македонии, которую, в частности, можно видеть на крышках золотых ларцов, происходящих из Вергины [см.: Манцевич, 1980, с. 160, рис. 13, с. 162, рис. 15; Андроникос, 1990, с. 118-119, рис. 8, с. 121,

---

²⁶ В картотеке Отдела античной культуры Государственного Эрмитажа они отнесены к украшениям золотого венка [ГЭ: Ак. Б. 23], что вряд ли соответствует действительности. Почти нет сомнения, что эти бляшки были нашивными, при этом нашивались они, скорее всего, не на одежду, а на погребальный полог, имитировавший таким образом звёздное небо.

рис. 10; Treasures, (1978), p. 50, pl. 19, cat. 86, p. 53, pl. 18, cat. 120; Andronicos, 1984, p. 80, fig. 41, p. 166-167, fig. 135, p. 169, fig. 136, p. 194, fig. 155; Tsibidou-Avloniti, 1995, p. 217-219].

В Македонии также хорошо известны золотые круглые бляшки, украшенные штампованным изображением звезды [Treasures, (1978), p. 36, pl. 5, cat. 28; Andronicos, 1984, p. 178-179, fig. 143-144; 1994, p. 27, fig. 4; Tsibidou-Avloniti, 1995, p. 217, cat. 256], их отличие от ак-бурунских заключается только в количестве лучей и в том, что последние вырезаны из золотого листа. Отметим при этом, что близкие аналогии этим македонским «дискам» можно видеть в некоторых более поздних, чем Ак-Бурун, боспорских курганах²⁷.

Наиболее близки ак-бурунским звёздам нашивные золотые бляшки в форме восьмилучевой звезды, происходящие из Северной гробницы № 1 скифского царского кургана Гайманова Могила [Бидзиля, Полин, 2012, с. 402, кат. 195, рис. 556]. В широком ассортименте бляшек из других скифских курганов Северного Причерноморья такие предметы не известны. Любопытно при этом, что на бронзовой бляхе, украшавшей погребальную колесницу из Гаймановой Могилы, тоже была выбита восьмилучевая звезда [Там же, с. 253, кат. 83/2, рис. 372], и эта бляха опять же уникальна. Гробница № 1 Гаймановой Могилы датируется 365–350 гг. до н.э. В.В. Бидзиля и С.В. Полин объясняют появление македонских звёзд в этом комплексе контактами причерноморских скифов с Филиппом II Македонским, имевшими место во Фракии и Нижнем Подунайе [Бидзиля, Полин, 2012, с. 253, 403], что представляется вполне допустимым.

Возведение кургана на мысе Ак-Бурун относится ко времени на 50-60 лет позднее Гаймановой Могилы, тем не менее, македонская символика на некоторых предметах, происходящих из него, выступает очень отчётливо. Отнюдь не случайной в этом контексте представляется и золотой статер Александра Великого, отчеканенный, как

---

²⁷ Немного забегаая вперёд, отметим, что среди находок, происходящих из Зеленского кургана, есть немало таких, которые роднят его с Ак-Буруном. К числу их, как представляется, принадлежат два серебряных кружочка, украшенные рельефными шестилучевыми звёздами [Шкорпил, 1916, с. 27]. Круглая золотая бляшка с оттиснутой на ней восьмилучевой звездой происходит из кремации, обнаруженной под Анапой в 1881 г. [рис. 80, 1; ОАК за 1882–1888 г., с. 33, табл. I, 3], М. Пфроммер датирует этот комплекс третьей четвертью III в. до н.э. [Pfrommer, 1990, S. 260-261, FK 116]. Круглые золотые бляшки (диаметр – 2,4 см) с изображением восьмилучевой звезды входят в состав Ахтанизовского клада [рис. 103, 2; ОАК за 1900, с. 108-109, рис. 217; Спицын, 1909, с. 22, № 14b, рис. 17; Власова, 2009, с. 72, табл. III, 2]. М. Пфроммер не без основания считал, что они восходят к образцам III в. до н.э. [Pfrommer, 1990, S. 260, FK 16]. В более грубом исполнении шестилучевые звёзды представлены на круглых золотых бляшках из детской гробницы Среднего кургана Васюринской горы [Власова, 2010, с. 244, рис. 111]. Все эти находки мы склонны рассматривать как проявления влияния Македонии на культуру элиты Боспорского государства.

Изображения восьмилучевых звёзд могли украшать также македонские круглые щиты. Д.П. Алексинский полагает, что воспроизведение этих украшений можно видеть на серебряных фаларах эллинистического времени, происходящих из некрополя Пантикапея [Алексинский, 2013, с. 34-35]. Напомним, что самое раннее изображение такого рода на Боспоре известно на бронзовом фаларе из склепа № 1 Большой Близицы, возведённого в последней четверти IV в. до н.э. (см. главу 2.6, № 11).

было сказано выше, в Вавилоне. Ак-Бурунский курган, как видим, даёт бесценные материалы, позволяющие приблизиться к пониманию силы македонского влияния на культуру боспорской элиты конца IV – начала III вв. до н.э. Победоносные походы Александра, разгром Персидской (мировой) державы знаменовали собой конец старого мира и начало нового, центром которого на какое-то время стала Македония. Теперь уже культура македонской элиты стала аттрактором для всей эллинской и не только эллинской ойкумены. Подражание ей стало важной особенностью культурной «физиономии» новой эпохи.

Подводя итог сказанному о кургане Ак-Бурун (1875 г.), необходимо подчеркнуть, что происходящие из него материалы весьма ярко рисуют историческую ситуацию, сложившуюся в Северном Причерноморье после падения Великой Скифии. Традиционная ориентация Боспора на союз со скифами тогда ушла в прошлое. Произошедшие демографические и военно-политические перемены закономерно привели к переориентации политики Боспорского царства по отношению к варварским народам региона с акцентом на связи с новыми владыками степей – сарматами (сираками) [Виноградов, 1999, с. 63; 2005а, с. 294–296; Виноградов, Марченко, 2014, с. 145]. Культура сарматской элиты, как следует признать, отличается от скифской рядом весьма существенных особенностей [Яблонский, 2015; Яценко, 2015], и эти особенности, как будет показано ниже, сыграют свою роль в дальнейшей истории правящего слоя Боспорского государства.

Необходимо обратить особое внимание на то, что курган Ак-Бурун является самым поздним среди аристократических погребальных памятников с варварскими чертами обряда из открытых на Европейском Боспоре. После рубежа IV–III вв. до н.э. они продолжали возводиться, но только на азиатской стороне (см. главу 2.11). Как можно полагать, с этого времени для Боспора особое значение приобрели связи с миром варварских племён Прикубанья (правильнее, конечно, говорить, что эти связи были сохранены и получили развитие в новых исторических условиях).

Глобальные перемены в античном мире, связанные с походами Александра Великого, также нашли отражение в материалах этого кургана. Культура македонской аристократии тогда стала, так сказать, очень «модной», и проявления этой «моды» достаточно быстро нашли своё место на Боспоре. Только с учётом этих перемен можно в полной мере оценить значимость другого новшества в элитной культуре Боспорского царства, имевшего место в сфере погребальной архитектуры, – появление нового типа монументальных склепов.

2.8. Склепы «македонского» типа на Боспоре

На фоне споров о происхождении боспорских уступчатых склепов (см. главу 2.3) проблема появления склепов с арочным перекрытием в отечественной научной литературе как-то отошла на второй план, а она, на наш взгляд, не менее любопытна. Конечно, связывать этот феномен с римской традицией нет никакой возможности,

поскольку они появились в Северном Причерноморье значительно раньше [Гервиц, 1947]. Выше уже было сказано, что наиболее ранним среди боспорских склепов с арочным перекрытием является гробница № 47 Шестого кургана Юз-Обы, открытая в 1860 г. (рис. 32; см. главу 2.4). Этот чрезвычайно любопытный и показательный погребальный памятник, вероятнее всего, можно датировать двумя последними десятилетиями IV в. до н.э. В принципе, он продолжает схему типологического развития боспорских склепов более раннего времени, представляя собой однокамерное сооружение, к которому ведёт длинный дромос, но перекрытие в обеих частях является не уступчатым (ложным), а арочным.

В III в. до н.э. склепы Боспора демонстрируют новое явление, которое исследователи пока ещё не оценили в должной степени, считая, что по сравнению со склепом № 47 Шестого кургана Юз-Обы в боспорской погребальной архитектуре тогда никаких принципиальных изменений не произошло [см.: Сорокина, 1973, с. 385; Максимова, 1979, с. 12; Кобылина, 1984, с. 210; Крыжицкий, 1993, с. 169]. Во всяком случае, склеп № 47 никогда не выделяют особо, рассматривая его в ряду других, имеющих арочное перекрытие. Такой подход, однако, представляется не вполне верным.

В этом отношении никак нельзя согласиться с утверждением В.И. Бидзили и С.В. Полина, что на Боспоре нет ни одного кургана с установленной датой III в. до н.э. Тогда якобы интенсивно использовались лишь более ранние насыпи, а «возрождение» курганного строительства приходится на середину II в. до н.э., что было связано с возведением Артюховского кургана [Бидзиля, Полин, 2012, с. 585]. Действительно, в культуре боспорской элиты III в. до н.э. можно наблюдать немало чрезвычайно любопытных, неизвестных здесь ранее явлений, но прекращения традиции возведения курганов всё-таки не было. Немалые перемены заметны также в ареале боспорских курганных комплексов, но об этом речь пойдёт ниже.

Сейчас же следует обратить внимание на другое. Давно и надёжно установлено, что если на европейской стороне с рубежа IV–III вв. до н.э. количество богатых погребений уменьшается и с середины III в. до н.э. они уже становятся здесь редким явлением [Гайдукевич, 1949, с. 278], то на азиатской стороне, и особенно в некрополях Синдики, пышность погребального обряда сохраняется и в III–II вв. до н.э. [Коровина, 1964, с. 14]. Не удивительно, что именно на азиатской стороне Боспора расположены самые показательные склепы, которые являют собой новую страницу в боспорской погребальной архитектуре (Васюринская гора, Артюховский курган и др.) [Виноградов, 2014a].

Как представляется, наиболее ранним и, безусловно, очень важным в этой группе является склеп в кургане, открытом на Васюринской горе в 1868-69 гг. [рис. 52-53; см.: Ростовцев, 1913-14]. Наиболее важными представляются две или три конструктивные особенности этого сооружения: арочное перекрытие, деление погребальной камеры на две части, что в уступчатых склепах встречается только как исключение, и, вероятно, отсутствие обычного дромоса, заменой которого стала лестница. В отечественной литературе принято считать, что склепы типа

Васюринского относятся «к архитектуре, связанной с традициями эллинского зодчества Балканского полуострова и Малой Азии» [Сорокина, 1973, с. 385], что, конечно, верно, но, на наш взгляд, абсолютно не достаточно. Всё-таки необходимо признать, что склепы с арочным перекрытием, камера которых часто разделена на две неравные части, в западной литературе имеют название «македонские», и это понятие введено в научный оборот ещё в конце XIX в. [см.: Филов, 1937, с. 104–107; Хатлас, 2006, с. 123; Macedonia, 1982, p. 176–180; Andronicos, 1987; Tsibidou-Avloniti, 1995, p. 214–221]; создание этого типа склепов даже порой считается одним из вкладов Македонии в мировое культурное наследие [Vocotopoulou, 1995, p. 16].

Естественно, такие погребальные конструкции открыты на территории исторической Македонии, и наиболее известный памятник в их ряду – склеп в Большом кургане у села Вергина, который обычно называют гробницей царя Филиппа [см.: Andronicos, 1984; Андроникос, 1990; Манцевич, 1980; Бидзиля, Полин, 2012, с. 552–553]²⁸. Эта гробница не имеет дромоса, вход в погребальную камеру богато украшен (дорические колонны и фриз, каменная дверь, а также расписной фриз), сама погребальная камера разделена на два помещения, из которых ближнее ко входу имеет меньшие размеры²⁹; наконец, перекрытие склепа является арочным. Сразу можно обратить внимание, что классические образцы македонских склепов отличаются от васюринского наличием архитектурного оформления входа в виде колонн, дорических фризов и т.п., но и роднящие их детали конструкции тоже никак нельзя отрицать.

Как арка появилась в Македонии и откуда ведёт начало традиция деления погребальной камеры на две части, до сих пор остаётся неясным (см. также главы 2.2 и 2.4). Во всяком случае, очень трудно поверить, что изобретателями этой весьма совершенной конструкции были именно македоняне, и, соответственно, само определение «македонские склепы» следует считать в значительной степени условным. Не вдаваясь в споры по этому поводу, укажем лишь на то, что такие склепы широко распространились по всему античному миру. Причину такой популярности, как представляется, следует усматривать в том, что после грандиозных завоеваний Александра Великого именно Македония стала законодателем моды в элитарной культуре почти всех цивилизованных народов. Македоняне были во главе государств, возникших на руинах империи Александра, и их подданные были обязаны так или иначе следовать вкусам своих властителей. В этом отношении вполне логичной представляется точка зрения исследователей, считающих, что большинство погребальных памятников рассматриваемого типа было возведено за 150–200 лет и верхним хронологическим репером здесь является 168 г. до н.э., т.е. год римского

---

²⁸ Мы сознательно уклоняемся от дискуссии по поводу других точек зрения о принадлежности погребений в Большом кургане Вергины [см.: Алексеев, 2003, с. 252 сл.; Борза, 2013, с. 329 сл.].

²⁹ Основную камеру македонских склепов называют *thamos*, а сравнительно небольшую, прилегающую к ней со стороны входа – *prothamos* [Манцевич, 1980, с. 155; Andronicos, 1987, p. 10].

завоевания Македонии, когда эта страна потеряла своё лидерство в античном мире [см.: Fedak, 1990, p. 104-105; Huguenot, 2008, p. 43-44].

Немало склепов такого типа (как считается, более 80) открыто в Болгарии [рис. 16, 6; см.: Койнова-Мечкуева, 2006, с. 114; Хатлас, 2006; Базайтова, 2006, с. 343-344, 353, обр. 2, 3; Triantaphyllos, 1994, p. 90-91]. Г. Гошев полагает, что они относятся ко второй половине IV–III вв. до н.э. [Гошев, 2005, с. 58]. В ряду таких памятников выделим Гинину Могилу – замечательную гробницу, украшенную фигурами кариатид, которая была исследована 30 лет назад у села Свещари в Болгарии [Чичикова, 1986; 2012; 2013].

Совсем не удивительно, что уже сравнительно давно была высказана точка зрения, что во Фракии эти погребальные конструкции получили распространение под македонским влиянием [Филов, 1937, с. 106]. Другие болгарские учёные не согласны с этим и даже оспаривают справедливость дефиниции «македонские склепы», считая, что они сформировались под влиянием архитектуры Малой Азии и материковой Греции, а совсем не являются прямым заимствованием македонских образцов [Гошев, 2005, с. 53]. Имеется, правда, и другая гипотеза, на основании которой эти склепы предлагается именовать не «македонскими», а «фракийскими». По мнению Г. Кожухарова, именно фракийцы являются изобретателями арочного перекрытия, и это изобретение следует рассматривать как их важнейший вклад в мировое архитектурное наследие [Кожухаров, 1974, с. 334]. В наши дни, однако, стали признавать, что фракийские памятники такого рода аналогичны македонским [Гергова, 1996, с. 105; Базайтова, 2006, с. 344]. Как видим, проблема происхождения склепов «македонского типа» вообще и их появления во Фракии, в частности, является очень не простой, вызывающей острые дискуссии.

Эти научные споры, конечно, имеют немалое значение для понимания боспорских памятников. Однако в данном случае для нас важно лишь подчеркнуть, что склепы так называемого «македонского типа», а точнее, имеющие с ними очевидное сходство, получили распространение и на берегах Керченского пролива [Савостина, 1984, с. 12]. Не претендуя на полноту списка, назовём наиболее известные боспорские памятники этого типа:

1. Упомянутый выше склеп в *Большом кургане на Васюринской горе*, открытый в 1868–69 гг. и исследованный в 1907 г. [рис. 53–54; см.: Ростовцев, 1913–14, с. 30–33, табл. XII, 3; Гайдукевич, 1949, с. 293–296; Власова, 2004а, с. 159–165; 2010, с. 234–237; Gajdukevič, 1971, S. 300–301]. Курган был действительно весьма крупным: высота – около 10,70 м, диаметр – 34,10 м.

Склеп был впущен в грунт по основанию свода. К нему вела лестница из семи ступеней, устроенная между каменными стенами, вдоль которой находились ящики с конскими захоронениями. Перекрытие склепа было арочным, при этом необходимо добавить, что строители как будто ещё не верили в прочность арочной конструкции. Они скрепили камни, составляющие свод, железными скобами.

Погребальная камера состояла из двух помещений (рис. 53): первое («проталамос»)

следовало за входом и имело относительно небольшие размеры ($3,56 \times 2,13$ м, высота – 3,56 м), за ним расположено второе («таламос»), более крупное ($4,62 \times 3,56$ м, высота – 3,56 м). Общая площадь склепа составляла около 24 кв. м. А.Е. Люценко, открывший эту гробницу, назвал первое помещение узким коридором [Архив ИИМК РАН, ф. I, 1868 г. д. 41, л. 42; ОАК, 1868 г., с. XIV]. Это определение было принято М.И. Ростовцевым [Ростовцев, 1913-14, с. 32], а Е.В. Власова стала называть его даже не коридором, а дромосом [Власова, 2004, с. 159-160]. Оба определения (коридор и дромос), на наш взгляд, неудачны, даже ошибочны, поскольку не позволяют в должной мере оценить своеобразие склепа и поставить его в круг других подобных ему памятников.

В этом отношении необходимо признать две достаточно очевидные вещи. Во-первых, дромосом в данном случае следует именовать лестницу. Васюринский склеп был сильно заглублён в землю, и по этой причине обычный дромос здесь был заменён каменной лестницей. Во-вторых, конструкцию склепа надо считать двухкамерной. Из первой камеры проход вёл во вторую, более крупную по площади. Её стены и потолок, как все прекрасно знают, были оштукатурены и расписаны [см.: Ростовцев, 1913-14, с. 34; Давыдова, 1994; Власова, 2004, с. 161–163; 2010, с. 235–236].

В стенах большой камеры были сделаны ниши. Последняя деталь, как будто не представляется особенно существенной, но в склепах с уступчатым перекрытием, относящихся к IV в. до н.э., ниши никогда не встречались.

Склеп Большого Васюринского кургана был ограблен, но есть основания полагать, что он использовался для совершения погребений неоднократно. В центре главной камеры находился саркофаг, перед ним – мраморный стол и мраморная скамья (возможно, стол меньших размеров), ножки которых были оформлены в виде стилизованных изображений львиных лап (рис. 55). Среди прочих находок – разбитая на куски огромная чернолаковая пиксида, украшенная накладным орнаментом, а также другие сосуды. На стенках, вероятно, висело оружие и одежда. Среди предметов вооружения были несколько копий, вероятно, несколько мечей, панцирь, щит. Обнаружены также железные наконечники стрел.

М.И. Ростовцев полагал, что этот склеп был построен не позднее середины III в. до н.э. [Ростовцев, 1913-14, с. 40] или даже не позднее первых десятилетий III в. до н.э. [Ростовцев, 1925, с. 374]. Е.В. Власова, рассмотрев сохранившиеся находки из склепа (прежде всего чернолаковая пиксида начала III в. до н.э., несколько более поздняя лекана, два родосских амфорных клейма третьей четверти III в. до н.э.), сузила датировку до начала этого столетия [Власова, 2004, с. 164-165; 2010, с. 237], с чем, вероятно, можно поспорить. Однако принадлежность памятника к первой половине III в. до н.э. у нас не вызывает особых сомнений. В данном случае мы не касаемся проблемы разновременных захоронений в этом склепе [см.: Ростовцев, 1925, с. 375; Власова, 2004, с. 165; 2010, с. 236], а говорим лишь о времени его сооружения.

Около лестницы, ведущей в склеп, как уже говорилось, были обнаружены четыре конских захоронения. Детали узды, происходящие отсюда, чрезвычайно любопыт-

ны. На основании этих находок М.И. Ростовцев даже сомневался в беспорности своей приведённой выше датировки. Он имел в виду сравнительно поздние вещи (фалары со стеклянными вставками и пр.), близкие находкам из причерноморских степных памятников конца II в. до н.э. [Ростовцев, 1925, с. 373, ср.: Полин, 1992, с. 63-64]. О.В. Шаров, проанализировавший материалы этих четырёх конских захоронений, пришёл к заключению, что два наиболее ранние из них относятся к III в. до н.э., третье – к началу II в. до н.э., а вот четвертое – к концу II – первой половине III в. н.э. [Шаров, 2009; но ср.: Симоненко, 2011]. В состав наиболее ранних входили железные плакированные золотом налобники с крюком в виде головы грифона [рис. 56, 1; Ростовцев, 1913-14, с. 41, № 5, табл. XVIII, 4; Полин, 1992, с. 63-64, 185, рис. 8, 21; Власова, 2004, с. 165, рис. 9; Симоненко, 2010, с. 189, рис. 159, 25, с. 191]. В.И. Бидзиля и С.В. Полин считают, что эти налобники, безусловно, были изготовлены в IV в. до н.э. и на этом основании предлагают датировать ранние конские захоронения Большого кургана концом IV – началом III вв. до н.э. [Бидзиля, Полин, 2012, с. 584-585], что вряд ли реалистично в отношении появления на Боспоре склепов «македонского» типа.

О конских налобниках/наносниках, к категории которых принадлежат васюринские находки, необходимо сказать особо хотя бы несколько слов. Наиболее ранние образцы налобников этого типа, сделанные из бронзы и железа, появились в Среднем Подонье во второй половине V в. до н.э. [Фіалко, 1996, с. 96; Канторович, 2007, с. 258]. Их можно назвать короткими. В III–I вв. до н.э. существовали схожие с ними по форме и явно происшедшие от них длинные налобники, чаще изготовленные из бронзы или серебра, с крючком над ременной петлей и пластинчатой трапециевидной нижней частью. Они представлены в так называемых «странных памятниках» Северного Причерноморья [см.: Шукин, 1994, с. 97-98; Виноградов, 1999, с. 77-80; Симоненко, 2001; Редина, Симоненко, 2002; Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 97-98; Зайцев, 2007; 2012а; 2012б; Раев, Симоненко, 2007], отражающих передвижения кочевников по степям региона, а также в некоторых погребальных комплексах [Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 85]. Вслед за А.В. Симоненко их принято считать позднескифскими [Симоненко, 1982; 2010, с. 186 сл.; 2012]. По его мнению, такие налобники появились у поздних скифов во второй половине III в. до н.э., во II в. до н.э. с ними познакомились соседи скифов – сарматы, меоты и синды [Симоненко, 2012, с. 80, прим. 24]. Такому объяснению, на наш взгляд, противоречат находки из боспорских курганов – Большого Васюринского и Зеленского (о нём см. главу 2.11, № 2). Дело в том, что эти два кургана являются более ранними, чем II в. до н.э. и даже чем вторая половина III в. до н.э. Представляется более вероятным, что оформление этой серии налобников было связано с культурной трансформацией, имевшей место в Северном Причерноморье в конце IV – начале III вв. до н.э. и вызванной крушением Великой Скифии. Вполне очевидно одно – эта серия артефактов принадлежит к позднескифской-раннесарматской эпохе [Канторович, 2007, с. 261]. Любопытно при этом, что они в определённой степени повторяют путь распространения в регионе

застёжек в виде птичек: в скифское время основной территорией их распространения было Среднее Подонье, на запад они в незначительном количестве проникли только на закате Великой Скифии, но появились в некоторых курганах Боспора (Ак-Бурун, Зеленской) [Бутягин, Виноградов, 2014, с. 78-79, 106]. Эта традиция, правда, вскоре прервалась, а налобники/наносники имели довольно долгую историю.

В составе конского снаряжения из Большого Васюринского кургана имеются также бронзовые пластины, украшенные пуансонным орнаментом в виде линий и концентрических кругов [рис. 57; Ростовцев, 1913-14, с. 41, табл. XIX; Шаров, 2009, с. 297-298, 318, рис. 13, 2-3; Симоненко, 2010, с. 212, рис. 175, 1-2], которые однозначно трактуются как нагрудники [Симоненко, 2010, с. 209 сл.]. Такие предметы, орнаментированные подобным образом, входят, в частности, во многие «странные» комплексы Северного Причерноморья, речь о которых шла чуть выше; встречаются они и в Прикубанье [Беглова, 2013, с. 33]. М.И. Ростовцев обратил внимание на «гальштатское» происхождение орнаментации этих нагрудников [Ростовцев, 1913-14, с. 42], и он по-своему оказался прав. А.В. Симоненко верно отметил, что они появляются «на фоне некоего всплеска западных (кельтских и фракийских) элементов в культурах варваров Северного Причерноморья этого периода» [Симоненко, 2010, с. 213; ср.: Мордвинцева, 2001]. По его мнению, такой всплеск имел место не ранее второй половины III в. до н.э. и бытовал во II в., а может быть, и в I в. до н.э. [Симоненко, 2010, с. 213]. На наш взгляд, нижнюю хронологическую грань этого явления всё-таки можно относить к первой половине III в. до н.э. [Виноградов, 2006в, с. 216-217], что не противоречит обозначенной выше дате сооружения склепа Большого Васюринского кургана и, соответственно, дате совершения ранних захоронений коней рядом с его лестницей [ср.: Шаров, 2009, с. 301-302].

2. *Склеп 1870-71 гг.*, открытый в другом (среднем по величине) кургане на Васюринской горе [рис. 58; Ростовцев, 1913-14, с. 43-45, табл. XXI, 1; Гайдукевич, 1949, с. 296; Власова, 2004, с. 165-166, 172; 2010, с. 237-239; Gajdukevič, 1971, S. 301-302]. По своим размерам этот курган сильно уступал Большому: высота – 4,25 м, длина окружности насыпи – 149,35 м.

Склеп тоже состоял из лестницы и погребальной камеры. Лестница вела ко входу с юго-восточной стороны, она была заглублена в грунт на 2,13 м. Длина этой конструкции – 6,40 м, ширина – 3,20 м. В насыпи кургана были обнаружены весьма показательные для новой эпохи предметы – обломки нескольких мраморных статуй с изображением человеческих фигур. Точное число разбитых статуй нам не известно, но можно предположить, что их было, по крайней мере, три: размеры одной из них были определены как колоссальные, другой – выше человеческого роста и третьей – в нормальный рост [Ростовцев, 1913-14, с. 44]. Из насыпи происходят также две большие мраморные подставки в виде львиных ног, вероятно, от стола, и одна относительно небольшая подставка от скамьи или столика [Ростовцев, 1913-14, с. 44]. Их вполне можно сопоставить с находками из склепа Большого кургана (см. рис. 55).

Общие размеры погребальной камеры составляли 6,76 × 2,85 м при высоте 3,90 м.

Она состояла из двух помещений, первое из них по отношению к лестнице, как и в склепе Большого кургана, имело сравнительно небольшие размеры. М.И. Ростовцев, вновь следуя определению А.Е. Люценко [Архив ИИМК РАН, ф. I, 1871 г., д. 16, л. 11 об.], назвал его коридором [Ростовцев, 1913-14, с. 44], а Е.В. Власова, исходя из собственных представлений, определила его как дромос [Власова, 2004, с. 165]. В действительности же эту погребальную конструкцию следует считать двухкамерным склепом (первая камера – проталамос, вторая – таламос) с ведущим к нему дромосом (лестницей). Этот склеп, как и первый, имел арочное перекрытие. Помимо сравнительно небольших размеров, от склепа Большого кургана его отличает отсутствие росписи. Эта гробница была тоже ограблена, в ней были найдены обломки мраморных столов, фрагменты керамического желобчатого сосуда и пр.

С двух сторон от лестницы располагались конские захоронения, одно из которых оказалось неразграбленным. В нём была обнаружена колесница, основа которой была сделана из железа, а художественно исполненные украшения – из бронзы: две стоящие женские фигуры, акротерий, два полуакротерия, фрагменты двух драконов. Там же были найдены детали конской упряжи: обломки удила, украшенных фигурками тритонесс, серебряный наносник с изображением крылатого льва, фрагмент овальной бляхи с изображением орла, несущего Ганимеда, один большой и четыре маленьких фаларов с изображением розетки со вставками из граната и синего стекла.

М.И. Ростовцев датировал колесницу из Среднего Васюринского кургана первой половиной III в. до н.э. [Ростовцев, 1913-14, с. 53–55], а детали конской упряжи – не позднее второй половины этого столетия [Ростовцев, 1913-14, с. 55–57]. М.Ю. Трейстер пересмотрел эту точку зрения. Основываясь на особенностях декора колесницы, он предлагает омолодить её датировку на целое столетие – до первой половины II в. до н.э. [Трейстер, 2005, с. 311].

Столь радикальное омоложение, на наш взгляд, не вполне логично. Цветы каллы, входящие в орнаментацию колесницы, как известно, были очень популярны в произведениях боспорских торевтов, в художественных текстильных изделиях и пр. более раннего времени [см.: Виноградов, 2006в, с. 214-215; Бутягин, Виноградов, 2014, с. 82-83]. Самый известный образец подобной орнаментации – знаменитый золотой шлем из кургана Ак-Бурун, речь о котором шла выше (рис. 51; см. главу 2.7). М.И. Ростовцев абсолютно справедливо полагал, что акротерий из рассматриваемого комплекса моложе, чем ак-бурунская находка, и относил его ко времени не ранее середины III в. до н.э. [Ростовцев, 1913-14, с. 53-55], в чём, вероятно, заблуждался, но не очень сильно.

Что касается фаларов из этой гробницы, которые М.И. Ростовцев датировал не позднее второй половины III в. до н.э. [Ростовцев, 1913-14, с. 57], то можно указать на общеизвестные, но почему-то в отечественной науке редко привлекаемые для датировки археологических находок рельефы святилища Афины Никефоры в Пергаме. На них, кроме кельтского наступательного и оборонительного оружия, представлены уздечки с фаларами, стилистически близкими васюринским [Bohn, 1885, Taf. XLVII, 3;

XLIX, 3,22]. Очень любопытны также изображенные на рельефах детали колесниц или, возможно, части убранства кораблей, некоторые из которых имеют пышную орнаментацию, в том числе и в виде цветка каллы [Bohn, 1885, Taf. XLIV]. Вполне возможно, что на этих рельефах были представлены трофеи, захваченные пергамцами в битве при Магнесии в 190 г. до н.э. [De Navarro, 1972, p. 316], но в реальной жизни они бытовали не только в 190 г., а появились явно несколько ранее. Изображения дают лишь *terminus ante quem* для подобных вещей, во всяком случае вполне допустимо датировать их второй половиной III в. до н.э. В.Е. Ерёмченко относил прототипы некоторых изображённых здесь предметов вооружения к 240–220 гг. до н.э. [Ерёмченко, 1997, с. 21]. Так что датировка находок из конской гробницы Среднего Васюринского кургана в пределах второй половины III в. до н.э. представляется вполне вероятной.

В этом отношении немалый интерес представляют *впускные погребения*, открытые в этом кургане. Первое, содержавшее большое количество золота, было случайно найдено местными крестьянами, но часть золотых предметов была у них выкуплена и поступила в Эрмитаж [Власова, 2004, с. 168-169]. М.И. Ростовцев датировал этот комплекс первыми десятилетиями III в. до н.э. [Rostowzew, 1931, S. 331], но М.И. Максимова предлагала эту дату омолодить [Максимова, 1962, с. 130, прим. 5], хотя происходящий из него львиный псевдоскарабеоид считала раннеэллинистическим [Максимова, 1962, с. 123, № 3; 124]. Второе впускное погребение – это плитовая гробница, обнаруженная в южной части кургана. В ней был погребён юноша в богато вышитой золотом парчевой одежде, от которой уцелели только золотые нити [Власова, 2004, с. 169-170]. Среди сделанных здесь находок представлены сотни бляшек, вырезанных из листового золота, и различные амулеты, часть из которых датируется III в. до н.э. [Неверов, 1988, с. 181, № 495, 497]. Рядом с этой гробницей в насыпи кургана было открыто третье впускное погребение – могила ребёнка, в которой, в частности, была обнаружена статуэтка скачущего всадника с двумя собаками [ОАК за 1870-71 гг., с. XXXV-XXXVI; Власова, 2004а, с. 170, Виноградов, 2012а, с. 99, 114, рис. 38]. Такие статуэтки получили распространение во II–I вв. до н.э., но были популярны и в первые века н.э. [Пругло, 1977, с. 78; Денисова, 1981, с. 62–64; Диатроптов, 2001, с. 89]. Эта находка позволяет относить погребение ребёнка ко II–I вв. до н.э. В общем, оценивая материалы, полученные во всех трёх впускных погребениях Среднего кургана, можно признать, что они не противоречат предложенной выше хронологической атрибуции обнаруженного в нём каменного склепа.

3. *Анапский склеп 1908 г.* [Ростовцев, 1913-14, с. 83–86, табл. XXX]. Он был впущен в материк до пяты свода и состоял из одной небольшой по размерам камеры (3,08 × 2,13-2,16 м, высота – 2,40 м) с примыкающим к ней коротким дромосом (длина – 1,44-1,46 м, ширина – 2,04 м, высота – 2,185 м). Склеп был оштукатурен и расписан. Узкие и широкие квадраты декора стен имитировали их покрытие плитами цветного мрамора. Поверх них шла полоса меандра, потолок был окрашен в голубой

цвет. Вполне очевидно, что роспись имитировала героон, окружённый низкими стенами, над которыми синее небо [Ростовцев, 1913-14, с. 83-86, табл. XXXI].

Поскольку анапский склеп был ограблен, то датировать его можно только по аналогии с росписями склепа 1868-69 гг. на Васюринской горе. Во всяком случае, его атрибуция в пределах III в. до н.э. вполне возможна.

Для более позднего времени наиболее показательным памятником элитной культуры Боспора является *Артюховский курган*, расположенный на Таманском полуострове (см. также главу 2.12).

4. *Гробница II Артюховского кургана* [Максимова, 1979, с. 11-12]. Она состояла из двух помещений, перекрытых арочным сводом (рис. 59, 1-3; с. 144-148). Вход в склеп имел ширину 0,56 м, высоту – 1,07 м; как обычно на Боспоре, он был закрыт четырёхугольной каменной плитой (рис. 59, 4). Общие размеры склепа составляли 3,50 × 1,40 м при высоте 1,6 м. Гробница оказалась неразграбленной, и на её примере можно понять, как в склепах такого типа размещались тела покойных и погребальный инвентарь. В его первой, относительно небольшой камере (проталамосе) находилась часть погребального инвентаря; во второй, более крупной (таламосе), были размещены два захоронения (мужское и женское) и другая часть погребального инвентаря. Ко входу в склеп как будто вела лестница. Вход в склеп и вход из первой камеры во вторую имел вид арки из клинчатых камней [Максимова, 1979, с. 11-12]. М.И. Максимова, как известно, датировала Артюховский курган приблизительно серединой – третьей четвертью II в. до н.э. [Максимова, 1979, с. 8-9, 23].

5. Весьма вероятно, что к «македонскому» типу относится *гробница III Артюховского кургана* [Ростовцев, 1925, с. 273; Максимова, 1979, с. 12]. Раскопавший её В.Г. Тизенгаузен не оставил внятного описания своего открытия. Ясно, однако, что она была сложена из больших отёсанных каменных плит и состояла из одного помещения. Внутри гробница была тщательно оштукатурена и выбелена. В продольных южной и северной стенах имелось по одной небольшой полукруглой нише. К огромному сожалению, автор раскопок ничего не сказал ни о форме перекрытия, ни об устройстве входа, что заставило М.И. Максимова признать это сооружение каменной гробницей с плоским перекрытием из каменных плит [Максимова, 1979, с. 12]. На наш взгляд, заключение уважаемой исследовательницы не бесспорно, поскольку наличие ниш и оштукатуренных стен скорее указывает на «македонский» тип склепа, а В.Г. Тизенгаузен в отношении открываемых им гробниц мог упустить многие существенные детали их конструкции (см. № 8 – Благовещенский курган).

6. *Гробница VII Артюховского кургана* [Максимова, 1979, с. 12]. Судя по имеющимся данным, этот склеп по своей конструкции был очень близок гробнице II, но состоял из одной камеры, и размеры его были заметно меньше (рис. 60, 1-3). Ширина входного проёма составляла 0,51 м, высота – 0,90 м; он был закрыт четырёхугольной каменной плитой (рис. 59, 4). Размеры погребальной камеры: 2,30 × 1,01 м, высота – 1,18 м. Погребение здесь было ограблено.

7. *Гробница, открытая генералом Вандервейде* в большом кургане некрополя

Фанагории [Clarke, 1816, p. 70-73; Montpereux de, 1843, p. 76-78; Гёрц, 1889б, с. 4–7; Ростовцев, 1913-14, с. 112; Тункина, 2002, с. 564; Кузнецов, 2010, с. 439; см. также: Формозов, 1975, с. 175]. И.В. Тункина считает, что курган под Фанагорией был раскопан не позднее 1793 г. [Тункина, 2002, с. 564]. Любопытно, что это самое раннее из известных нам археологических открытий на Боспоре представляет собой гробницу «македонского» типа. Судя по описаниям, камера со сводчатым перекрытием состояла из двух помещений. Опираясь на эту информацию, можно также составить мнение, что в ней был обнаружен довольно богатый погребальный инвентарь. В его составе выделяется золотой браслет в виде двух змеек, соединённых хвостами, с рубиновыми вставками в глазах, который явно принадлежит к группе эллинистических украшений полихромного стиля. «Несколько ваз чёрной глины, украшенных белыми орнаментами» [Clarke, 1816, p. 72], скорее всего, относились к группе эллинистической керамики типа «западного склона». Дюбуа де Монпере посчитал, что гробница, открытая Вандервейде, относится ко времени римского владычества [Montpereux de, 1843, p. 78]. Надо признать, что у просвещённого европейца были для этого все основания – он видел арки Рима, а о существовании склепов «македонского» типа, естественно, даже не догадывался. В наши дни, однако, этот погребальный памятник, вслед за М.И. Ростовцевым, можно достаточно уверенно датировать в пределах первой половины III в. до н.э. [Ростовцев, 1913-14, с. 111-112].

8. *Благовещенский курган*, находившийся недалеко от Анапы, был раскопан В.Г. Тизенгаузенем в 1882 г. (рис. 61, 62). Он имел высоту почти 11 м при окружности насыпи около 375 м. Автор раскопок в отношении открытого здесь склепа отметил, что тот имел циркульный свод, но не привёл ни описания конструкции гробницы, ни её размеров [НА ИИМК РАН, ф. 1, 1882 г., д. 18, л. 16-17]. Судя по имеющемуся рисунку Ф.И. Гросса (рис. 62), каменный склеп действительно имел циркульный свод [ОАК за 1882-1888 гг., с. XIX-XXII; Ростовцев, 1925, с. 294-295]. На другом рисунке, изображающем рабочий момент раскопок кургана (рис. 61), вероятнее всего, можно видеть вход в гробницу (дромос), имеющий уступчатое перекрытие.

Ещё раз отметим, что о конструкции склепа можно судить только на основании рисунка (рис. 62). Если ему доверять в полной мере, то надо признать, что верхний ряд каменных плит перекрытия склепа не очень похож на замковую конструкцию (он слишком широк для этого), по этой причине можно было бы предположить, что свод был не арочным, а ложным, как и в склепе кургана на землях Мирзы Кекуватского (ср. главы 2.4; 2.6, № 5; рис. 31), однако такое понимание вряд ли соответствует действительности. У склепов с ложным сводом ряды кладки стен непременно должны соответствовать рядам камней перекрытия. На рисунке прекрасно видна торцовая стена склепа, её кладка состоит из семи рядов, из которых лишь четыре нижних полностью совпадают с рядами кладки боковых (длинных) стен. Собственно, эти четыре ряда и составляют кладку стен склепа. Три верхних такого совпадения не демонстрируют, но они-то и составляют свод. Основываясь на этом наблюдении, следует сделать единственно возможный вывод – конструкция свода была арочной, при

этом с каждой стороны он состоял из трёх рядов каменных плит; верхний камень, несмотря на его ширину, необходимо считать замковым.

Таким образом, конструкцию погребальной камеры Благовещенского кургана вполне можно считать соответствующей однокамерным склепам «македонского» типа. Однако не всё так просто, поскольку к ней вёл дромос, имеющий уступчатое перекрытие. Нечто подобное мы уже видели в кургане на землях Мирзы Кекуватского (см. главы 2.4; 2.6, № 5; рис. 31), но тот, скорее всего, имел склеп с ложным перекрытием.

В Благовещенском кургане была захоронена знатная женщина. Тело её было уложено в деревянный саркофаг, украшенный фризом с изображением Нереид, везущих доспехи Ахиллу [рис. 63; см.: Сокольский, 1969, с. 29-31, № 21, табл. 13]. Среди хорошо датированных находок, происходящих из этого комплекса, имеется золотая монета царя Лисимаха. Не удивительно, что уже Н.П. Кондаков считал, что курган относится к III в. до н.э. [ОАК за 1882-1888 гг., с. 59]. М.И. Ростовцев полагал, что он был возведён не ранее первой половины этого столетия [Ростовцев, 1913-14, с. 111], а М. Пфроммер датирует его серединой III в. до н.э. [Pfrommer, 1990, S. 262, FK 120], что, на наш взгляд, вполне допустимо.

9. *Керченская гробница 1885 г.*, открытая Ф.И. Гроссом где-то в районе Мирмекия [рис. 64-65; Виноградов, 2014ж]. Она находилась в кургане, имевшем довольно большие размеры: высота – 6,40 м, окружность насыпи – около 121,60 м. На вершине кургана, как представляется, поминальный комплекс, окружённый кольцевой каменной стеной.

Погребение в этой гробнице было разграблено, но упоминание в отчёте Ф.И. Гросса обломков чернолаковой и краснолаковой керамики, обнаруженных во время раскопок, позволяет датировать её в пределах III–II вв. до н.э. Может быть, по причине отсутствия ярких находок памятник напрочь забыт современными исследователями, хотя по-своему он очень интересен. К гробнице вёл спуск в виде лестницы, что можно считать вполне типичным для боспорских склепов «македонского» типа. Вход же оформлен весьма необычно, может быть, это единственный памятник такого рода на Боспоре, на примере которого можно видеть попытку оформления фасада, пусть лишённого архитектурных украшений, но всё-таки довольно монументального (рис. 65, 1).

Сама гробница состояла из двух камер (рис. 64; 65, 3), при этом первая имела меньшие размеры и, что необходимо отметить особо, меньшую ширину (2,49 × 1,42 м при высоте 2,49 м) по сравнению со второй (4,26 × 2,13 м при высоте 2,84 м). Общая площадь двух камер составляет около 12,60 м. По планировке эта гробница напоминает более поздний уступчатый склеп «Пигмеев» (рис. 77; см. главу 2.9, № 8), но в отличие от последнего имеет арочное перекрытие. Важно отметить также, что планировка обоих этих склепов вполне аналогична устройству фракийской гробницы в Меглиже (Болгария), отличие заключается лишь в системе сооружений перед входом в неё [Рабаджиев, 2011а, с. 46, обр. 3]. Названные памятники ещё раз заставляют

задуматься о степени воздействия фракийской традиции на погребальную архитектуру Боспора.

10. *Склеп на некрополе Китяя*, который, вероятнее всего, имел циркульное перекрытие [Хршановский, 2013, с. 100]. Этот памятник по своему плану имеет явное сходство с описанной выше керченской (мирмекийской) гробницей и, соответственно, со склепом «Пигмеев» (см. главу 2.9, № 8). Он состоит из дромоса и двух погребальных камер. Дромос ($3 \times 1,25-1,40$ м) вёл к этой конструкции с юга. Камера, расположенная к дромосу первой (проталамос), имеет квадратную форму (длина стороны – $2,15-2,25$ м); по размерам она заметно уступает второй. Большая камера или таламос ($3,31 \times 2,81$ м) определена В.А. Хршановским как погребальная [Хршановский, 1913, с. 103], что вполне соответствует действительности. Общая площадь двух камер составляет более $14,10$ кв. м, т.е. китейский склеп был весьма крупным. По размерам он превосходит все известные нам гробницы этого типа на Европейском Боспоре и многие на Азиатском, уступая лишь двум склепам Васюринской горы.

Склеп вторично использовался в III–IV вв. н.э., но, судя по сохранившимся материалам, был построен в последней трети IV – начале III вв. до н.э. [Хршановский, 2013, с. 107]. Поздняя датировка, т.е. III в. до н.э., на наш взгляд, предпочтительней.

11. *Склеп в кургане по дороге в Аджимушкайские каменоломни*, открытый А.Б. Ашиком [рис. 66; Ашик, 1848, с. 48, § 38³⁰, р. V]³¹. По имеющемуся рисунку можно судить, что перекрытие его было арочным, но дромоса здесь не было. Размеры погребальной камеры – $2,33 \times 1,86$ м, высота – $2,10$ м. Вход в неё имел ширину $0,77$ м; в стене, расположенной напротив входа, имелась ниша – деталь достаточно обычная для склепов такой конструкции.

Описание погребального инвентаря (золотой венок с агатовой вставкой, золотые украшения, отделанные камнями, и пр.) говорит о том, что погребение было совершено в III в. до н.э., но А.Б. Ашик упоминает и «могильную вазу» с изображением боя аримаспа с грифоном [Ашик, 1848, с. 48]. Однако если эта ваза была не краснофигурной, а «акварельной», то такая датировка очень вероятна.

Подведём некоторые итоги. Одиннадцать названных боспорских склепов следует признать относящимися к «македонскому» типу: два склепа Васюринской горы (№ 1, 2), три гробницы Артюховского кургана (№ 4, 5, 6), Анапский склеп (№ 3), гробница, открытая Вандервейде под Фанагорией (№ 7), Благовещенский курган (№ 8), склеп, исследованный Ф.И. Гроссом под Керчью (№ 9), гробница, открытая А.Б. Ашиком по дороге в Аджимушкой (№ 11), и наконец большой китейский склеп (№ 10). Нетрудно посчитать, что восемь памятников из одиннадцати расположены на азиатской стороне и всего три на европейской. В отношении

³⁰ Обозначив рисунок этого склепа как § 38, р. V, А.Б. Ашик допустил ошибку в отношении номера параграфа, поскольку он соответствует совсем другому кургану [см.: Ашик, 1848, с. 45-46].

³¹ В этом же кургане находился склеп с уступчатым перекрытием, который был использован для совершения вторичного захоронения в значительно более позднее время (см. выше главу 2.3, № 13).

последних стоит обратить внимание, что в окрестностях столицы государства находились два из них, при этом отнюдь не самые монументальные и нерасписанные. Самый большой по площади склеп Европейского Боспора исследован весьма далеко от Пантикапея – под Китеем, однако и он в этом отношении намного уступает склепам Васюринской горы.

Такая топография «македонских» склепов, на наш взгляд, чрезвычайно показательна. Почти нет сомнения, что с III в. до н.э. Азиатский Боспор в жизни государства стал играть особую роль. Здесь концентрируются основные материальные ресурсы, элита этого района приобретает особый вес в экономической системе государства и закономерно начинает определять новые направления его культурного развития. В этой связи рискнём высказать одну идею, которая на первый взгляд может показаться абсурдной. Кто знает, может быть, с III в. до н.э. царей Боспора стали хоронить совсем не под Пантикапеем, а в азиатской части государства, и их курганы следует искать в том числе и среди названных памятников.

Ещё раз отметим, что все они имели арочное перекрытие, почти все состояли из двух камер, дромос (или лестница) представлен не всегда, некоторые склепы были расписаны. Все эти детали являются характерными для склепов «македонского» типа. М.И. Максимова была не права, когда писала в отношении структуры гробниц Артюховского кургана, что они были сооружены в старых боспорских традициях [Максимова, 1979, с. 14]. Наоборот, есть все основания считать, что здесь получила развитие новая традиция, которая ранее на Боспоре была абсолютно неизвестной.

Вместе с тем, в перечисленных боспорских склепах имеются и очевидные отличия от аналогичных гробниц Фракии и Македонии. В них отсутствует пышное оформление входа; двери (каменные или деревянные) здесь тоже отсутствуют³². Лишь на примере керченской гробницы 1885 г. (№ 9) можно предполагать о попытке придания фасаду некоторой монументальной выразительности. Все остальные лишены и этого.

Несколько забегаая вперёд, следует обратить внимание на одно любопытное обстоятельство – фасады склепов двух Тарасовских курганов на Таманском полуострове, речь о которых подробнее пойдёт ниже [см. главу 2.9, № 3 и 5], были оформлены достаточно нарядно, но эти склепы имели уступчатое перекрытие [Ростовцев, 1913-14, с. 109-110; Виноградов, 2013в]. Отметим также, что их погребальные конструкции имели довольно сложное устройство: дромос и погребальная камера, состоящая из двух частей, но эти камеры были оформлены совсем иначе, чем в описанных выше одиннадцати гробницах.

³² Предположение о наличии в склепах деревянных дверей, на первый взгляд, может показаться невероятным. Однако для этого есть некоторые основания. В двух крупных курганах у села Свещари (Болгария) склепы «македонского» типа закрывали каменные двери, а в третьем, сравнительно небольшом, склепе (гробница № 13) имелась деревянная дверь. Она, естественно, не сохранилась, но трассологическое изучение дверного проёма, предпринятое Н.Н. Скакун, убедительно продемонстрировало, что деревянная дверь здесь изначально была и, более того, она неоднократно открывалась [Гергова, 1996, с. 21-22].

Как видим, ни один из склепов «македонского» типа, открытых на Боспоре, не даёт всех характерных признаков этих склепов в Македонии или Фракии. Однако у нас нет сомнения, что именно те стали образцами для трансформации погребальной архитектуры на берегах Керченского пролива, и произошло это в первой половине III в. до н.э. Е.А. Савостина, на наш взгляд, была абсолютно права, когда писала, что ««македонская» идея, распространившись на Боспоре, получила здесь свою интерпретацию» [Савостина, 1984, с. 14].

2.9. Уступчатые склепы III–II вв. до н.э.

В этом разделе речь пойдет о боспорских склепах, которые не относятся к типу «македонских», но «македонские» традиции на некоторых из них, как представляется, нашли своё отражение. Это склепы с уступчатым перекрытием, о некоторых из которых, относящихся к IV в. до н.э., было немало сказано выше (см. главу 2.3). С.Д. Крыжицкий даже утверждает, что в III в. до н.э. такие погребальные сооружения получили на Боспоре широкое распространение [Крыжицкий, 1993, с. 166], но правильнее, конечно, считать, что они здесь продолжали возводиться [Виноградов, 2013в]. Развитие старых традиций, т.е. уступчатая конструкции свода и наличие дромоса, в сочетании с новыми деталями, появление которых было вызвано новыми культурными веяниями, на наш взгляд, демонстрируют хорошо известные в литературе памятники: склеп № 2 и 3 Большой Близницы, склеп «Пигмеев» и склепы Тарасовских курганов. Имеется, правда, целый ряд боспорских гробниц с уступчатым перекрытием этого времени, не столь ярких и потому почти не привлекающих внимания учёных. Вместе с тем, в сравнении с только что названными памятниками отдельные особенности этих гробниц представляются отнюдь не случайными. Кратко рассмотрим все склепы этого типа, исходя из территориального принципа, – сначала склепы Азиатского Боспора, а затем Европейского.

Среди первых особое значение, естественно, имеет *курган Большая Близница*. Выше неоднократно говорилось, что погребения здесь совершались с последних десятилетий IV в. до н.э. – склеп № 1 и каменные гробницы № 4 и 5 (см. главу 2.6, № 11-13). Эта практика, скорее всего, продолжалась и в начале III в. до н.э. Здесь очень важно понять, в какой степени на примере этого погребального комплекса можно проследить сохранение старых традиций и проявление тенденций нового времени.

1. Наибольший интерес в этом отношении имеет *склеп № 2, открытый в 1864 г.* [рис. 67; см.: ОАК за 1864, с. XI-X; Ростовцев, 1913-14, с. 12, 15 сл.; Гайдукевич, 1949, с. 286; Артамонов, 1966, с. 73-74; Савостина, 1986, с. 97, № 22]. Склеп состоял из двух частей (рис. 68-69): погребальной камеры (3,51 × 3,06 м, высота – 3,78 м) и преддверия, или дромоса (2,89 × 1,95 м, высота – 2,84 м). Гробница оказалась ограбленной, но, несмотря на это, она имеет очень большой научный интерес своей необычной конструкцией и характером росписи стен и потолка.

Перекрытие дромоса было сделано очень необычным образом (рис. 69, 2; 70). Поверх карниза были уложены два ряда каменных блоков, образующих два обычных уступа, но уступчатое перекрытие не было доведено до конца – выше поперёк дромоса лежали каменные балки, на которых покоились плиты кровли. Таким образом, по выражению проводившего здесь раскопки А.Е. Люценко, потолок дромоса имел «пустые промежутки вроде метопов» [см.: Ростовцев, 1913-14, с. 16]. Не трудно понять, что строители склепа при перекрытии дромоса вполне могли бы обойтись без этих балок, ограничившись каменными плитами, уложенными поперёк его конструкции, что обычно делалось при сооружении так называемых каменных гробниц. Однако они усложнили свою задачу, в результате чего потолок был расчленён на ряд углублений, своего рода кессонов.

По верхней части стен дромоса проходил фриз из растительных узоров, состоящих из цветов и миртовых ветвей. Вход в погребальную камеру был оформлен пилястрами, на которых этот фриз продолжается. Усыпальница имела уступчатое перекрытие из шести рядов каменной кладки, расположенных на четыре стороны (рис. 69, 1; 71). Нижний (уступ карниза), а также два вышележащих уступа создавали четырёхугольную конструкцию, у четвёртого ряда перекрытия были «срезаны» углы, т.е. он был восьмиугольным, пятый уступ был круглым, а шестой – вновь четырёхугольным (рис. 71)³³. На этом четырёхугольном плафоне находился главный элемент художественного оформления склепа – изображение головы богини, которую обычно считают Деметрой (рис. 71, 72). Склеп чаще всего датируют концом IV в. до н.э. [Савостина, 1986, с. 97, № 22], концом IV – самым началом III вв. до н.э. [Ростовцев, 1913-14, с. 20] или серединой III в. до н.э. [Pfrommer, 1990, S. 272, FK 129]. На наш взгляд, эта гробница была построена не в конце IV в. и не в середине следующего столетия, а в начале III в. до н.э.

Интереснейшая особенность конструкции склепа № 2 – устройство уступчатого перекрытия с плафоном в центре, в котором была выполнена роспись в виде головы богини. Для боспорской архитектуры такое устройство следует признать в полной мере уникальным. В данном случае особо любопытны диагонально срезанные углы одного из рядов кладки перекрытия. Можно указать, что среди погребальных сооружений Боспора ничего подобного нет, но во Фракии имеется целая группа склепов, отличающихся усложнённым устройством уступчатого свода, в которых вышележащие ряды перекрытия не просто нависали над нижележащими, но и изменяли ориентировку на 45°, при этом иногда по несколько раз. Такое перекрытие получило название диагонального – lantern roofing [Theodossiev, 2007]. Во Фракии этот приём распространился в позднеклассическое и раннеэллинистическое время, вероятно,

³³ Имеющийся рисунок Ф.И. Гросса (рис. 71), правда, не во всём соответствует сделанному им описанию. Мы здесь видим те же шесть уступов свода. Восьмиугольный ряд перекрытия на рисунке обозначен как-то не чётко, и он изображён не третьим, а четвёртым, если считать снизу. В остальном противоречий нет: предпоследний ряд имеет круглую форму, а последний – четырёхугольную. Внутри последнего находится изображение головы богини.

как результат анатолийского влияния [Theodossiev, 2007, p. 605]. В склепе Большой Близницы диагональный поворот рядов перекрытия не был осуществлён в полной мере, а, можно считать, был лишь обозначен на одном из его уступов.

В этом отношении чрезвычайно любопытна также упоминавшаяся выше гробница в Оструше (район Казанлыка), относящаяся приблизительно к рубежу третьей и последней четвертей IV в. до н.э. или чуть более позднему времени [Valeva, 2005, p. 164, 166]. Правда, она имеет плоское перекрытие, но её потолок при этом оформлен в виде рядов квадратных углублений (кессонов). Самый большой из них (длина стороны – 0,55 м) находится в центре; внутри него, по диагонали вписан другой квадратный кессон (длина стороны – 0,38 м). Внутри последнего высечен круг диаметром 0,32 м [Valeva, 2005, p. 25 ff.]. Все эти углубления имели роспись. Ю. Вылева видит близкую аналогию кессонам гробницы в Оструше в оформлении свода склепа № 2 Большой Близницы [Вылева, 2007, с. 114; Valeva, 2005, p. 31], и это сопоставление, на наш взгляд, невозможно оспорить.

2. *Каменный склеп № 3 Большой Близницы*, по заключению А.Е. Люценко, был во всём подобен склепу № 1, т.е. явно был уступчатым [рис. 66; см.: Ростовцев, 1913-14, с. 13]. Он содержал погребение воина с богатым набором вооружения, включавшим бронзовый золочёный шлем с завершением в виде фригийского колпака (рис. 73, 3). Этот комплекс подробнее будет рассмотрен ниже (см. главу 2.11, № 1). Весьма вероятно, что он был сооружён в первой четверти III в. до н.э.

Для понимания развития боспорской погребальной архитектуры III–II вв. до н.э. очень важны склепы трёх *Тарасовских курганов*, в особенности Первого и Третьего. Эти курганы были раскопаны В.Г. Тизенгаузенем в 1883 г. в окрестностях Анапы [рис. 74; ОАК за 1882–1888 гг., с. XXIX; Ростовцев, 1913-14, с. 109 сл.; Виноградов, 2012а, с. 182]. К сожалению, все они были ограблены, и никаких материалов, позволяющих датировать их более или менее надёжно, у нас нет. Но имеются основания предполагать, что эти курганы были возведены в первой половине III в. до н.э. [Савостина, 1986, с. 87] или не ранее первой половины этого столетия [Ростовцев, 1913-14, с. 111].

3. *Первый Тарасовский курган* [рис. 75; Ростовцев, 1913-14, с. 109-110; Савостина, 1986, с. 97, № 23]. Обнаруженная здесь погребальная конструкция состояла из длинной открытой галереи (дромоса), примыкавшей ко входу в склеп. Вход был ограничен по боковым сторонам двумя антами и увенчан дорическим фронтоном. Длина дромоса – 4,90 м³⁴, ширина – 2,24 м. Затем следовала первая камера (вестибюль или преддверие) с плоским покрытием (1,39 × 1,01 м), откуда можно было попасть в главную камеру (3,55 × 2,08 м, высота – 2,99 м). Вход в неё тоже был оформлен антами с капителями. Эта камера была перекрыта шестью плитами, составляющими уступчатый свод. Нижний уступ имел острые очертания граней, все остальные

---

³⁴ Все размеры Тарасовских склепов сняты с их планов [см. также: Ростовцев, 1913-14, табл. XXXV–XXXVI].

были закруглены. М.И. Ростовцев по этому поводу заметил, что погребальная камера должна была иметь роспись, но археологи её, скорее всего, просто не заметили [Ростовцев, 1913-14, с. 110].

4. *Второй Тарасовский курган* [рис. 76; Ростовцев, 1913-14, с. 110, табл. XXXVI, 1-4; Савостина, 1986, с. 97, № 24]. Обнаруженный здесь склеп имел более простое устройство. Он состоял из погребальной камеры с уступчатым перекрытием ($2,90 \times 1,97$ м, высота – 2,13 м) и примыкающего к ней короткого дромоса ($1,53 \times 1,26$ м) с плоским перекрытием из каменных плит.

5. *Третий Тарасовский курган* [рис. 77; Ростовцев, 1913-14, с. 110, табл. XXXV, 1, XXXVI, 5-8; Савостина, 1986, с. 98, № 27]. Погребальная конструкция этого кургана демонстрирует ту же самую планировку, что и в склепе Первого кургана, но с определёнными отличиями. Этот склеп на всём своём протяжении имел одинаковую ширину (1,83 м), т.е. представлял собой своего рода коридор, разделённый двумя парами выступов на три части. Первой из этих частей был открытый дромос (длина – 3,39 м), затем шла небольшая комната ($0,88 \times 1,83$ м), далее – главная погребальная камера ($2,74 \times 1,83$ м, высота – 2,79 м). Входы в обе камеры были обрамлены антами с базами и капителями; над антами входа в первую располагался дорический фронтон. Обе камеры имели уступчатое перекрытие, в первой оно состояло из трёх рядов, во второй – из четырёх. В последней были срезаны не только острые грани, но косо срезаны все выступающие внутрь поверхности плит.

6. Очень большое научное значение имеет склеп, открытый В.Г. Тизенгаузенем в *Султан-Кургане* (его также называют *Султан-Горой*) около станицы Гостогоаевской под Анапой в 1883 г. [ОАК за 1882-1888 гг., с. XXVIII-XXIX; Ростовцев, 1913-14, с. 111; Савостина, 1986, с. 97-98, № 26; Виноградов, 2012а, с. 182-183]. Курган был весьма крупным; его высота достигала 10,65 м, а длина окружности насыпи – 213 м. Каменная гробница была построена «над материком», т.е. на слое курганной насыпи. Несмотря на скудность оставленной исследователем полевой документации (у нас нет даже плана раскопа!), можно констатировать, что склеп состоял из трёх частей – дромоса и двух камер. Вход в дромос (ширина – 1,02 м) был закрыт каменной плитой; его размеры составляют $3,38 \times 2,04$ м, высота – 3,38. Е.А. Савостина считает, что дромос был «перекрыт архитравной плитой» [Савостина, 1986, с. 98], что не просто для понимания и, вероятно, неверно. На самом деле, всё гораздо любопытней – В.Г. Тизенгаузен описал дромос как помещение «с тремя карнизами, нависающими один над другим». Каменные плиты перекрытия были уложены на них сверху. На наш взгляд, вполне очевидно, что эти «карнизы» являются обычными уступами, но имеющими не остроугольные, а закруглённые очертания. Подобное срезание углов уступов можно видеть в Тарасовских курганах (см. № 3 и 5). Общая конструкция дромоса при этом имеет сходство со входом в склеп № 2 Большой Близницы (см. № 1), где плиты перекрытия были уложены на три нависающих друг над другом выступа.

Пол дромоса был земляным. Автор раскопок отметил, что в нём были обнаружены лошадиные кости. Здесь же было найдено поломанное бронзовое кольцо, которое

он отнёс к уздечному набору. На этом основании можно считать, что в дромосе Султан-Кургана были совершены захоронения коней.

Вход в первую камеру имел ширину 1,02 м. Размеры её были очень небольшие (1,60 × 1,78 м, высота стен – 1,02 м, высота до верхней плиты перекрытия – 2,18 м). Перекрытие было уступчатым («египетским», как его назвал В.Г. Тизенгаузен). Эта камера была оштукатурена и имела каменный пол.

Вход во вторую камеру имел ширину 1,06 м. Её размеры составляют 2,80 × 1,82 м, высота была одинакова с первой, т.е. составляла 2,18 м. Автор раскопок отметил, что всего здесь было 9 рядов каменной кладки, из которых 4 приходилось на стены, а 5 – на свод. Эта камера была тоже оштукатурена, имела уступчатый свод и каменный пол. Относительно её внутреннего устройства В.Г. Тизенгаузен отметил, что в стенах имелись две маленькие ниши – над входом, а также в стене, находящейся напротив него³⁵. Он предположил, что в эти ниши «вставлена была перекладина, может быть, для устройства балдахина или навеса над саркофагом, от которого уцелели только небольшие остатки перегнившего дерева». В стены второй камеры были вбиты железные гвозди, на которых, как предположил автор раскопок, «была развешена одежда или сосуды». Из керамических находок он, однако, отметил только «два черепка от горла расписной вазы и три обломка другого глиняного, чрезвычайно тонкого сосуда». Это описание не даёт надёжных оснований для более или менее чёткой хронологической атрибуции склепа Султан-Кургана. Его обычно датируют в пределах IV–III вв. до н.э. [Савостина, 1986, с. 97, № 26], поздняя дата, на наш взгляд, предпочтительней.

Сходство этого склепа с гробницами Тарасовских курганов вполне очевидно. В данном случае, правда, не следует забывать о кургане Карагодеуашх, хотя тот расположен довольно далеко от греческих городов Боспора [Артамонов, 1966, с. 74–77; Анфимов, 2011², с. 137–142]. Он тоже был построен на слое насыпи и тоже состоял из нескольких частей – дромоса и трёх камер [Лаппо-Данилевский, Мальмберг, 1894, с. 7, табл. I]. Любопытно при этом, что части колесницы и кости двух или трёх лошадей находились в первой из них.

7. *Фанагорийский склеп 1962 г.*, вероятно, был возведён на рубеже II и I вв. до н.э. [Сокольский, 1972]. Эта сравнительно небольшая гробница представляет собою подобие каменного ящика, впущенного в материк (внутренние размеры – 2,00 × 1,05–1,12 м, высота – 0,95 м). Однако её перекрытие было сделано уступчатым, хотя и состояло всего из одного нависающего ряда плит. Любопытно при этом, что угол этого уступа был косо срезан. Обычного каменного дромоса гробница не имела, вход в неё (ширина – 0,43 м) находился с восточной стороны, перед ним, по всей

---

³⁵ Автор раскопок назвал эту стену западной, хотя выше писал, что вход в склеп вёл на восток, а это означает, что стена, находящаяся напротив входа, должна быть восточной. В этом несоответствии описаний надо видеть ещё одно проявление неоднократно отмечавшейся небрежности В.Г. Тизенгаузена к проведению раскопок и составлению археологической документации.

видимости, был сделан спуск. В противоположной входу западной стене имелась ниша. Вдоль одной из длинных стен находилась лежанка, сложенная из каменных плит. Н.И. Сокольский интерпретировал этот склеп как семейный. Гробница была ограблена, но обнаруженные в ней костные остатки позволяют считать, что здесь было совершено не менее пяти погребений [Там же, с. 116].

Автор раскопок обратил особое внимание на косой срез выступа перекрытия, отметив, что это выдаёт стремление строителей склепа округлить свод, придать ему сходство с «циркульными» [Сокольский, 1972, с. 121]. Он, правда, не обратил никакого внимания на то, что подобные «срезы» можно видеть в склепах Первого и Третьего из Тарасовских курганов, а также в склепе «Пигмеев», расположенном в окрестностях Керчи.

8. *Склеп «Пигмеев»* был открыт Д.В. Карейшей в 1832 г. на продолжении горы Митридат [рис. 78; см.: Ростовцев, 1913-14, с. 137-149; Блаватский, 1964а, с. 121; Савостина, 1986, с. 97, № 25; Тункина, 2002, с. 180, 182, рис. 67; 2010б, с. 539-541]. Он состоял из двух частей: погребальной камеры (3,19 × 2,67 м, высота – 1,9 м) и преддверия (1,8 × 1,8 м, высота неизвестна). Камера имела уступчатое перекрытие из четырёх рядов на две стороны, при этом угол нижнего уступа был косо срезан. Склеп был расписан; орнаментальная композиция представляла битву пигмеев с журавлями. Этот памятник обычно датируют II-I вв. до н.э. [Савостина, 1986, с. 97, № 52]³⁶.

9. К тому же типу, вероятно, следует относить гробницу, исследованную *около Царского кургана* в 1955 г. [Цехмистренко, Кунин, 1959; Савостина, 1986, с. 98, № 31]. Она была заглублена в материк, дромос представлял собой короткий спуск, а погребальная камера была разделена на две части (её общие размеры – 7,46-7,48 × 2 м). В восточной стене гробницы была вырублена ниша – деталь не характерная для относительно ранних уступчатых склепов. Исследователи атрибутируют этот памятник в пределах IV-III вв. до н.э. [Цехмистренко, Кунин 1959, с. 255], но поздняя датировка представляется явно предпочтительней.

10. *Склеп кургана в пос. Аршинцево*, обнаруженный в 1950 г. [рис. 79; Чуистова, 1952], состоял из погребальной камеры (2,93 × 2 м) и ведущего к ней с юго-запада дромоса. В обеих стенах дромоса было сделано по нише. Оси камеры и дромоса при этом не совпадали, так что юго-восточная стена у них составляет одну линию. Такое размещение дромоса не было случайным, поскольку подобное отклонение оси дромоса от главной оси склепа представлено уже в Куль-Обе (рис. 40; см. главу 2.6, № 2). Перекрытие имело всего два уступа. Склеп был ограблен, но вполне очевидно, что в нём было совершено два погребения. Раннее можно датировать III в. до н.э. [Чуистова, 1952, с. 224].

³⁶ А.Л. Ермолин считает, что склеп «Пигмеев» относится к римской эпохе [Ермолин, 2007, с. 107], но он совсем не учитывает находок, которые были сделаны Д.В. Карейшей во время раскопок кургана, а они указывают на более раннее время [см.: Ростовцев, 1913-14, с. 143-144].

11. *Небольшой склеп 1876 г.* с уступчатым перекрытием, открытый А.Е. Люценко в Керченской крепости, который никогда не привлекал внимание учёных [Виноградов, 2012а, с. 121-122]. Он очень близок по устройству с № 10. Если судить по сохранившемуся чертежу, размеры погребальной камеры составляли $2,60 \times 2,35$ м, при высоте 2,15 м [Виноградов, 2012а, с. 131, рис. 53]. Перекрытие имело четыре уступа; дромос с таким же перекрытием вёл к камере с востока. Оси дромоса и камеры здесь не совпадали, их южная стена составляла единую линию. Склеп, скорее всего, был полностью ограблен, во всяком случае А.Е. Люценко не сказал ни единого слова о сделанных здесь находках. По этой причине хронологическая атрибуция этого памятника вызывает большие затруднения, но, учитывая удивительное сходство его планировки со склепом № 11, его вполне можно отнести к III в. до н.э.

12. *Двойной пантикапейский склеп 1956 г.* датирован III–II вв. до н.э. [Блаватский, 1960, с. 185-186]. Он состоит из двух симметрично расположенных частей (восточной и западной), впущенных в материк. Входы в них находятся с юга. Обе конструкции разделены на две части. За входом расположена первая камера, имеющая почти квадратную форму ($1,40 \times 1,35$ м в восточной части и $1,30 \times 1,35$ м в западной). Отсюда через особый проход можно было попасть в погребальные камеры (размеры восточной – $2,48 \times 1,57$ м, западной – $2,40 \times 1,58$ м). Полы в обоих случаях находились на 0,40 м ниже, чем в первой камере. Перекрытие состояло всего из двух уступов.

13. Чрезвычайно любопытный памятник такого типа был открыт недавно на Керченском полуострове, *около посёлка Героевка* [Ермолин, 2010, с. 67-68, рис. 6]. При его строительстве были использованы плиты какого-то другого, расписного склепа (храма?). Погребальная конструкция, имевшая уступчатое перекрытие, состояла из двух камер; к ней вёл открытый дромос. Вход в камеру был оформлен пилястрами, на которых сохранились остатки росписи. Первая часть склепа была небольшой по площади и весьма узкой ($0,71 \times 1,51$ м), погребальная камера была более просторной ($2,72 \times 1,87$ м, высота – 1,92 м). А.Л. Ермолин датировал этот склеп не ранее второй половины IV в. до н.э. [Ермолин, 2010, с. 68], но, скорее всего, он относится к III в. до н.э.

Чем же интересны уступчатые склепы III–II вв. до н.э.? Прежде всего, обратим внимание, что в количественном отношении они распределены почти в равной степени между двумя сторонами Боспора: 7 на азиатской и 6 на европейской. Однако в качественном отношении погребальные памятники Азиатского Боспора вновь имеют преимущество, что в первую очередь относится к Большой Близнице и Тарасовским курганам.

Не трудно заметить, что почти все перечисленные склепы имеют заметные отличия от аналогичных памятников IV в. до н.э. Лишь склепы Большой Близницы (№ 1 и 2 нашей нумерации) сохранили старые традиции – однокамерная гробница с ведущим к ней дромосом, но они являются самыми ранними в этой группе. Все остальные отошли от этих традиций в большей или меньшей степени. Наиболее отчётливо отличия выражены в двух погребальных сооружениях Тарасовских

курганов (№ 3 и 5). Эти склепы были разделены на две камеры, при этом входы в обе камеры имели богатый архитектурный декор, что, как уже было сказано, не было свойственно для боспорской погребальной архитектуры IV в. до н.э. М.И. Ростовцев сравнивал фасады склепов Тарасовских курганов с погребальными памятниками Македонии [Ростовцев, 1913-14, с. 110-111], и в этом он, как сейчас представляется, был вполне прав. Склеп Султан-Кургана (№ 6), по всей видимости, не имел архитектурного декора, как Тарасовские, но он, подобно им, был разделён на две камеры. То же самое видим и на примере других памятников (№ 9, 12, 13). Это членение, на наш взгляд, является принципиально важной особенностью уступчатых склепов рассматриваемого времени.

Вопрос о появлении этого новшества в оформлении погребальных памятников на Боспоре представляется чрезвычайно сложным. Сугубо гипотетически можно допустить, что все эти изменения объясняются развитием местной традиции, творчеством боспорских архитекторов. С другой стороны, представляется вполне очевидным, что боспорские мастера трудились не в безвоздушном пространстве и были прекрасно осведомлены обо всех новых явлениях, получивших распространение в Средиземноморье. В этом отношении рискнём высказать предположение, что обозначенные конструктивные особенности были связаны с широким распространением в античном мире так называемых «македонских» склепов. Важной их особенностью, как было сказано выше (см. главу 2.6), было деление погребальной камеры на две неравные по площади части. Эта планировочная схема, как представляется, нашла применение и в склепах с уступчатым перекрытием.

Не случайным представляется и то, что уступы перекрытия в очень показательных для этого времени склепах Тарасовских курганов (№ 3, 5), а также в Фанагорийском склепе (№ 7) и в склепе «Пигмеев» (№ 8) в большей или меньшей степени были срезаны, в чём тоже можно видеть отход от старой моды. Ещё раз отметим, что Н.И. Сокольский полагал, что косой срез угла перекрытия в фанагорийском склепе демонстрирует стремление строителей придать своду округлые очертания, уподобить его «циркульному» [Сокольский, 1972, с. 121]. В этом отношении он, как представляется, был в известной степени прав.

На наш взгляд, эти памятники, на которые современные исследователи почти не обращают внимания, дают в высшей степени показательный пример адаптации на Боспоре новых идей, пришедших, скорее всего, из Македонии, возможно, через Фракию. Как можно видеть, боспорские архитекторы знали об этих нововведениях, но совсем не стремились их слепо повторять. Меняя план погребальной камеры, разбивая ее на две части, они во многих случаях упорно старались сохранить старую, хорошо зарекомендовавшую себя традицию возведения уступчатых перекрытий. Уступчатый свод, как можно полагать, был важен для них не только как достаточно простой приём перекрытия погребальной конструкции, но и как очевидная ассоциация с впечатляющим символом лестницы, ведущей на небеса.

Должной научной оценки, конечно, заслуживает и тот факт, что некоторые склепы с уступчатым перекрытием имели роспись (Большая Близница, склеп «Пигмеев»), хотя по своей конструкции они как будто не очень этому соответствуют.

Ещё одна, на сей раз не очень заметная деталь, связывающая оба типа склепов, заключается в появлении ниш. В погребальных комплексах IV в. до н.э. они ни разу не отмечены, но имеются как в «македонских», так и в уступчатых склепах III в. до н.э. (№ 7, 10, вероятно, № 6).

В.Д. Блаватский считал, что открытый им двойной склеп (№ 12) заполняет лакуну между уступчатыми гробницами Юз-Обы и склепом «Пигмеев» [Блаватский, 1960, с. 186]. Это утверждение выдающегося исследователя боспорских древностей не во всём справедливо, и по этой причине оно нуждается в кратком комментарии. Прежде всего, в нём выражено устойчивое представление о том, что уступчатые склепы являются доминирующим типом погребальных сооружений в некрополе Юз-Оба, что на самом деле не так [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 132]. Далее исследователь напрочь забыл о погребальных памятниках Азиатского Боспора (склепы Большой Близницы и Тарасовских курганов). Учитывая эти памятники, можно сказать, что два уступчатых склепа Большой Близницы (№ 1 и 2 нашей нумерации), скорее всего, являются более поздними по сравнению с юз-обинскими. Ещё позднее были возведены Тарасовские курганы (№ 3-5) и Султан-Курган (№ 6). На протяжении III в. до н.э. была возведена ещё целая группа склепов (№ 10-11, 13). Только после всей этой серии гробниц можно поставить пантикапейский склеп 1956 г. (№ 12), затем следует размещать склеп «Пигмеев» (№ 8) и самым последним – фанагорийскую гробницу (№ 7).

В заключение следует ещё раз обратить внимание на то важное обстоятельство, что склепы с уступчатым сводом, относящиеся к III–II вв. до н.э., распределены почти в равной пропорции на обеих сторонах пролива – 7 памятников на Азиатском Боспоре и 6 на Европейском. Правда, погребальные памятники Таманского полуострова, как правило, являются более монументальными и более пышно отделанными (Большая Близница, Тарасовские склепы, Султан-Курган). На Европейском Боспоре лишь склеп «Пигмеев» в определённой степени к ним приближается, все остальные являются очень скромными. В общем, даже несмотря на равное количественное соотношение, можно признать, что боспорские уступчатые склепы с III в. до н.э., как и склепы «македонского» типа (см. главу 2.8), демонстрируют «культурное преобладание» элиты Азиатского Боспора. Именно она в это время олицетворяла культурное развитие всего государства.

В отношении курганов, сосредоточенных в окрестностях Анапы, необходимо сказать особо. Традиция их возведения, как представляется, возникла именно в это время. При этом М.И. Ростовцев обратил внимание, что они почти все относятся к III в. до н.э. [Ростовцев, 1925, с. 297]. Причины такого явления найти не просто, во всяком случае их вряд ли следует объяснять особым ростом материального благосостояния жителей Горгии, общим благополучием жизни в городе и его округе.

Напротив, история Горгиипии в III–II вв. до н.э., какой она представляется в результате археологического изучения, была весьма драматичной [Алексеева, 1997, с. 44–47]. Анапские курганы, тем не менее, позволяют считать, что роль элиты Горгиипии в системе Боспорского царства в это время заметно усилилась. Стоит обратить внимание, что в окрестностях города представлены все известные на Боспоре типы монументальных погребальных сооружений: уступчатые склепы (Тарасовские курганы, Султан-Курган) и склепы «македонского» типа (Анапский и Благовещенский курганы). Добавим, что недалеко от Анапы был расположен один из самых показательных памятников этого времени с варварскими чертами – Мерджаны, о котором будет сказано ниже (см. главу 2.11, № 7).

2.10. Другие элитные погребальные памятники III–II вв. до н.э.

Под категорию «другие» в данном случае отнесены погребения, совершённые не в монументальных склепах, а в каменных гробницах, имеющих плоское перекрытие из каменных плит.

1. В их ряду первое место занимает *курган на Лысой горе под Таманью*, разрытый грабителями в 1916 г. и затем исследованный В.В. Шкорпилом [см.: Гладкий, 1916; Соколов, 1919; Ростовцев, 1925, с. 289-290; Гайдукевич, 1949, с. 284; Виноградов, 2010г; Тункина, 2010а, с. 75]. В этом кургане был открыт большой каменный склеп (4,22 × 2,30 м), перекрытый каменными плитами, внутри которого находился мраморный саркофаг, отличающийся крупными размерами и тонкостью отделки [см.: Гриневиц, 1928; Пятышева, 1949; Соколов, 1973, с. 72-73; Журавлёв, 2010, с. 301-302, рис. 9]. Есть все основания трактовать этот склеп как усыпальницу знатной греческой семьи Гермонассы, использовавшуюся в конце IV – первой половине III вв. до н.э. [Виноградов, 2010г, с. 117-118]. По поводу гробницы, открытой на Лысой горе, ещё раз приходится отметить, что она является самым крупным сооружением такого типа из открытых на Боспоре, а происходящий из неё мраморный саркофаг вообще уникален для этого района. Этот пример, как представляется, вновь демонстрирует, по крайней мере, большее богатство элиты Азиатского Боспора и, вероятно, её особое значение в системе Боспорского государства.

2. *Анапская гробница 1881 г.* [см.: ОАК за 1881 г., с. VI сл.; ОАК за 1882-1888 гг., с. 31 сл., табл. I; Ростовцев, 1925, с. 297-298]. Грунтовая могила, обложенная каменными плитами и перекрытая такими же плитами, была обнаружена в поле одного из курганов, лежавших к востоку от города. В этой гробнице среди золы, древесного угля и обгоревших человеческих костей был найден весьма богатый набор погребального инвентаря: золотая стленида в виде волнистых, расчёсанных на две стороны волос [ОАК за 1882-1888 гг., с. 31-32, табл. I, I], золотой веночек (рис. 80, 3), часть золотой орнаментированной ленты (рис. 80, 2), золотой браслет (рис. 80, 4), золотые височные подвески с изображением nereidy (рис. 80, 5), золотые бляшки с изображением восьми-

лучевых звёзд (рис. 80, 1)³⁷, серебряная фляга с круглым дном (рис. 80, 7), серебряный алабастр, ручка бронзового сосуда, украшенная бараньей головой на конце (рис. 80, 8) и пр. Наличие стленгиды и характерных височных подвесок роднит этот комплекс с гораздо более роскошным набором украшений из погребения жрицы в склепе № 1 Большой Близицы. На наш взгляд, есть основания полагать, что анапская гробница тоже принадлежала жрице (см. также главу 5.5).

Хронологическая атрибуция этой кремации весьма затруднена. М.И. Ростовцев считал её относительно поздней, отмечая, что скань на золотых предметах заменена проволокой с насечкой. Золотые бляшки со звёздами он датировал II в. до н.э., а бронзовую ручку относил к сосудам, имевшим широчайшее распространение в позднеэллинистическое и римское время [Ростовцев, 1925, с. 298]. М. Пфроммер, однако, датировал этот комплекс не ранее третьей четверти III в. до н.э. [Pfrommer, 1990, S. 260-261, FK 116], и он имел для этого основания. Бронзовые сосуды в форме ковша с ручкой, украшенной желобками и заканчивающейся бараньей головкой, обычно ассоциируются с довольно поздним пластом древностей. Принято считать, что они изготавливались по позднеалександрийским образцам в мастерских Италии начиная с середины I в. до н.э., а в I в. н.э. появились на территориях севернее Дуная и в Северном Причерноморье [см.: Смишко, 1957, с. 240; Eggers, 1951, S. 174, Taf. 13, 154-155; Filip, 1952, p. 149, obr. 83, 5, p. 151-152; Maksimenko, 1986, p. 82, pl. 74]. На самом деле такая форма имеет более древнюю историю – подобный сосуд происходит из «Гробницы Филиппа» в Вергине, а также из других близких ей по времени гробниц Македонии [Andronikos, 1984, p. 157, fig. 123].

3. Очень важный памятник, относящийся к категории элитных, был открыт в 1886 г. на мысе Тузла – это *гробница № 57 Пятого кургана* [рис. 81; ОАК за 1882–88 гг., с. LXXXV-LXXXVI, СIII-CIV; Кашаев, 2013б, с. 395–398, рис. 17–19]³⁸. Он долгое время не привлекал внимание исследователей и по этой причине заслуживает более подробного рассмотрения.

Гробница, сложенная из каменных плит и перекрытая такими же плитами, была открыта в поле Пятого кургана. Её внутренние размеры составляли: длина – 1,96 м, ширина – 0,89 м, глубина – 0,71 м. В гробнице был обнаружен мужской костяк. На черепе погребённого находился золотой лавровый венок (рис. 81, 4) и золотая индикация (рис. 81, 1), по бокам черепа стояли две чернолаковые вазы [см.: Кашаев, 2013б, с. 398, рис. 18]. Возле правой руки – большое чернолаковое блюдо [Кашаев, 2013б, с. 398, рис. 19, 2] и серебряная чаша, украшенная бордюром из шариков (рис. 81, 3); возле левой руки – серебряный киаф (рис. 81, 5), серебряное ситечко (рис. 81, 2), железный стригиль, кусок губки и кусок кожи «с порошком красной краски».

³⁷ О золотых бляшках круглой формы с оттиснутой на них звездой и их связи с властной символикой царей Македонии см. главу 2.7.

³⁸ По нумерации С.В. Кашаева, это гробница № 41 [см.: Кашаев, 2013б, с. 395–398, рис. 17–19].

С.В. Кашаев, опираясь на керамические находки, датировал это погребение второй половиной – концом III в. до н.э. [Кашаев, 2013б, с. 396]. Такая датировка, в общем, допустима, но с ней не очень хорошо соотносятся другие найденные в этой гробнице предметы.

Золотая индикация (рис. 81, 1) является оттиском с реверса монеты Родоса [ср.: Зограф, 1951, табл. XVII, 5, 6; Hoover, 2010, p. 330-341, no. 1409, 1416, 1422, 1432, 1441, 1465, 1466]³⁹. На ней хорошо читается изображение цветка граната или розы, хорошо известное также по родосским амфорным клеймам. Золотой венок (рис. 81, 4) является важным элементом боспорских аристократических погребений [Трейстер, 2014]. Судя по рисунку, он сделан достаточно аккуратно. Листы включены в трубку основы венка, по этой причине веночек достаточно реалистично имитирует лавровую ветвь, что характерно для традиции классического и раннеэллинистического времени [ср.: Hoffman, Davidson, 1966, p. 258-259]. В позднем эллинизме золотые листы стали попросту навязывать на основу, что, в частности, можно видеть на венках из Артюховского кургана [Максимова, 1979, с. 41–44]. Серебряный киаф (рис. 1, 5), с помощью которого вино разливалось по чашам, относится к типу, характерному для позднего эллинизма с его более глубоким черпаком [Strong, 1966, p. 92, fig. 21; Максимова, 1979, с. 80-81, кат. 4-5]. С винной сферой явно связано и серебряное ситечко (рис. 81, 2), но среди реалий боспорской археологии оно как будто не имеет аналогий.

Серебряная круглодонная чаша (рис. 81, 3) очень типична для времени позднего эллинизма. Д.Е. Стронг относил этот тип ко времени после 200 г. до н.э. [Strong, 1966, p. 107–109, fig. 24]. Он выделил здесь две главные формы – глубокую полу-сферическую чашу и глубокую коническую чашу, предложив для обеих название *мастос*, что, в принципе, допустимо. Все эти сосуды обычно лишены орнаментации с наружной стороны, внутри же они часто украшены фризом из рельефного жемчужника под краем и порой имеют богатый растительный декор на дне. Такие богато орнаментированные чаши, знаменующие первый шаг на пути к эллинистическому койне, датируют III в. до н.э. [von Bothmer, 1984, p. 54; Мордвинцева, Трейстер, 2007, с. 28]. Тузлинская чаша скорее принадлежит этому койне, хотя и не в полной мере. Она украшена жемчужником не только с внутренней, но и с наружной стороны. На Боспоре подобные сосуды известны в погребальных комплексах, которые никак нельзя датировать раньше II в. до н.э.: Артюховский курган [Максимова, 1979, с. 80-81; Мордвинцева, Трейстер, 2007, с. 29, Кат. Nr. 7.2-3], Буерова Могила [Мордвинцева, Трейстер, 2007, с. 29, Кат. Nr. A26.1], Ахтанизовский клад [Спицын, 1909, с. 22, № 17; Мордвинцева, Трейстер, 2007, с. 29-30, Кат. Nr. B1.1; Власова, 2009, с. 67-68, табл. 1, 2].

³⁹ На реверсе родосских монет цветок розы в кольце из точек мог чеканиться в начале III в. до н.э. и позднее – в начале II в. до н.э. [Hoover, 2010, p. 336, no. 1441] и даже в середине этого столетия [Hoover, 2010, p. 341, no. 1466].

Помимо перечисленных предметов, в отчёте о раскопках упомянут железный нож и кусок кожи «с порошком красной краски». В общем, инвентарь погребения вполне соответствует его атрибуции как мужского. «Женские» вещи (к примеру, зеркало, бусы, серьги и пр.) здесь отсутствуют. Столь же очевидно, что весь набор погребального инвентаря вполне можно признать греческим, в его составе нет находок, которые можно было бы уверенно связать с миром варварских племён. В этом контексте, правда, несколько странно выглядит кусок кожи (очевидно, кожаный мешочек) с красным порошком. В богатых мужских погребениях Боспора ничего подобного засвидетельствовано не было.

Эта деталь, возможно, связывает этот комплекс с миром восточных варваров. В погребениях савроматов и ранних сарматов (прохоровская культура) часто встречаются кусочки угля, мела, реальгара, охры и т.п. [Смирнов, 1964, с. 94–96; Мошкова, 1963, с. 23]. Считается, что в идеологических представлениях этих древних народов важное место занимали такие взаимосвязанные понятия, как «солнце – свет – огонь» [Смирнов, 1989, с. 165]. Эти представления сарматы (сираки) принесли с собой во время их расселения в Прикубанье [Марченко, 1996, с. 98, 111–112]. Сарматские влияния прослеживаются на материалах некоторых элитных погребальных памятников Боспора эпохи эллинизма (Ак-Бурун, Зеленской курган, Буерова Могила и др.).

Что касается датировки гробницы № 57, то она, как представляется, может заходить в первую половину II в. до н.э., но не очень далеко. Почти нет сомнений, что впускное погребение в Пятом кургане Тулинского некрополя было совершено раньше главных комплексов Артюховского кургана.

4. В Восточном Крыму наиболее замечательные памятники этого времени представлены *в некрополе у Карантинного шоссе* под Керчью. Этот некрополь исследовался А.Б. Ашиком и Д.В. Карейшей в 1834–1835 гг., и документация по нему весьма скудна и несовершенна [см.: Тункина, 2010б, с. 548 сл., 576 сл.]. Тем не менее, есть все основания считать, что здесь была открыта любопытнейшая группа погребений III в. до н.э., из которых происходит целая серия весьма показательных для своего времени серебряных сосудов. Впервые эта серия была оценена таким образом М.И. Максимовой в её труде, посвящённом Артюховскому кургану. Исследовательница отнесла эти погребения к первой половине или первой трети III в. до н.э. [Максимова, 1979, с. 72]. Тем самым она выделила серию сосудов, происходящих из гробниц Карантинного шоссе, отличая их от более ранней серебряной посуды, найденной в Зеленском кургане, с одной стороны, и более поздней, обнаруженной в Артюховском кургане, с другой. По представлению М.И. Максимовой, набор сосудов Карантинного шоссе занимает как бы срединную позицию между двумя обозначенными комплексами. Эта точка зрения, нашедшая поддержку в отечественной науке, была оспорена М.Ю. Трейстером. По его мнению, о «комплексе погребений Карантинного шоссе» вообще не стоит говорить, поскольку в него включены различные погребения, материалы из которых по существу не изучены [Трейстер, 2010, с. 596]. С последним заключением уважаемого исследователя невозможно не согласиться, поскольку

насушная необходимость полноценного введения в научный оборот материалов всех гробниц, открытых во время строительства Карантинного шоссе, ощущается всё острее и острее. Несмотря на это, пусть в значительной степени умозрительно, представляется возможным считать, что среди этих гробниц имеются погребения боспорской элиты второй половины III в. до н.э., при этом элиты не самого высокого ранга, но игравшей существенную роль в истории Боспорского государства.

Очень важный памятник некрополя был исследован Д.В. Карейшей в октябре 1834 г. Он вошёл в научную литературу под названием «*курган Аморетти*»⁴⁰. Здесь были открыты три плитовые гробницы, одна из которых была разграблена рабочими, а другие раскопаны археологами; они содержали весьма богатый погребальный инвентарь. В первой гробнице были найдены золотой лавровый венок, золотая бляшка круглой формы, железный стригиль, большая каннелированная пелика и пр. [Тункина, 2010б, с. 548–550]. Вторая гробница содержала гораздо большее число предметов: золотой лавровый венок, золотое ожерелье, две золотые булавки, драгоценные кольца, золотая монета Филиппа Македонского и пр. [Тункина, 2010б, с. 550–554]. Несмотря на значительный хронологический разрыв вещей, приписываемых к этому комплексу, М.Ю. Трейстер склонен датировать его последней четвертью III в. до н.э. [Трейстер, 2010, с. 591].

Среди погребальных памятников некрополя особенно показательно *погребение, открытое А.Б. Аишком в ноябре 1834 г.* [см.: Тункина, 2010б, с. 576–580]. В гробнице, сложенной из каменных плит (рис. 81), находились две урны с трупосожжениями, железный шлем с серебряными украшениями [о нём см.: Алексинский, 2008; 2013, с. 61–63], бронзовый щит, железный меч типа махайра и пр., в специальном углублении в полу был положен набор серебряной посуды. Данный памятник был интерпретирован как погребение наёмника, вероятно, предводителя отряда наёмников⁴¹, который, по всей видимости, некоторое время находился на службе в Северной Греции, а затем попал на Боспор, где и умер приблизительно в середине III в. до н.э. [Виноградов, 1997, с. 75; Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 116]. М. Пфроммер датировал этот комплекс второй четвертью III в. до н.э. [Pfrommer, 1990, S. 277, FK 139]. М.Ю. Трейстер, критически пересмотревший всю имеющуюся информацию о погребении воина, предложил датировать его началом третьей четверти III в. до н.э. [Трейстер, 2010, с. 600]. Различие трёх предложенных атрибуций, на наш взгляд, столь не существенно, что дискуссию по этому вопросу вряд ли стоит продолжать.

В заключение этого раздела следует обратить внимание, что охарактеризованные в нём памятники продолжают линию развития греческой погребальной тради-

⁴⁰ И.А. Аморетти – подрядчик работ по сооружению Карантинного шоссе.

⁴¹ Из рассказа Диодора Сицилийского об усобице сыновей Перисада I в 310/9 г. до н.э. известно, что на стороне Сатира сражался отряд наёмников, состоявший из греков и фракийцев (*Diod. XX. 22*), при этом известно даже имя начальника этих наёмников – Мениск (*Diod. XX. 23*).

ции на Боспоре. Анапская гробница 1881 г. (№ 2), как представляется, принадлежала жрице, а в гробнице 1834 г. у Карантинного шоссе (№ 4), вероятно, был погребён предводитель наёмников. Вместе с тем, к III–II вв. до н.э. относятся несколько курганов, в которых в большей или меньшей степени проявляются особенности, связывающие их с миром причерноморских варваров. Все они будут рассмотрены ниже.

2.11. Курганы варварской аристократии на Боспоре III–II вв. до н.э.

На европейской стороне Боспора о памятниках, которые можно было бы отнести к этой группе, не известно. Как уже было сказано, наиболее поздним курганом подобного рода здесь является тот, который был раскопанный на мысе Ак-Бурун в 1875 г. (см. главу 2.7). Почему в начале III в. до н.э. оборвалась традиция совершения погребений варварской аристократии на Европейском Боспоре, сейчас однозначно ответить вряд ли возможно, но это обстоятельство представляется в высшей степени показательным. На азиатской же стороне такие погребальные памятники известны – это некоторые гробницы Большой Близницы, Зеленского кургана, Васюринской горы, а также Буерова могила и Мерджаны.

В кургане *Большая Близница*, кроме захоронений жриц (склеп № 1, каменные гробницы № 4 и 5), которые следует относить к последним десятилетиям IV в. до н.э. (см. главу 2.6), и расписной гробницы (склеп № 2), которую можно датировать началом III в. до н.э. (см. главу 2.9), был обнаружен ещё один склеп (№ 3). Этому памятнику на страницах научных изданий не уделяется большого внимания, но он очень показателен.

1. *Склеп № 3 Большой Близницы* был исследован в 1865 г. [рис. 67; ОАК за 1865 г., с. IV-V; ОАК за 1866 г., с. 5 сл., 67 сл.; Ростовцев, 1913-14, с. 13; Власова, 2010, с. 224–226]. Он был расположен в насыпи кургана, А.Е. Люценко признал его во всём подобным склепу № 1, т.е. уступчатым с небольшим дромосом. В гробнице находился фрагментированный деревянный саркофаг, внутри которого лежал остов мужчины. Рядом с ним были положены 7 длинных копий, большой меч и кинжал. В восточной части гробницы были найдены обломки панциря и поножей со следами позолоты, хорошо известный бронзовый позолоченный шлем в виде фригийского колпака (рис. 73, 3) и золотой оливковый веночек. Одежда погребённого была расшита золотыми бляшками с оттиснутыми на них изображениями крылатых женских существ, голов Медузы, Афины и сатиров. В гробнице были найдены деревянная трость и значительное количество бронзовых наконечников от стрел (рис. 73, 1). Из керамических находок отмечены обломки чернолаковой желобчатой вазы, украшенной золочёной гирляндой вокруг горла. В принципе, такие вазы являются достаточно типичной находкой в элитных погребениях Боспора второй половины IV в. до н.э., но там они обычно встречаются вместе с аттическими краснофигурными сосудами. Отсутствие последних в склепе № 3 позволяет считать, что этот погребальный памятник может относиться к началу III в. до н.э., когда краснофигурная посуда пере-

стала выпускаться и вышла из употребления боспорян. М. Пфроммер датировал его первой четвертью III в. до н.э. [Pfrommer, 1990, S. 272-273, FK 131]⁴².

В отношении склепа № 3 уже давно было высказано суждение, что погребённый здесь воин принадлежал к одному с жрицами семейству [ОАК за 1866, с. 6]. В правомочности такого вывода вряд ли следует сомневаться. Совсем не исключено, что в выборе места для возведения погребального памятника жреческой семьи необходимо было пользоваться определёнными правилами. Возможно, что удалённость от городов, выдвинутость в глубь сельскохозяйственной территории играли здесь не последнюю роль.

2. *Зеленской курган* занимает видное место среди погребальных памятников с варварскими чертами обряда этого времени. Выше было сказано, что в 1866 г. грабителями здесь, возможно, был открыт склеп с уступчатым перекрытием (см. главу 2.3), а в 1910 г. – место тризны или «жжёная гробница», из которой происходят золотой статер Александра Македонского [Зограф, 1945, с. 93–96] и золотой погребальный веночек (сохранилась лишь одна дубовая ветвь) [см.: Уильямс, Огден, 1995, с. 179, кат. 113; Власова, 2010, с. 245, рис. 114; Pfrommer, 1990, S. 286, FK 161].

Во время раскопок В.В. Шкорпила 1912 г. Зеленской курган имел не самые большие размеры (высота – 4,45 м, диаметр – 53 м), но нет сомнения, что первоначально его насыпь была выше. Этот памятник известен, прежде всего, благодаря обнаруженному здесь в земляном склепе набору серебряных сосудов [см.: Гайдукевич, 1949, с. 132, 134-135, рис. 21-22; Максимова, 1979, с. 74-75, рис. 23, А]. Вообще же Зеленской курган, как показали раскопки, представлял собой довольно сложный комплекс [ОАК за 1912, с. 48-49; Шкорпил, 1916, с. 22 сл.; Ростовцев, 1925, с. 290 сл.; Уильямс, Огден, 1995, с. 178 сл.; Власова, 2010, с. 245–247].

Раскопками 1912 г. в насыпи была открыта *каменная гробница* (2,18 × 0,55 м, глубина – 0,58 м), перекрытая плитами (рис. 82), в которой был погребён воин с золотым венком на голове, многочисленным набором вооружения, большим числом украшений и характерным поясным крючком, сделанным из железа и обтянутым золотым листом. Этот предмет очень близок поясному крючку из кургана Ак-Бурун 1875 г. (рис. 52, 5; см. главу 2.7). С ак-бурунским комплексом это погребение связывают также обнаруженные здесь шаровидные и пр. подвески в золотой оправе и, вероятно, 2 кружочка из серебра с оттиснутыми на них шестиконечными звёздами. В гробнице находилась и чернолаковая каннелированная пелика, украшенная позолоченной гирляндой на горле [Шкорпил, 1916, с. 24-27]. В.И. Бидзиля и С.В. Полин датируют это погребение ранее 300 г. до н.э. [Бидзиля, Полин, 2012, с. 584], а М. Пфроммер относит его к первой четверти III в. до н.э. [Pfrommer, 1990, S. 286, FK 162], и он, как представляется, ближе к истине.

Около юго-западного угла каменной гробницы был обнаружен *косяк лошади*,

⁴² В.И. Бидзиля и С.В. Полин относят склеп № 3 к концу второй – третьей четверти IV в. до н.э. [2012, с. 562], но основания для столь ранней датировки, в общем, не вполне понятны.

среди украшений узды которой были два серебряных кружочка, украшенные рельефными шестилучевыми звёздами, и серебряный налобник с лебединой головкой на верхнем конце [рис. 56, 2; Симоненко, 1982, с. 238, рис. 1, 8, с. 240, № 7; 2010, с. 189–191, рис. 159, 24; 2012, с. 74–75, № 7, с. 84, рис. 1, 11; Полин, 1992, с. 58–60, 189, рис. 12, 7], подобные которому вслед за А.В. Симоненко обычно определяют как позднескифские [Симоненко, 1982; 2012; Канторович, 2007]⁴³. Два схожих налобника, сделанные из железа и плакированные золотом, как было сказано выше, происходят из конской могилы Большого Васюринского кургана (рис. 56, 1; см. главу 2.8, № 1). Ещё раз повторим, что распространение этой детали конской узды в степях Северного Причерноморья мы склонны связывать с культурной трансформацией, происшедшей в регионе в результате крушения Великой Скифии.

К востоку от гробницы воина находился *каменный ящик* (0,59 × 0,57 м, глубина – 1,78 м), частично впущенный в материк. Костей усопших или урны с прахом в нём не было. В ящике было найдено 342 железных наконечника стрел, 93 гладких золотых бусинки, множество тонких и узких золотых пластинок. С восточной и южной сторон от него лежали *костики двух лошадей* [Шкорпил, 1916, с. 28].

К северо-западу от ящика находился *земляной склеп* (1,98 × 1,80 м, глубина, вероятно, – 1,32 м), перекрытый толстыми брёвнами. К нему вёл дромос (0,73 × 1,31 м, глубина – 1,32 м) с таким же перекрытием. В.В. Шкорпил отметил также, что к дромосу с юго-востока, т.е. с противоположной стороны от склепа, примыкала яма (4,01 × 1,98 м, глубина – 1,32 м), назначение которой остаётся непонятным. В гробнице находилась чернолаковая гидрия, украшенная на горле двумя позолоченными венками. Она содержала золу с кремированными человеческими останками, а также некоторое число находок, в том числе часть золотого венка и золотой статер Александра Македонского [Зограф, 1945, с. 93–96]. Вдоль стен гробницы были поставлены различные металлические сосуды, в том числе и упомянутый выше набор серебряной посуды [Шкорпил, 1916, с. 28–32]. М. Пфроммер считает, что самой поздней датой этого погребения может быть начало III в. до н.э. [Pfrommer, 1990, S. 286, FK 163], В.И. Бидзиля и С.В. Полин относят его к 320–310 гг. до н.э. [Бидзиля, Полин, 2012, с. 584].

В северной части раскопа было обнаружено множество фрагментов простой и чернолаковой посуды, вероятно, *остатки тризны*. Среди них – части большой панафинейской амфоры [Шкорпил, 1916, с. 32].

Дата Зеленского кургана определяется благодаря находке панафинейской амфоры, которую атрибутируют в пределах 320/19 гг. до н.э., 317/16 гг. до н.э. или 316/15 гг. до н.э. [см.: Максимова, 1961, с. 17; Уильямс, Огден, 1995, с. 178; Bentz, 1998, S. 226], а также статеров Александра Македонского, отчеканенных

---

⁴³ С.В. Полин датировал этот предмет IV в. до н.э., относя его к продукции греческого производства [Полин, 1992, с. 60]. Тем самым он почти на целое столетие (III в. до н.э.) разорвал традицию развития наносников этого типа, начавшуюся, очевидно, в середине V в. до н.э. [Фіалко, 1996; Канторович, 2007].

в 30–20-х гг. IV в. до н.э. [Зограф, 1945, с. 95]. М.Ю. Трейстер в отношении набора серебряных сосудов из земляной гробницы отметил, что он имеет близкую параллель с сериями сосудов из богатых македонских гробниц последней четверти IV в. до н.э. [Трейстер, 2002, с. 182]. И.В. Тункина даже предложила датировать этим временем весь Зеленской курган [Тункина, 2010а, с. 75; ср.: Бидзиля, Скорый, 2012, с. 580 сл.], что всё-таки не совсем верно, поскольку серебряные сосуды были обнаружены только в земляном склепе. Показательно при этом, что из кургана происходят и более поздние находки – материалы клеймёной амфорной тары, найденные в его насыпи, относятся к концу IV – началу III вв. до н.э. [Брашинский, 1984, с. 140; Монахов, 1999, с. 484]. Золотую фибулу-брошь, происходящую из каменной гробницы, М.Ю. Трейстер датировал первой четвертью III в. до н.э. [Treister, 2002, p. 29, 31]. Таким образом, наиболее важное для нас погребение воина Зеленского кургана следует датировать отнюдь не последней четвертью IV в., а первой четвертью III в. до н.э. [см.: Pfrommer, 1990, S. 286, FK 162].

Сложнее обстоит дело с датировкой *Васюринских курганов*, поскольку они были сильно ограблены. Тем не менее, Е.В. Власова, специально изучившая весь инвентарь комплексов Васюринской горы, достаточно обоснованно считает, что это место использовалось для неоднократных захоронений, по крайней мере, в III–II вв. до н.э. [Власова, 2004а, с. 172]. Относительно обнаруженных здесь склепов «македонского» типа говорилось выше (см. главу 2.8, № 1–2). В данном разделе мы ограничимся лишь кратким упоминанием этих комплексов.

3. *Склеп Большого кургана Васюринской горы* (см. главу 2.8, № 1), исследованный в 1868–69 гг. Эта гробница имела роспись; вдоль лестницы, ведущей к ней, были расположены погребения лошадей. Скорее всего, склеп был возведён в начале III в. до н.э.

4. *Склеп Среднего кургана Васюринской горы* (см. главу 2.8, № 2) исследовался в 1871 г. В нём была обнаружена аналогичная по устройству гробница, но без росписи. К ней тоже вела лестница, рядом с которой были открыты захоронения коней, а также остатки железной колесницы с бронзовыми украшениями. Мы склонны датировать этот склеп второй половиной III в. до н.э.

5. *Комплекс Второго Среднего кургана*, раскопанного на Васюринской горе в 1871–72 гг. В нём была обнаружена разорённая гробница с расположенной рядом с ней тризной, в которой среди углей и золы было найдено большое количество предметов из листового золота, обломки железных мечей и копий, более 60 фрагментов железной кольчуги [Ростовцев, 1913–14, с. 57, Власова, 2004, с. 171–172]. В западной части насыпи был найден большой раздавленный на части бронзовый котёл с четырьмя массивными ручками [Виноградов, 2012а, с. 100, 115, рис. 39]. Происходящие из этого кургана родосские амфорные клейма относятся к 180–150 гг. до н.э. [Власова, 2004, с. 171]. На основании этих находок можно предположить, что Второй Средний курган был насыпан позднее двух первых, вероятно, в первой половине II в. до н.э., но в учёном сообществе на него почти не обращают внимание.

В отношении находок предметов вооружения из этого кургана следует особо остановиться на фрагментах железной кольчуги [см.: Симоненко, 2010, с. 129, рис. 101]. А.В. Симоненко утверждает, что в отношении этой кольчуги «сформировалось очередное положение научного фольклора, совместившее несколько ошибок» [Симоненко, 2010, с. 129]. Действительно, в 1954 г. Н.И. Сокольский, опираясь на эту находку, отметил, что кольчуга появилась на Боспоре на границе IV–III вв. до н.э., однако не быстро нашла здесь широкое применение [Сокольский, 1954б, с. 11]. Е.В. Черненко, принимая эту датировку, заключил, что «мы имеем здесь дело с древнейшим доспехом подобного рода», заметив при этом, что, по имеющейся информации о раскопках, в склепе Большого кургана были найдены обломки панциря, тогда как в собрании Государственного Эрмитажа хранятся 8 обломков кольчуги [Черненко, 1968, с. 55, прим. 3]. А.М. Хазанов лишь расширил датировку васюринской кольчуги до IV–II вв. до н.э. [Хазанов, 1991, с. 60]. По существу, никто из этих авторов не разбирался, к какому погребальному комплексу Васюринской горы эти фрагменты принадлежат, и датировали их чересчур обобщённо. А.В. Симоненко тоже не внёс ясности в этот вопрос, при этом он уверен, что фрагменты кольчуги были найдены в Первом (Большом) Васюринском кургане, «в каком-то впускном сарматском комплексе» [Симоненко, 2008, с. 257; 2010, с. 129], что является уже не фольклорной, а обыкновенной ошибкой. К Первому кургану эта находка не имеет никакого отношения!

Вообще же с А.В. Симоненко можно согласиться в том, что кольчуги вошли в употребление у кельтов в III в. до н.э. [Симоненко, 2008, с. 256–257]. Появление такого защитного доспеха на Боспоре в первой половине II в. до н.э. представляется совсем не удивительным, если учитывать связи этого государства с кельтами, выразившиеся в присутствии кельтских наёмников [Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 113 сл.].

6. *Бурова могила* расположена сравнительно недалеко от Большой и Малой Близниц, к востоку от них, на той же самой холмистой гряде, идущей в сторону Фанагории. В центре кургана была открыта большая каменная гробница, имевшая, по определению автора раскопок И.Е. Забелина, «призматический», т.е. уступчатый свод (см. также главу 2.4, № 24). К сожалению, этот склеп был ограблен, и археологи не придали значения его изучению [ОАК за 1870–1871, XXXI сл.; Виноградов, 2012а, с. 101]. Принадлежность гробницы к IV в. или к началу III в. до н.э. не вызывает сомнения.

Ещё одна, на сей раз неограбленная гробница была открыта несколько ранее в южной части кургана [ОАК за 1870–1871, с. IX сл.; Виноградов, 2012а, с. 100–101; Мордвинцева, Трейстер, 2007, с. 26, Кат. Nr. 26; Власова, 2010, с. 253]⁴⁴. Человеческое захоронение находилось в склепе, сложенном из отёсанных известняковых плит. Здесь был обнаружен весьма богатый сопровождающий инвентарь – золотые вен-

---

⁴⁴ Раскопки Н.П. Кондакова, предпринятые на кургане в 1885 г., не дали никакого результата [ОАК за 1882–88 гг., с. LXXXII; Виноградов, 2012а, с. 184].

ки, золотая гривна (рис. 83, 4), большое количество серебряной и бронзовой посуды и т.п. Очень впечатляет набор оружия: 5 мечей (рис. 83, 1), 6 копий, масса железных наконечников стрел, обломки панциря из кованных железных пластин, такие же пластины от щита (?) и фрагментированный бронзовый шлем с нащёчками [Алексинский, 2013, с. 68]. Рядом со склепом было обнаружено конское захоронение с набором уздечных украшений из бронзовых блях, покрытых серебром и позолотой (рис. 83, 2-3). Эти бляхи, как видим, являются достаточно типичной принадлежностью богатых погребальных комплексов Боспора рассматриваемого времени.

Второй погребальный комплекс Буеровой могилы вслед за М.И. Ростовцевым обычно датируется III–II вв. до н.э. [Ростовцев, 1925, с. 550], хотя М.И. Максимова относила его к более позднему, митридатовскому времени [Максимова, 1979, с. 8-9, прим. 19]. Точная его датировка в настоящее время почти невозможна, так как богатейший инвентарь этого кургана, за исключением отдельных находок [Ростовцев, 1918б, табл. II, 5, 7, 8; III, 4; Максимова, 1969, с. 58, рис. 18), ещё не опубликован и по-настоящему никогда не изучался. Вероятнее всего, это погребение относится ко II в. до н.э. [Мордвинцева, Трейстер, 2007, Kat. Nr. A26].

7. *Курган у д. Мерджаны* (см. также главу 5.5), расположенной недалеко от Анапы, был разрыт местными жителями при случайных обстоятельствах [Ростовцев, 1913, с. 133 сл.; Виноградов, 1998; Мордвинцева, Трейстер, 2007, с. 37, 123, Kat. Nr. B23.1-5; Анфимов, 2011², с. 142]. Имеются сведения, что ими была открыта гробница, в которой находились два костяка – мужской и женский. Рядом с мужским был обнаружен короткий меч или кинжал, около которого лежала знаменитая золотая пластина с изображением сидящей на троне богини и приближающегося к ней всадника (рис. 84, 1). Помимо неё, из кургана происходят ещё одна небольшая золотая пластина от второго ритона (рис. 84, 2), золотой витой браслет (рис. 84, 4), золотые бляшки (рис. 84, 3), янтарная подвеска в золотой оправе (рис. 84, 5), золотая бусина (рис. 84, 6), обломки серебряных сосудов, два литых бронзовых шлема [рис. 84, 7; Алексинский, 2013, с. 68] и пр.

Весь этот комплекс находок обычно датируют концом IV – началом III вв. до н.э. [см.: Ростовцев, 1913, с. 138; 1925, с. 329; Артамонов, 1966, с. 77; Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 222; Диатроптов, 2001, с. 87], однако они явно принадлежат более поздней эпохе. Крупный специалист в области эллинистической тореветики М. Пфроммер считает, что хрестоматийно известная золотая пластина датируется приблизительно 200 г. до н.э. [Pfrommer, 1993, p. 20]. Другие обнаруженные здесь предметы тоже позволяют значительно омолодить приведённую дату и считать, что мерджанский комплекс относится ко II в. до н.э., возможно, ближе к середине столетия [Виноградов, 1998, с. 66; ср.: Мордвинцева, Трейстер, 2007, с. 37, 122].

8. *Султан-Курган под Анапой* (о нём см. главу 2.9, № 6). С варварскими погребальными памятниками его связывают захоронения коней в дромосе склепа.

Основной вывод, который можно сделать на основании анализа восьми названных памятников, не противоречит выводам, сделанным в предыдущих разделах

(см. главы 2.8–2.10), а лишь дополняют их. Кратко охарактеризованные археологические комплексы убеждают нас в том, что с III в. до н.э. погребения туземной знати или, правильнее сказать, погребения с варварскими чертами обряда и инвентаря совершались исключительно на азиатской стороне Боспора. Ещё раз следует повторить, что на Европейском Боспоре последний курган подобного рода был насыпан на мысе Ак-Бурун приблизительно на рубеже IV–III вв. до н.э. (см. главу 2.7), и этот археологический факт никак нельзя признать случайным⁴⁵. На наш взгляд, он является отражением принципиально важной закономерности историко-культурного развития Боспора, всю сложность которого мы ещё плохо понимаем. Тем не менее, следует с полным основанием признать, что с III в. до н.э. ведущая роль в плане греко-варварских взаимоотношений, разумеется, в той их части, которая проявляется на материалах курганных комплексов, переходит на азиатскую часть государства [Виноградов, 2005а, с. 294]. Элитные погребальные памятники Таманского полуострова и района Анапы, несмотря на ряд новых, неизвестных здесь ранее особенностей, которые можно связывать с миром сарматов, в целом продолжают синдо-меотскую погребальную традицию. Контакты с меото-сарматским миром, по всей видимости, имели в это время для Боспора первостепенное значение; былой опоре на Скифию тогда явно пришёл конец. Есть все основания предполагать, что на этом этапе аристократия меото-сарматских племён стала иметь на культуру боспорской элиты большее, чем раньше, влияние.

Резюмируя всё сказанное в предыдущих главах относительно склепов македонского типа (глава 2.8), склепов III–II вв. до н.э. с уступчатым перекрытием (глава 2.9), других элитных погребальных комплексов этого времени (глава 2.10), надо признать, что по всем этим категориям отчётливо проявляется преобладание Азиатского Боспора. По поводу уступчатых склепов это преобладание было не количественным, но качественным, во всех остальных случаях – и количественным, и качественным. Курганы с варварскими чертами обряда ещё более рельефно высвечивают эту закономерность. Приходится констатировать, что после падения Великой Скифии основные экономические, политические и культурные приоритеты Боспорского государства были сосредоточены в его азиатской части [Виноградов, 2015].

2.12. Боспорская элита во время кризиса второй половины II в. до н.э.

Приблизительно в середине II в. до н.э. Северное Причерноморье вступило в период серьёзного кризиса, вызванного очередной волной передвижения кочевников с востока на запад [Виноградов, 2007в]. Это передвижение, как представляется, можно назвать второй волной сарматских миграций [Vinogradov, 2003;

---

⁴⁵ Единственным исключением из этого правила, возможно, является погребение, из которого происходит серебряный конский налобник, относящийся к III–I вв. до н.э. [ДБК, с. 206, 6; атлас, табл. XXX, 6]. А.В. Симоненко приводит информацию, что он был обнаружен в конской гробнице кургана, расположенного под Керчью у дороги на Булганак [Симоненко, 1982, с. 240, № 6; 2012, с. 74, № 6]. В отношении достоверности этой информации, правда, высказаны сомнения [Полин, 1992, с. 57–58].

Виноградов, 2004в]. Тогда через Дон перешли племена роксоланов, языгов и, вероятно, ургов. Это передвижение привело к дестабилизации военно-политической обстановки в регионе, нарушению сложившихся ранее связей греческих государств с варварским миром. Боспорская элита после падения Великой Скифии, как было сказано выше, поддерживала тесные связи с меото-сарматскими племенами Прикубанья. Глобальные перемены в демографической и военно-политической ситуации в степях Северного Понта закономерно вели к серьёзным изменениям боспорской политики по отношению к варварским народам.

Однако следует обратить внимание, что дестабилизация обстановки в мире причерноморских варваров весьма болезненно отозвалась на Боспоре, и прежде всего на его экономической системе. Проявления экономического кризиса, в частности, можно наблюдать на монетной системе Боспорского царства. Д.Б. Шелов указывал, что монетное дело Боспора II в. до н.э. даёт все основания для заключения об экономическом упадке и постепенном политическом ослаблении государства, приведшем в конечном итоге к падению Спартокидов [Шелов, 1956б, с. 205]. По его заключению, во второй половине II в. до н.э. боспорская монетная система совершенно деградировала [Шелов, 1983, с. 46; 1985, с. 561].

Имеющиеся эпиграфические документы позволяют считать, что реальные основы власти Спартокидов на этом этапе особых изменений не претерпели, перемены коснулись лишь их внешних проявлений. Ранних Спартокидов в надписях называли просто по имени, поздних же преимущественно стали обозначать как царей. По обоснованному заключению А.П. Кулаковой, эта перемена свидетельствует не об изменении характера власти поздних Спартокидов, а о трансформации политической системы во всём античном мире, где царская власть стала обычным явлением [Кулакова, 2001, с. 191].

В высшей степени любопытно при этом, что, скорее всего, в самом начале обозначенного кризисного периода на Боспоре имели место какие-то политические перемены, связанные с деятельностью некоего Гигиенонта. Имя этого правителя встречается на немногочисленных монетах (золотых, серебряных и бронзовых) и на клеймах боспорских керамических черепиц. Чрезвычайно показательно, что на монетах Гигиенонт имеет титул архонта, а не царя, хотя последнее для Боспора уже давно стало обычным.

Вопросы о времени его правления и связи с династией Спартокидов вызывают большие споры среди специалистов [см.: Молев, 1994, с. 9-10; 2014]. М.И. Ростовцев относил его правление ко второй половине III в. до н.э., считая, что это время было наполнено рядом династических и политических смут. Архонта Гигиенонта он признавал ставленником пантикапейского гражданства [Ростовцев, 1918а, с. 102]. В.Ф. Гайдукевич во многом следовал такому пониманию, полагая, что Гигиенонт находился во главе Боспора в последней четверти III в. до н.э. и что государство тогда потрясали политические баталии [Гайдукевич, 1949, с. 78]. Д.Б. Шелов датировал его правление последней третью III в. до н.э., признавая, что этот историче-

ситуация в регионе изменилась самым кардинальным образом, и правители Боспора вынуждены были по существу сотрудничать с морскими разбойниками.

В конце концов в результате всех происшедших за несколько десятилетий негативных перемен последний из Спартокидов – Перисад V, «будучи не в состоянии бороться с варварами, требовавшими большей дани, чем прежде, уступил власть Митридату Евпатору» (*Strab.* VII. 4.4). В этом пассаже из «Географии» Страбона немалую дискуссию среди исследователей вызвал вопрос о том, каким именно варварам вынужден был платить дань Боспор. Ответ, казалось бы, прост – поскольку военных сил для отражения варварской угрозы явно не хватало, то платить надо было всем, кто этого требовал, а таких в это время, надо думать, было немало.

В отечественной литературе предпочтение отдаётся точке зрения, что дань выплачивалась скифам [см.: Молев, 1994, с. 114 сл.]. Однако очерченная выше ситуация заставляет с большим вниманием относиться к идее, что это были сарматы [Виноградов Ю.Г., 1987, с. 67–69; 1999, с. 62, прим. 2; Сапрыкин, 1996, с. 140 сл.]. Во всяком случае, есть все основания считать, что именно с их стороны тогда исходила для Боспора основная угроза. Боспоро-скифские отношения, как представляется, носили в это время совсем иной характер. Обнаруженные сравнительно недавно эпиграфические документы, о которых кратко уже говорилось выше (см. главу 2.1), позволяют предполагать самый близкий союз Боспора со скифами, хотя союз этот, по всей видимости, был весьма своеобразным.

Первый из таких памятников – жертвенный стол с надписью, открытый при раскопках святилища на горе Митридат [Толстикова, 1987, с. 88 сл.]. На столе было начертано посвящение дочери Скилура, жены Гераклида, имя которой первоначально было прочитано как Дедмотис [Виноградов, Молев, Толстикова, 1985, с. 590], а затем исправлено на Сенамотис [Виноградов Ю.Г., 1987, с. 58]. По палеографическим признакам надпись уверенно датируется второй половиной II в. до н.э.

Весьма любопытно, конечно, знать, как именно звали знатную женщину, от лица которой было сделано посвящение, однако гораздо большее научное значение имеет не звучание имени, а то, что эта женщина была дочерью Скилура, царя Малой Скифии. Мужем скифской царевны был к тому же не обычный грек, а представитель боспорской аристократии, скорей всего, даже член царской фамилии [Виноградов, Молев, Толстикова, 1985, с. 590–591], и этот брачный союз не был исключением в боспорской истории. Известно, что ещё ранее, возможно во второй четверти II в. до н.э., царица Камасария была замужем за неким Арготом (КБН. 75). Имя Аргот – иранское [см.: Виноградов Ю.Г., 1980, с. 92 сл.], так что имеются веские основания считать, что Камасария вступила в брак с представителем скифской династии [Виноградов Ю.Г., 1987, с. 61]. Можно даже говорить о традиции боспоро-скифских династических браков уже со второй четверти II в. до н.э. Эта традиция, в свою очередь, отражала союз Боспора со скифами, который был направлен на противодействие общему врагу – «воинственным, агрессивным настроенным меотосарматским племенам Приазовья» [Виноградов Ю.Г., 1987, с. 85]. Иными словами,

можно считать, что к середине II в. до н.э. на Боспоре сложилась группировка элиты, активнейшим образом поддерживавшая этот союз, и эту группировку условно можно назвать «скифской партией». В неё входили, конечно, не только выходцы из скифской аристократии, по разным причинам оказавшиеся на Боспоре, но и знатные эллины, во многом связанные с Крымской Скифией, в том числе и брачными отношениями.

Приведённая реконструкция в полной мере подтверждается ещё одним археологическим открытием, которое было сделано в 1999 г. при раскопках Неаполя Скифского. Здесь, около парадных ворот города, были обнаружены фрагменты надписи «могучего Аргота, повелителя Скифии» [Зайцев, 2000, с. 52; 2003, с. 43, 52, 110-111, рис. 40-41; Виноградов, Зайцев, 2003]. Надпись была установлена рядом с гробницей этого человека, возведённой не ранее 130 г. до н.э. [Зайцев, 2003, с. 43]. Есть все основания считать, что названный в ней Аргот и супруг Камасарии – одно и то же лицо. Ю.П. Зайцев в этой связи предполагает, что брак с боспорской царицей (170–150 гг. до н.э.) стал началом политической карьеры этого представителя варварской аристократии, введение Аргота в боспорский царствующий дом было важным межгосударственным актом, во многом определившим дальнейшую его судьбу [Зайцев, 2000, с. 54]. В.А. Сидоренко полагает даже, что в это время имело место политическое объединение Скифии и Боспора [Сидоренко, 2005, с. 68], но такое понимание, скорее всего, является слишком большим преувеличением. Следует говорить о скифо-боспорском союзе, сложение которого было ответом на изменение военно-политической обстановки в Северном Причерноморье или, иными словами, на системный кризис, причиной которого стало продвижение на запад сарматских племён.

Кризис государства обычно ведёт к обеднению значительной части населения, и это можно проследить на некоторых погребальных памятниках Боспора. Особенно показательна в этом отношении одна из охарактеризованных выше гробниц – *уступчатый склеп, обнаруженный под Фанагорией в 1962 г.* (см. главу 2.9, № 7). Эта постройка демонстрирует полное вырождение былых традиций – гробница не имела входа, а её перекрытие состояло всего из одного ряда плит. Склеп, как было сказано, относится к рубежу II и I вв. до н.э. [Сокольский, 1972].

Однако не всё столь однозначно, и кризис государства совсем не обязательно знаменует тотальное бедствие для всех его граждан. Если боспорское население в это время действительно обеднело или даже обнищало, то отнюдь не поголовно. В этом отношении вспомним знаменитого Протогена Ольвийского (IOSPE, I², 32), деятельность которого, как представляется, относится ко второй половине III в. до н.э. Государственная казна Ольвии тогда пустовала, и Протоген из личных средств отстраивал городские укрепления, откупался от назойливых варваров, выкупал заложенные священные сосуды, покупал хлеб для своих обнищавших сограждан и т.д. [см.: Виноградов Ю.Г., 1987, с. 179 сл.; Виноградов, 1999, с. 70 сл.; Русяева, Супруненко, 2003, с. 149 сл.]. Богатые люди в то время, естественно, были и на Боспоре [Блаватский, 1964а, с. 111], но о них мы почти ничего не знаем.

М.И. Ростовцев абсолютно правильно отметил, что период, охватывающий вторую половину II – начало I вв. до н.э. (т.е. предмитридатовское и частично митридатовское время), в истории Боспора является «наиболее тёмной эпохой» [Ростовцев, 1925, с. 211]. Надо признать, что за прошедшие с тех пор 90 лет эта эпоха не очень прояснилась.

В отношении культуры столичной элиты Боспорского государства следует отметить, что и в то время в Пантикапее возводились монументальные гробницы. Во всяком случае, одна из них хорошо известна – это *склеп «Пигмеев»*, речь о котором шла выше (см. главу 2.9, № 8), его обычно датируют в пределах II–I вв. до н.э. Помимо того, есть основания считать, что по мере углубления в эпоху эллинизма в пантикапейском некрополе возрастал процент кремаций, среди которых имеются довольно богатые комплексы [Ростовцев, 1925, с. 211–214]. По всей видимости, именно в позднем эллинизме появляется особый тип погребальной урны с четырьмя ручками. Некоторые из этих урн, помимо обожжённых костей, содержали довольно богатый набор вещей [см.: Извлечение, 1855, с. 183–185; ОАК за 1891, с. 38; Шкорпил, 1904, с. 149, № 422; 1907, с. 61, № 197].

В общем, надо признать, что на основании перечисленных памятников можно составить весьма туманное представление о культуре элиты столицы Боспора, а о её особом блеске говорить вообще не приходится. В этом отношении гораздо более информативны *погребения Артюховского кургана*, расположенного, как уже говорилось, на Таманском полуострове. М.И. Максимова считала, что этот курган представлял собой семейную усыпальницу крупных землевладельцев Таманского полуострова [Максимова, 1979, с. 23; Мордвинцева, Трейстер, 2007, Kat. Nr. A7], и с её заключением, очевидно, следует в полной мере согласиться, поскольку в кургане было обнаружено несколько богатых гробниц. Выше было сказано об открытых здесь двух или трёх склепах «македонского» типа – гробницы II, VII и, возможно III (см. главу 2.8). Помимо них, в кургане были обнаружены три каменных ящика – гробницы I, IV и VIII [Максимова, 1979, с. 9–11] и две грунтовые могилы – V и VI [Максимова, 1979, с. 12–13].

М.И. Ростовцев признавал полную одновременность трёх неразграбленных погребений этого кургана и датировал их второй половиной III в. до н.э. [Ростовцев, 1925, с. 275]. М.И. Максимова, как представляется, была вполне согласна с первым тезисом своего учителя, но значительно омолодила датировку кургана, относя его то к середине или третьей четверти II в. до н.э. [Максимова, 1960, с. 57], то к 140–125 гг. до н.э. [Максимова, 1967, с. 241], наконец, к середине II в. до н.э. или немного более позднему времени [Максимова, 1979, с. 8–9, 23]. Такая хронологическая атрибуция почти не вызвала возражений. К примеру, М. Пфроммер признаёт в отношении гробницы II [см.: Максимова, 1979, с. 144–148], что открытое в ней мужское погребение относится ко второй половине II в. до н.э., а женское – к середине или второй половине этого столетия [Pfrommer, 1990, S. 266 FK 123].

Не споря с авторитетными исследователями по поводу предложенных ими

датировок, хочется обратить внимание, что в отношении хронологической атрибуции всего Артюховского кургана не всё столь просто и понятно. Сама М.И. Максимова признавала, что одна из его грунтовых могил (гробница V), судя по находке монеты Левкона II, может относиться ко второй половине III в. до н.э. [Максимова, 1979, с. 13, 129]. К сожалению, она никак не объяснила обозначенный ею хронологический разрыв между этой могилой и другими гробницами кургана.

В высшей степени любопытно при этом, что характерной особенностью погребального инвентаря Артюховского кургана является изобилие драгоценностей при полном отсутствии оружия. Иными словами, эти самые показательные для предмитридатовского времени комплексы нельзя считать захоронениями варварской или полуварварской элиты Боспора, для культуры которой, как неоднократно говорилось выше, типична ярко выраженная военизированная окраска. М.И. Максимова специально отметила, что Артюховский курган характеризует культуру элиты Боспорского государства накануне восстания Савмак [Максимова, 1979, с. 22], и это утверждение, на наш взгляд, нельзя считать слишком большим преувеличением. Необходимо при этом обратить внимание: находки из двух гробниц (I и II) позволяют считать их жреческими (см. главу 5.5).

В заключение необходимо признать, что скифо-боспорский союз второй половины II в. до н.э., как представляется, был явлением довольно своеобразным и, скорее всего, он не означал того, что боспоряне были свободны от дани скифам. Ю.Г. Виноградов был не совсем прав, утверждая, что с союзников дань взиматься не могла [Виноградов Ю.Г., 1999, с. 62, прим. 2], она, скорее всего, взималась, пусть в скрытой форме дипломатических даров. Зададимся, однако, другим вопросом: мог ли этот союз и эти дипломатические дары гарантировать безопасность Боспора, надёжно защитить его восточные границы в столь непростой военно-политической обстановке? Думается, что нет. То, что в своё время могла обеспечить Боспорскому государству Великая Скифия, Малой Скифии было явно не по силам. Когда же в результате нарастающей дестабилизации обстановки в регионе неэффективность этого альянса стала вполне очевидной, был найден новый спасительный вариант в виде передачи власти понтийскому царю Митридату VI Евпатору. В такой ситуации позиции «скифской партии», конечно, были весьма уязвимы.

Нет сомнения, что переход власти над Боспором к владыке Понта имел свою предысторию [Смекалова, Дюков, 2001, с. 57]. Очень показательны, что металл для боспорских монет во второй половине II в. до н.э. доставлялся, скорее всего, из Понтийского царства [Смекалова, Дюков, 2001, с. 55-56], и вообще боспорские и понтийские монеты этого времени демонстрируют сходство по многим параметрам [см.: Голенко, 1968, с. 39-40; Дюков, 1977, с. 156; Нестеренко, 1987, с. 80-81]. Все это подтверждает точку зрения Д.Б. Шелова о том, что часть пантикапейской элиты пыталась найти пути сближения с Понтом ещё за 10-12 лет до включения Боспора в державу Митридата [Шелов, 1956б, с. 203 сл.], к чему её, по

всей видимости, толкало осознание пагубности союза со Скифией. Сторонников такой позиции можно условно назвать «понтийской партией». Несмотря на это, приходится признать, что приверженцы скифской ориентации были весьма многочисленны и влиятельны. В.П. Яйленко, несколько заостряя проблему, отметил, что в это время варварский мир получил на Боспоре решительное преобладание над греческим городским, что уже стало угрожать деэллинизацией государства [Яйленко, 1990в, с. 129]. Вмешательство Митридата, проводившего на этом этапе политику филэллинства, оказалось или, правильнее сказать, могло поначалу показаться спасительным для эллинства Боспора Киммерийского и шире – всего Северного Причерноморья.

Ю.А. Виноградов.